

Люди заповедные

*100-летию создания первого российского
заповедника посвящается*

Люди заповедные

*100-летию создания первого российского
заповедника посвящается*

— СБОРНИК ОЧЕРКОВ —

Сочи
ФГБУ «Кавказский государственный природный
биосферный заповедник»
2016

УДК 502.72
ББК 28.088л6
Л 93

— ПРЕДИСЛОВИЕ —

Автор-составитель сборника Евгений Богданов

Авторы: Евгений Богданов, Екатерина Головина, Николай Ескин, Ольга Турищева
Редакция сборника: Яна Малиновская и Наталья Буторина
Художник Сергей Подольский
Дизайн обложки Алена Небусова

Издатели выражают особую благодарность за предоставленные материалы Евгению Веселовскому и Сергею Сокольскому.

Фотографии предоставлены авторами публикаций.

Люди заповедные. 100-летию создания первого российского заповедника посвящается. — Сборник публикаций. — Сочи.: Типография «Оптима», 2016. — 272 с.

ISBN 978-5-91789-225-2

Эта книга — сборник очерков, посвященных ярким представителям российского заповедного сообщества, тем, кто до сих пор работает в государственных заповедниках и национальных парках или рядом с ними, тем, кто посвятил свою трудовую жизнь государственным природным заповедникам и национальным паркам. Идея создания этой книги и принадлежит Эколого-просветительскому центру «Заповедники», организовавшему работу по ее подготовке. Авторы постарались проследить жизненный путь героев, раскрыть особенности их характеров, показать отношение к делу, напомнить любопытные моменты из их жизни и помочь им поделиться сокровенными мыслями. Публикации иллюстрированы фотографиями из архивов авторов очерков и их героев.

Книга будет интересна не только профессионалам в области заповедного дела, но и всем любителям природы.

Авторы публикаций — участники и свидетели событий: Евгений Богданов, помощник директора Национального парка «Смоленское поозерье», писатель и журналист; Николай Ескин, заместитель директора по научной деятельности Кавказского государственного биосферного заповедника; Евгений Веселовский, член Русского географического общества, ведущий сотрудник Алтайского государственного природного биосферного заповедника; Екатерина Головина, биолог, журналист; Ольга Турищева, сотрудник Кавказского заповедника.

ISBN 978-5-91789-225-2

УДК 502.72
ББК 28.088л6

© Авторы, указанные на обороте, 2016

© ФГБУ «Кавказский государственный природный биосферный заповедник», Сочи, 2016

© Автор идеи и организатор подготовки сборника к печати АНО ЭкоЦентр «Заповедники», Москва

Кому-то нужны огни городов, яркие многолюдные улицы, театры и концертные залы.

А я вышел сегодня на берег Мологи и увидел, как играла в воздухе пара орланов, — это было такое захватывающее зрелище! Нет ничего прекраснее нашей природы, я прожил здесь всю жизнь и никогда не пожалел об этом.

В. В. Немцев (1917–2002)

Эта книга создавалась к грандиозному событию — 100-летию формирования отечественной заповедной системы, которая началась с создания в Российской империи, на Байкале, первого государственного заповедника — Баргузинского. Книга посвящена нашим современникам — людям, олицетворяющим, на наш взгляд, сегодняшний день заповедной системы России и обозначающих ее перспективу. Часто добрые слова и высокая оценка заслуг звучат в адрес только тех, кто уже покинул этот мир, но нам хочется изменить сложившуюся традицию. Мы отдаем дань памяти ушедшим — тем, кто заложил основы российской заповедной системы, но хотим рассказать о людях, которые немало сделали для нее и продолжают оставаться лидерами во многих природоохранных начинаниях.

Среди героев этой книги немало директоров ООПТ. Это легко объяснимо, ведь многие

руководители — герои нашей книги до своего директорства немало потрудились на охраняемых территориях в разных должностях, работая не за страх, а за совесть, во имя светлой цели.

Конечно, обо всех достойных людях, верой и правдой служащих отечественному заповедному делу и посвятивших ему жизнь, написать в одной книге невозможно, но наш нелегкий выбор облегчала надежда на то, что это — первая книга, за ней последуют другие. Пусть героями многих новых книг станут замечательные служители заповедной природы, работающие на охраняемых территориях во всех уголках нашей страны. Пусть их яркий путь на фоне прекрасной и такой разной российской природы послужит надежным ориентиром для тех, кто придет им на смену, и для всех, кто по-настоящему любит Природу и Дело, служение которому он для себя однажды выбрал.

Евгений БОГДАНОВ,
*один из авторов этой книги,
два десятка лет служащий
заповедному делу в национальном
парке «Смоленское Поозерье»*

— СОДЕРЖАНИЕ —

Евгений Богданов

Страна Бижония

/Александр и Наталья Бижон/ 7

Главный по наследию

/Юрий Веденин/ 23

**Обыкновенная
незаурядная личность**

/Василий Вичкунин/ 34

**Герой татарского
заповедного эпоса**

/Юрий Горшков/ 45

Созвучие фамилии

/Александр Губернаторов/ 60

**Природа нужна для того,
чтобы мы оставались людьми**

/Наталья Данилина/ 75

**Настоящий человек
в настоящем заповеднике**

/Сергей Ерофеев/ 94

Заповедный бортевик

/Михаил Косарев/ 107

**Служение идеалам —
бескорыстное и рассудочное**

/Нина Литвинова/ 126

Две половинки одного целого

/Ольга Макарова и Анатолий Хохлов/ 137

Служитель заповедного культа

/Наталья Марченко/ 147

**Охрана природы
с геологическим уклоном**

/Валерий Новиков/ 166

Призвание на генном уровне

/Семья Олигер/ 182

Заповедности звенящая струна

/Семен Устинов/ 201

Олицетворение Русского Севера

/Елена Шатковская/ 221

Екатерина Головина

**От кюбзовской лыжни
до африканской саванны**

/Всеволод Степаницкий/ 243

Ольга Турищева

Хозяйка древней рощи

/Юлия Ерофеева/ 258

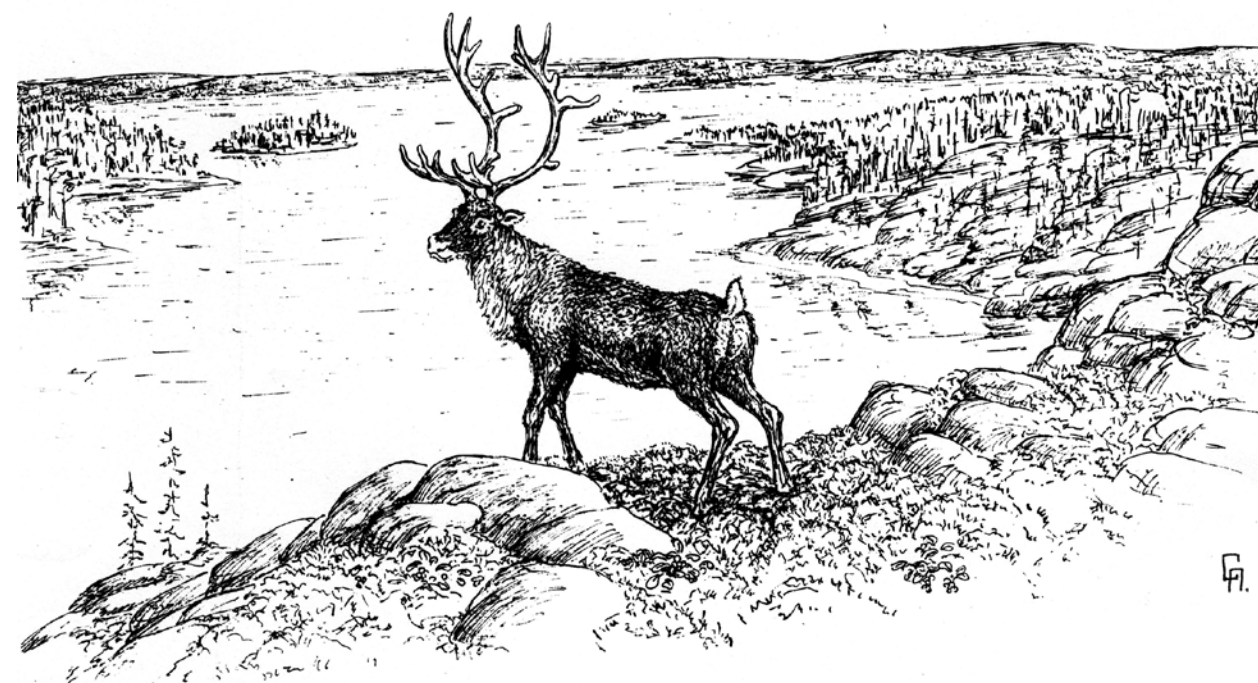
Николай Ескин

Человек, любящий жизнь

/Николай Миргородский/ 265

— СТРАНА БИЖОНИЯ —

Александр и Наталья Бижон

«Паанаярви» — северная сказка

В Северной Карелии, на самой границе с Мурманской областью и Финляндией и совсем не вблизи от проезжих дорог и популярных присутственных мест, простираются владения не маленького (около 104 тысяч га) российского национального парка «Паанаярви». Парк назван так в честь одноименного самого глубокого (128 м) в Карелии озера. Название переводится с карело-финского как «лыжный путь, лыжня».

Как говорят сами хозяева НП «Паанаярви», а также его гости, пейзажи здесь — изумительные, многообразие ландшафтов — исключительное, а природный комплекс в целом — уникальный. Соответственно, ярые поклонники этих мест настоятельно рекомендуют величать озеро Паанаярви северным

Байкалом (вариант — карельским Байкалом), а весь национальный парк в целом — северной Швейцарией (или карельской Швейцарией). По поводу такого сравнения я подумываю, что Швейцария могла бы неплохо зарабатывать на использовании своего названия — так часто жители России называют родные природные красоты ее именем.

Про «Паанаярви» говорят, что расположен он в самом медвежьем, дремучем углу европейской части России. И если бы не был создан национальной парк, то эта территория вполне могла бы к сегодняшнему дню потерять даже намек на свою первозданность. Дело в том что этому району Карелии советскими хозяйственниками была уготована судьба скорее образцовой лесосе-

ки, нежели участка дикой природы. Финны здесь отстроили поселок лесозаготовителей Пяозерский, где проживали работники самого богатого в Карелии леспромхоза. Финские лесопромышленники были заинтересованы в импорте качественной древесины из Карелии, поскольку своих зрелых лесов в Финляндии к этому времени уже почти не осталось. С созданием национального парка леспромхоз, естественно, был закрыт, и в поселке теперь располагается администрация парка.

После войны в течение полувека существенная часть территории нынешнего национального парка относилась к приграничной, то есть почти не посещаемой местными жителями зоне, и природа здесь за этот период существенно восстановилась, приблизившись к первозданности.

Но к распаду Советского Союза, к концу 1980-х годов, вместо красивейшего озера Паанаярви могло появиться водохранилище — для запланированной здесь гидроэлектростанции. Когда экологи осознали реальность этих планов, то всколыхнули общественность, в результате за озеро разгорелась настоящая война, и в 1992 году вместо промышленной зоны здесь был создан национальный парк «Паанаярви».

Коллективу национального парка во главе с Александром Владимировичем Бижоном, который стал директором этого природоохранного учреждения через несколько лет после его образования, пришлось основательно потрудиться, чтобы свести на нет все следы серьезного вмешательства человека в дикую природу. Сегодня сам директор

«Паанаярви» говорит о парке: *«Невозможно описать словами красоту этого уникального места. Парк располагается в одной из самых живописных местностей Карелии, почти не затронутой хозяйственной деятельностью человека. Его территория отличается своеобразными климатическими, геолого-геоморфическими и гидрологическими условиями и изобилует ценными природными объектами, редкими видами растений и животных. Здесь находится одно из наиболее глубоких малых озер мира — Паанаярви, один из красивейших водопадов Карелии — Киваккакоски, самая высокая вершина Карелии, гора Нуорунен, с редкими экосистемами горных еловых лесов, горной лесотундры и тундры. Большая часть территории покрыта тайгой, в основном редкостойными ельниками.*

Флора парка включает около 570 видов, подвидов и межвидовых гибридов сосудистых растений, многие из которых произрастают здесь на пределе своих ареалов. Немало растений входит в группу редких и охраняемых в регионе видов. Состав фауны типичен для северотаежной подзоны европейской части России. Здесь обитают белка, заяц-беляк, горноста́й, лисица, росомаха, волк, бурый медведь, лось, лесной северный олень и другие животные. На территории гнездятся многие виды птиц: чернозобая гагара, гоголь, глухарь, кукушка, свиристель, вьюрок и т.д. Основу рыбных запасов водоемов НП составляют ценные породы: кумжа, палия, сиг, хариус, ряпушка».

Некий заезжий журналист, обалдевший от красот здешней природы, сказал об этом

Александр Бижон в 1996 году – самое начало долгого директорского пути!

национальном парке так: «Если Карелию называют северной сказкой, то богатство рек, озер и лесов в районе национального парка «Паанаярви» без преувеличения можно назвать страной северной сказки».

А я подумал: почему бы этой сказке сказок, кроме официального названия, не иметь еще одно, не связанное с лыжами, название?! И вот, вспомнив песню группы «Дюна» под названием «Страна Лимония», я решил, что для «Паанаярви» вполне подойдет другое, абсолютно круглогодичное и довольно душевное название — «Страна Бижония». А что — красиво и даже слегка загадочно! И, кстати, обоснованно, поскольку Александр Владимирович Бижон уже более 20 лет

Портрет счастливого человека. Александр Бижон в 2002 г.

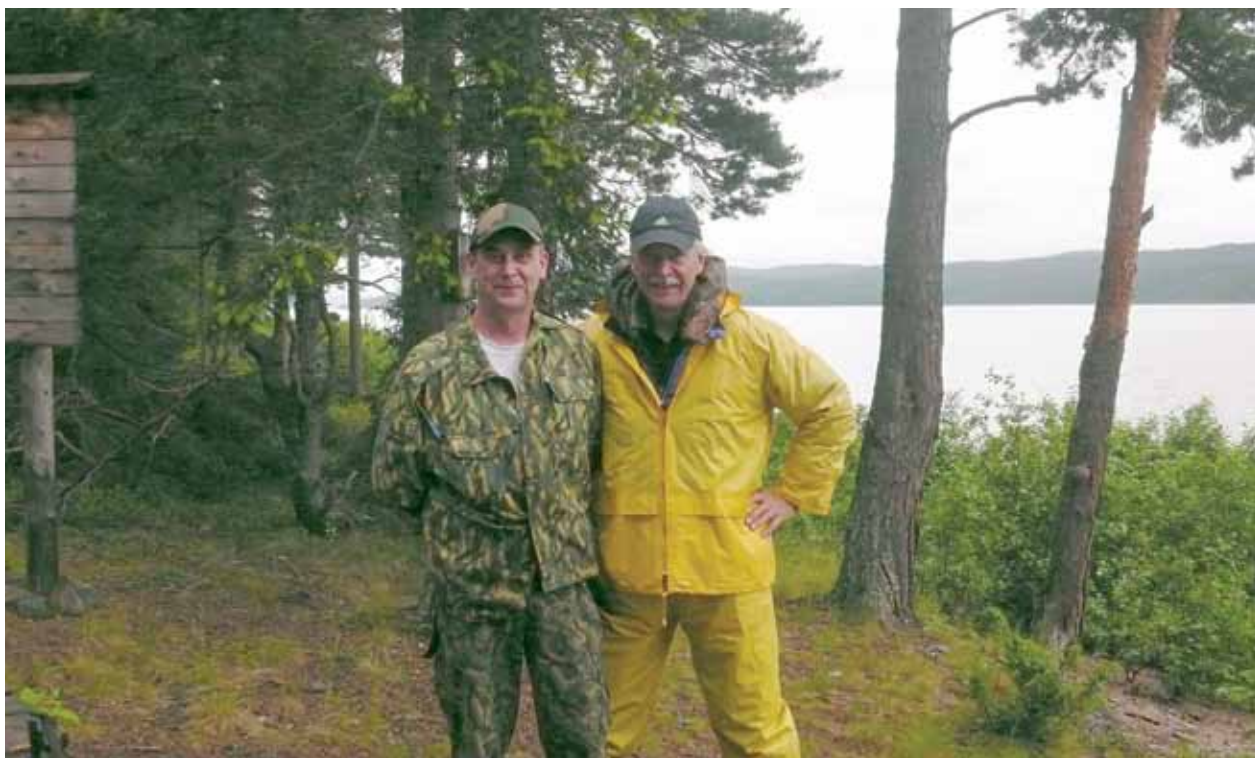

Александр Бижон получает сертификат Федерации Европарков, 2005 г.

является директором национального парка, а его супруга Наталья Владимировна Бижон — его боевой заместительницей, которая организует посетителей парка в смысле их туристических пристрастий и занимается ненавязчивым экологическим просвещением всех, кто попадет под руку. Одним словом, Бижония — и не надо со мною спорить!

«Я стану деревом твоим, мой лес могучий и прекрасный!»

Семейной традицией в качестве постоянной среды обитания Александру Владимировичу был предписан лесной океан, и ничто другое. Родился и вырос он в такой лесной семье, что даже в паспорте, в графе «Место рождения», у него значится короткое,

Александр Бижон принимает Бориса Грызлова. 2006 г.

как выстрел, но емкое, как стихия, и много объясняющее слово «Кордон».

Отец Александра в 28 лет на Вологодчине был назначен директором лесхоза со штатом в 450 человек. Где один родитель, там и другой: мать Александра тоже работала в лесном хозяйстве (оба родителя окончили в свое время Великолукский лесной техникум).

Отец был заядлым охотником, и сына тоже таскал за собой по чащобам и перелескам. Какому нормальному пацану это было бы не по душе? Как вспоминает сам Александр Владимирович, «в шестом классе, чтобы отвлечь меня от тяги к нелегальным взрывчатым веществам, мне было подарено персональное ружье и вручены ключи от ящика с боеприпасами. В моих руках оказалась весь охотничий ассортимент, вплоть до

медвежьего лабаза». Однако интерес юноши к лесу пересилил охотничью страсть.

Тем временем где-то не так далеко, по масштабам Советского Союза, росла девочка Наташа, смутно подозревавшая, что и ей суждено связать свою жизнь с лесными просторами: *«У меня лесником был дед по линии отца, он работал в белорусских лесах. Моя мама окончила Московский лесотехнический институт и работала в Подмосковье, в Гребневском питомнике, где выращивала лесные культуры и цветы в теплицах. С детства я слышала латинские названия растений и, соответственно, узнавала их в лицо. Когда я уже сама училась в институте, эти знания мне оченьгодились».*

Так и росли эти лесные дети порознь, не подозревая, что и тому, и другому через

Почти памятник... 2009 г.

некоторое время будет суждено пустить совместные корни в одном из дремучих уголков Карелии и вместе заведовать этим лесным краем.

Как известно, чтобы как следует реализовать детские устремления, необходимо «... во-первых, учиться, во-вторых, учиться и, в-третьих, учиться», как заметил В. И. Ленин, горячо и навязчиво любимый в советское время всем нашим многонациональным народом. Актуальность его рекомендации относительно учения со временем не уменьшилась. Что, собственно, наши герои и сделали, поступив с разницей в один год в Московский лесотехнический институт.

Овладевая лесотехническими премудростями в стенах славного вуза с почти столетней историей, теперь звонко имену-

емого Московским госуниверситетом леса, наши герои не удосужились познакомиться друг с другом — видимо, как в песне поется, Александр действительно считал, что «девушки потом». Встретиться им было суждено уже в Первой Московской лесоустроительной экспедиции, где Александр работал по распределению, а Наталья проходила преддипломную практику.

Исход Бижонов в заповедную Карелию

Сразу после окончания института проблемы заповедной системы наших героев волновали, мягко говоря, не очень, поскольку и других головных болей в их жизни хвата-

Наталья Бижон на Кенозерских чтениях, август 2008 г.

ло с избытком. Семь лет Александр Бижон «скитал» семью по экспедициям, делая короткие остановки то в Центральной полосе России, то в Молдавии, а то и в Сибири. Попутно копился неизбежный опыт, и многое с годами стало видеться в ином свете. Как и положено, инициатива жизненных перемен в семье исходила от главы семейства.

«После рождения второго ребенка пришло понимание, что кочевую жизнь надо заканчивать. Было много заманчивых карьерных предложений в Москве: таксатор со стажем — это высшая квалификация в лесной профессии. А профессионалов тогда ценили. Однако я не мог выносить министерскую атмосферу, поэтому выбрал

Союзгипролесхоз, где три года проработал начальником партии (не коммунистической) в отделе, занимающемся проектированием новых национальных парков. Собственно, это и было мое первое знакомство с системой ООПТ.

Одно время наш отдел занимался лесоустройством в национальном парке «Лосиный остров», где мне и предложили поработать главным лесничим, на что я согласился. Не секрет, что в «Лосином острове» существует своя специфика — помойки, шашлыки, самозахваты земельных участков, да и сам национальный парк расположен непосредственно в Москве. Потом директор «Лосино-го острова» ушел в Верховный Совет СССР.

Тогда руководителей выбирали, и меня выдвинули на директора. А я взял, да и отказался, поскольку уже имелась стойкая аллергия на директорскую должность: перед глазами стоял пример отца, сгоревшего на работе в 47 лет — у него от перенапряжения сердце остановилось.

Ну а затем началась перестройка, и в национальный парк пришел новый директор, после чего мне очень захотелось на свежий воздух!..»

Как раз в это время Александру Бижону поступило предложение занять должность директора Дарвинского заповедника, но, хорошенько поразмыслив, наш герой опять отказался. Вероятно, еще не совсем был готов круто поменять свою жизнь, хотя делать жизненные зигзаги ему было не впервой. Ну а уж когда на горизонте появился целеустремленный Олег Червяков, он-то и сманил Бижона главным лесничим к себе, в Водлозерский национальный парк. А уж оттуда Александр свет Владимирович позже ушел в «Паанаярви» — как говорится, из Карелии в Карелию.

«Помню, проходило какое-то совещание на Байкале, и я в гостинице попал в один номер с первым директором НП «Паанаярви» Яковом Федоровичем Семеновым — как говорится, судьба. Семенов тогда сразу обозначил: ты директор внутри парка, а я — снаружи. Работы было — непаханое поле. Наталья уволилась с престижной работы в Москве, мы оставили квартиру, взяли детей и без колебаний поехали в «Паанаярви».

Семенов через год вернулся в Москву, а я стал полноправным директором «Паана-

ярви». Приказ о моем назначении подписал министр лесного хозяйства В. А. Шубин в марте 1995 года».

У супруги свои воспоминания: «Приехав за мужем, как декабристка, в Северную Карелию, я первые пять лет работала по прямой специальности в лесхозе, инженером по лесным культурам — работать в одной организации с мужем не очень прельщало. Тогда поднялась очередная волна создания школьных лесничеств при лесхозах, а мне было интересно работать с детьми. Я активно занялась экологическим просвещением, в развитии которого отличным плацдармом была наша особо охраняемая природная территория. У нас образовался очень работоспособный треугольник: парк — школа — лесхоз. В то время стали складываться хорошие отношения с коллегами из Лесной службы Финляндии. У парка появилась перспектива реализации международных инвестиционных проектов, что было важно для развития. Специалистов и вообще квалифицированных кадров не хватало, Саше было сложно. Тогда парк подчинялся Госкомлесу Карелии, и его руководство посоветовало директору «Паанаярви» взять на должность научного сотрудника свою жену и загрузить ее «по полной».

Трансграничный резерват

Часть территории, на которой создан национальный парк «Паанаярви», до войны была частью Финляндии. Примириться со сложившимися реалиями у финнов получи-

лось быстро, и сейчас они в НП «Паанаярви» видят родственную территорию своего национального парка «Оуланка», тем более что эти два соседних резервата практически составляют единый природный комплекс, поделенный государственной границей в 1944 году. Парки активно сотрудничают — подписано соглашение о намерении создать трансграничную территорию «Паанаярви — Оуланка».

Александр Бижон не скрывает, что финское прошлое территории сыграло в судьбе «Паанаярви» исключительно положительную роль: *«Приграничное расположение придает определенную исключительность. В силу интереса финнов к довоенным территориям и правильно организованной работе инфраструктура парка стала отвечать европейским требованиям за десять лет до федеральных проектов, причем практически без федеральных денег».*

На реализацию различных проектов развития «Паанаярви» европейские соседи направили ощутимые суммы. В 2002 году был сдан в эксплуатацию двухэтажный визит-центр — это позволило национальному парку в дальнейшем общаться с посетителями на современном уровне. В визит-центре располагается дирекция национального парка. Его строительство было настоящей эпопеей: для ввоза строительных материалов, техники и оборудования через российско-финляндскую государственную границу в 2001 году правительству Республики Карелия пришлось даже принимать специальное распоряжение, поддерживающее проект TACIS «Развитие особо охраняемых природных территорий в

приграничной полосе Республики Карелия».

В 2013 году в прессе появилось сообщение о том, что вскоре в планируемом российско-финском национальном парке «Оуланка — Паанаярви» появится международный лодочный туристический маршрут. *«Этот маршрут из Финляндии в Россию по реке Оуланкайоки в озеро Паанаярви станет первым совместным проектом после создания трансграничного национального парка. Проверку паспортов можно организовать на берегу в определенные дни, когда сплавляются туристы, — отмечал директор национального парка «Оуланка» Матти Хови. — Оба парка готовы к сотрудничеству, создание трансграничного национального парка — это вопрос политического решения. У нас уже составлен общий план управления парком».*

Планы планами, а вот как объединить разные подходы к использованию территорий? Это вопрос далеко не простой. Например, НП «Оуланка» предельно открыт для туристов, для которых разработаны маршруты, построены избушки, оборудованы палаточные стоянки, кострища и приготовлены дрова. Заходи и пользуйся, только мусор увози с собой. За год совершенно бесплатно этот парк посещают около 80 тысяч человек. Сотрудникам «Оуланки» не ставится задача зарабатывать — государству достаточно того, что вокруг ООПТ развивается инфраструктура. Национальные парки давно стали важным экономическим фактором во многих государствах. Они не только помогают формировать доходную часть государств, но и обеспечивают населе-

Александр Бижон на прокладке зимнего маршрута, снегоход Буран

ние работой, способствуют поддержанию и модернизации инфраструктуры, помогают сохранять уникальные историко-культурные ландшафты и памятники.

Как в едином трансграничном парке удастся совместить устоявшиеся финские порядки с непрерывно меняющимися российскими порядками, представить трудно. Очевидно, и преждевременно. Совместно разработанное обеими сторонами Положение о российско-финском национальном парке «Оуланка — Паанаярви» отправлено в соответствующие министерства России и Финляндии. Там с ним ознакомились и... пока отложили в сторону. Политика, понимаешь!

Туризм в пределах «Паанаярви»

Руководству национального парка «Паанаярви» пришлось сделать немало, чтобы не только вернуть здешней природе статус дикой, но и должным образом оборудовать территорию для экологического туризма.

Александр Бижон на совещании директоров национальных парков, Каргополь, 2007 г.

Однако что делать, если потенциальный турист проживает далеко, как его завлечь на территорию? Прежде всего, стоит ли желать, чтобы сюда хлынул хаотический поток посетителей, желающих пощупать ручками все, что растет и водится в природе, и потоптать ножками неведомые дорожки? Стремиться к увеличению количества посетителей руководство парка пока не намерено, считая, что это вызовет серьезную нагрузку на среду.

Александр Бижон утверждает: *«Не секрет, что стихийный, неконтролируемый туризм приводит к разрушению природных и исторических ценностей. Мы хотим предложить населению организованный отдых, стараясь совместить приятное с полезным: отдых и экологическое просвещение людей. Практика показывает, что это многим по душе. Экологический туризм, популярный во всем мире, в последнее время активно развивается и в нашей стране».*

Настоящей изюминкой «Паанаярви» является его нетронутая природа и в то же время относительная доступность».

Туда, где сохраняются эталоны наиболее ценных экосистем, доступ посетителям запрещен. А вот в зоне познавательного туризма созданы все условия для ознакомления с достопримечательностями парка и экологического просвещения. Разработаны однодневные экскурсии по оборудованным маршрутам: гора Кивакка, водопады Киваккаоски, Мянтюкоски и Селькакоски, участки на вершине горы Нуорунен, Красные скалы и др. Зона регулируемого рекреационного использования предназначена для полноценного туризма и отдыха на природе; по специальным платным разрешениям допускаются спортивное и любительское рыболовство, любительский сбор ягод и грибов».

В настоящее время «Паанаярви» достаточно популярен у любителей дикой природы. Еще бы: богатая рыбалка, пешие, водные и снегоходные маршруты по красивейшим местам вдали от цивилизации — все это привлекает русских и зарубежных туристов, несмотря на определенные неудобства, например, здесь отсутствуют не только фешенебельные отели, но даже мобильной связи нет.

В НП ведется строгий учет посетителей. Динамика положительная: в 2015 году парк посетили 6597 туристов — на тысячу больше, чем в предыдущем году. Много ли это и нужно ли больше, ведь расчетная рекреационная емкость парка — 15 тысяч ежегодных посетителей? По этому поводу у Бижона как у руководителя есть совершенно четкая, взвешенная позиция: «Раскрутка территории — это вопрос пиара. «Паанаярви» с точки зрения природной и визуальной ценности находится в первой десятке отечественных нацио-

Хорошее настроение, 2013 г.

Пресс-тур в Паанаярви, 2013 г.

Три директора, справа налево — Александр Бижон, Дмитрий Безобразов, Александр Кочергин, 2004 г.

нальных парков, и помочь осознать этот факт нашим потенциальным посетителям не проблема. Ведь раскрутил же свои болота Водлозерский НП, или вот Полистовский заповедник сейчас целенаправленно и успешно работает в подобном направлении. Мы сознательно не пиаримся потому, что парк не нуждается в случайных туристах. Сейчас у нас есть возможность формировать круг тех посетителей, которым реально нужен парк, и мы работаем только с ними. Ожидания и полученные впечатления должны совпадать.

Что касается отшиба цивилизации, то в современных условиях это понятие относительное. Интернет, скайп и прочие штучки технического прогресса дают возможность работать в любом месте.

Расположение офиса ООПТ в больших городах — нонсенс в любой стране мира. Сложившаяся практика расположения офисов в областных городах, по моему мнению, ошибочна и может обернуться кадровыми проблемами непосредственно на территориях в ближайшем будущем. К тому же, в удаленности от столиц есть еще одно преимущество — подальше от начальства».

В 2007 году, выступая в Каргополе на совещании директоров национальных парков России, Александр Бижон рассказал коллегам, что, кроме развития инфраструктуры, для управления туристическими потоками специалисты конкретно для «Паанаярви» разработали стратегию развития устойчивого туризма. С учетом отсутствия посторонних землепользователей на территории парка

было регламентировано его посещение, полностью запрещена охота, промаркированы места запрета рыбной ловли. Александр Владимирович подчеркнул, что туристическая деятельность на территории национального парка осуществляется только при стопроцентном участии его администрации, а привлечение турфирм практикуется лишь за пределами парка.

Что касается дороги, то в «Страну Бижонию» автомобильный путь начинается на повороте от федеральной трассы М18 Санкт-Петербург — Мурманск, откуда стокилометровая дорога ведет до поселка Пяозерский. От поселка до заповедной территории еще почти 60 км. В национальный парк можно попасть единственным путем, и в этом есть несомненная прелесть. «Нам очень повезло, что на территорию национального парка ведет лишь одна дорога. Минувя ее, добраться до парка практически невозможно. В таких условиях проконтролировать туристов намного проще», — говорит директор.

Порядки для туристов в «Паанаярви» — не забалуешь. Прибыл в национальный парк — в первую очередь, будь добр, зарегистрируйся в визит-центре, получи там разрешение на посещение территории и путевку. Без этих документов дальше кордона не пройдешь. Такие строгости позволяют держать ситуацию под контролем, следить, чтоб никто не потерялся и не набедокурил на солидной по размерам таежной территории. Всех посетителей инструктируют о правилах поведения на охраняемой территории.

За размещение с туристов берут плату. Перемещаться по территории парка можно

лишь по специально разработанным маршрутам. Это тем более важно, поскольку, как и в других национальных парках, в «Паанаярви» есть немалые заповедные участки (суммарно они составляют примерно четверть всей территории парка), куда туристам и прочим посторонним лицам доступ запрещен. К тому же при упорядоченном передвижении посетителей по территории легче поддерживать порядок и чистоту, да и охранные мероприятия значительно упрощаются.

Наталья Бижон с гордостью подчеркивает: *«У нас в лесу порядок, мусора нигде не увидите. И браконьеров нет — даже по озеру в наши владения никто несанкционированно не пробирается. Тут все на виду, все всех знают и видят. Наш парк популярен, особенно в сезон: уже с 10 апреля любители дикой природы бронируют места проживания на все лето вплоть до середины августа, заказывая комнаты в одном из семнадцати домиков. Для гостей здесь создана вся необходимая инфраструктура: кроме домиков, оборудованы 15 мест для палаток, рядом — автостоянки, туалеты, бани, кострища, лежат дрова, есть контейнеры для мусора. Всего одновременно в домиках и палатках мы можем принять до 300 человек».*

Как уже отмечалось, руководство национального парка прекрасно понимает, что просто показывать природные прелести — это банально и несовременно. Если уж мы говорим об экологическом туризме, то он должен просвещать и воспитывать, будучи ориентированным на разные группы посетителей. В «Паанаярви» этот тезис претворяется в жизнь.

Например, есть здесь база для детско-

го экологического лагеря. Наталья Бижон замечает: *«Наша хорошо оборудованная база не пустует. Сюда приезжают дети не только со всей России, но и из Финляндии. Здесь мы проводим международные смены, для которых специально построен дом. Конечно, задействуем и широкие возможности своего визит-центра».* Как показала практика, дети подобные лагеря запоминают на всю дальнейшую жизнь...

Есть в национальном парке и своя этнографическая программа. Например, в урочище Вартиолампи до войны была процветающая раскольничья деревня. Теперь здесь этнографический центр, в котором развернута соответствующая экспозиция (домашняя утварь, сельскохозяйственные инструменты и т.п.), а для посетителей проводятся различные мастер-классы. Это самое посещаемое место в «Паанаярви». Работает здесь потомственная карелка, которая знает историю своего народа и с удовольствием рассказывает о ней. Она печет пироги по традиционным местным рецептам, поет народные песни и, благодаря личному обаянию, привлекает в национальный парк не меньше посетителей, чем природа.

Конечно, в сезон всему коллективу приходится трудиться не покладая рук, особенно государственным инспекторам. Кроме исполнения непосредственных охранных обязанностей, они и гидами работают, и домики содержат в порядке, и баньку топят, и кашеварят при необходимости. Никто не отлынивает, потому что все понимают: добротная организация туризма — одна из основных задач абсолютно всех сотрудников учреждения.

На совещании директоров ООПТ во Владивостоке, 2013 г.

Карело-финские особенности управления территорией

Человек подсознательно стремится к первозданности, которой, к счастью, на нашей планете пока еще хватает, особенно в России. В будние дни население страны на дикие пространства никакого внимания не обращает — жметя к столице да к промышленно-культурным центрам. Но когда во время отдыха это же население оказывается в безлюдных «пампасах», то дружно мычит от восторга: «Какая красота!» Однако вскоре люди возвращаются в душные каменные джунгли и, как сказку, вспоминают визит в малообитаемые края.

В этом смысле Александр Владимирович цену вверенной ему территории знает:

«Национальный парк «Паанаярви» сегодня — это территория для гурманов, для тех, кто понимает и умеет ценить дикую природу. Расположение парка является его уникальным преимуществом, а вовсе не недостатком. А отсутствие местных жителей на территории позволило избежать известных конфликтов».

Наталья Владимировна вторит супругу — не потому, что муж и жена всегда думают одинаково, просто она говорит об объективной действительности, которая видна, как на ладони: *«На мой взгляд, «Паанаярви» не просто хороший парк. Это очень хороший парк. Уже к своему десятилетию национальный парк на своей территории имел современную инфраструктуру, визит-центр европейского уровня, лицензию на туроператорскую деятель-*

ность, организованный туристический поток, разработанную и активно действующую структуру экологического просвещения и охраны территории. Парк радушно делился своими наработками: одни из первых в системе мы проводили на своей территории нужные и полезные для коллег из других ООПТ обучающие семинары по экологическому туризму, просвещению и охране».

Существуют ли какие-то особые принципы управления территорией в «Паанаярви»? Пожалуй, в этом национальном парке свой взгляд на привычный порядок действий, о котором в выступлениях и публикациях постоянно говорит директор парка Александр Бижон.

«...Обязательно нужен индивидуальный подход к каждой территории, они ведь очень разные. Типовые положения лишь определяют режим использования территории. И, конечно, нужен кадровый резерв, в первую очередь директорский.

...Высшее начальство не может руководить парком, да и не рвется это делать — далековато, к тому же масштабы не те. Поэтому отношения с ним у нас в основном складываются по принципу «приказ — ответ», причем в строго установленные сроки, с прозвоном о получении приказа и его выполнении. По большому счету, начальство и не выдумывает ничего особенного — все вытекает из федерального закона. Остальное — это деятельность хозяйствующего субъекта. Единоначалие и полная ответственность директора, в том числе материальная. В нашем парке функционирующий механизм отлажен, смазан и 90% времени может работать и без директора. Хотя

периодическое влезание директора со знанием дела в узкие вопросы улучшает его имидж.

...Мне повезло, что в моем распоряжении оказалось десять таких лет, когда на территории можно было делать все, что считаешь нужным. И мы этот шанс не упустили.

...В настоящее время у нас эффективный трудоспособный коллектив. Первые два-три года было тяжело, но постепенно без резких движений почти все конфликтные работники ушли по собственному желанию. Помогла школа экспедиции: молодого человека сажают с судимыми бичами в вертолет — и в тайгу. Нужно их заставить работать. Насмотревшись в заповедниках на конфликты с наукой, я решил, что научных работников в чистом виде в «Паанаярви» не будет. И ни разу об этом не пожалел.

...Создано полноценное работающее учреждение. Есть необходимая инфраструктура, солидный имидж и международное признание. Особых проблем нет, потому что нет населения на территории. Тем не менее, не являясь биосферным резерватом, «Паанаярви» давно реализовал принципы Севильской стратегии: парк встроен в местную экономику и работает в гармонии с местными властями».

Александра Владимировича поддерживает супруга: «У нас сейчас такой коллектив, что утром все, от уборщицы до директора, идут на работу с удовольствием. Мы все гордимся тем, что работаем вместе на благо и процветание «Паанаярви», поддерживая имидж нашего парка. Пусть это

звучит несколько пафосно, но это действительно так! Люди с другими представлениями у нас просто не задерживаются».

И еще об одном. В 2003 году в лесопитомнике «Вилга» под Петрозаводском проходило совещание по проблемам лесопользования с участием президента страны В. Путина и руководителей соответствующих федеральных ведомств, ученых и работников лесного хозяйства Карелии. На совещание был приглашен и Александр Бижон. В своем выступлении Александр Владимирович, рассказывая о деятельности охраняемой территории, особо отметил тот факт, что национальные парки вполне могут зарабатывать деньги сами, чтобы хоть в какой-то мере компенсировать затраты государства на их содержание. Это был не теоретический тезис. На сегодняшний день, как сообщила в печати администрация парка, его доходы, полученные от обслуживания посетителей, составляют 30–35% бюджетного финансирования.

Маловато будет!

С 2013 года на самом высоком уровне неожиданно стал рассматриваться вопрос о расширении национального парка «Паанаярви» за счет присоединения к нему в виде филиала (кластера) территории государственного природного заказника регионального значения «Кутса», который, в свою очередь, является частью Кандалакшского района Мурманской области. Расширение запланировано нешуточное: площадь «Паанаярви» может одним махом увеличиться более чем

наполовину! В 2015 году прошли встречи проектировщиков, природоохранных чиновников и администрации НП «Паанаярви» с местными жителями. В ходе слушаний было подчеркнуто, что объединение территорий не подразумевает административного передела: мурманские земли к Карелии не отойдут, а только получают новую форму управления.

Преимущества присоединения «Кутсы» к «Паанаярви» для местного населения очевидны: и новые рабочие места будут созданы, и надлежащий порядок на территории будет поддерживаться штатными сотрудниками, и появятся условия для развития туризма, что особенно важно, поскольку уже сейчас эту территорию ежегодно посещают несколько тысяч человек, в основном любители водного туризма, которые сплавляются по здешним рекам. Но о положительном решении вопроса говорить еще очень рано, потому что есть и другая точка зрения.

Дело в том что категорически против предложенного рекреационного варианта развития «Кутсы» выступают представители местного бизнеса, прежде всего лесоперерабатывающего. Однако федеральные власти, выступившие инициатором объединения карельской и мурманской охраняемых территорий, планируют убедить все причастные ветви власти, в том числе региональные и местные, а также уладить юридические нюансы.

Бижон, не будучи в большом восторге от предполагаемого расширения территории, тем не менее к этому варианту развития событий, как советский пионер, всегда готов. У него уже есть план развития новой террито-

рии: «Если проект будет утвержден, то мы сделаем все для того, чтобы добросовестно выполнить федеральное постановление. Это не будет легко для нас, ведь между нашими территориями даже нет прямой дороги. Там есть поселок Алакуртти, где остались бывшие военные городки, есть люди, которые могут быть востребованы. К тому же в 50–100 километрах находятся мурманские промышленные города, людям есть куда съездить отдохнуть. Есть приличная дорога и международный пункт пропуска Салла в 30 километрах».

Искомый результат

Любое дело дает хороший результат, если его исполнители берутся за работу со здоровым фанатизмом — говоря проще, когда они за дело болеют душой.

Тот факт, что у вышестоящего начальства национальный парк «Паанаярви» уже давно на хорошем счету, заслуга в первую очередь руководства этого учреждения. Парк прекрасно справляется с задачей охраны природы на вверенной ему территории, при этом дает сорок пять рабочих мест в бывшем леспромхозовском поселке Пяозерский, обеспечивает загрузку гостиниц и кафе. Знаменитый визит-центр используется не только по прямому назначению, но и служит местным культурным центром — здесь проходят научные и школьные конференции, многие поселковые праздники.

Для любой заповедной территории чрезвычайно важно, как ее потенциал, ее

состояние оценивает руководитель. Думаю, что в данном случае, как в любви: директор должен быть уверен, что его территория — самая уникальная, и ей уготовано только светлое будущее. Хозяин Бижонии в этом уверен вполне: «Когда в парке проработано 22 года, отношение к ситуации меняется. Парк сделан, парк есть и парк будет. Мы уже получили результат. Независимо от того, будут Бижоны там работать или нет. Конечно, хотелось бы, чтобы в будущем было как минимум не хуже. Если в парке работать не буду, трагедии никакой не случится, новое место работы искать не буду и в системе оставаться тоже. Есть куча дел, которыми хотелось бы заняться, но на которые сейчас нет свободного времени. Хотелось бы уйти по своему решению, надеюсь, так и будет. Пора отдать должное семье, тем более что с каждым днем все больше тянет к внукам».

Мнение хозяйки, как всегда, подкрепляет мысли мужа: «Для меня парк — это мой ребенок, уже взрослый, но еще нуждающийся в нашей заботе и любви. И еще есть красивые идеи и мечты о его развитии, и их хочется воплотить в жизнь».

Все стороны нашей деятельности развиваются гармонично, на одном уровне, и мы стараемся, чтобы этот уровень был высоким».

Евгений Богданов

— ГЛАВНЫЙ ПО НАСЛЕДИЮ —

Юрий Веденин

Понятие «наследие» чрезвычайно важно для особо охраняемых природных территорий, особенно для национальных парков, которые, в большинстве своем, создаются именно с учетом индивидуальных форм наследия.

Однако обывателю порою бывает трудно разобраться не только в том, что от кого и зачем нам нужно охранять, но и то, что по-настоящему может и должно считаться нашим наследием — как общепланетарным, так и отечественным. Именно поэтому в XX веке появились люди и даже организации, специализирующиеся на вопросах наследия.

Не подлежит никакому сомнению, что одним из крупнейших российских профессионалов в области культурного и природного наследия в нашей стране является Юрий Александрович Веденин, в свое время создавший Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

Первоначальная среда обитания

Москвичу Юре Веденину было суждено родиться в угрюмом 1937 году, олицетворяющем один из самых ожесточенных периодов в истории Страны Советов. Наш герой рос в барачном поселке под Москвой — в этом «микрорайоне» ранее жили заключенные, строившие канал Москва — Волга. Соответственно, влияние этих отчасти вынужденно деклассированных элементов на тех, кто рос на этих же улицах, было существенным.

Юру от подобных компаний спасла Ее Величество Природа. Рядом располагался Покровско-Стрешневский парк и Химкинское водохранилище — они-то и помогли мальчишке ощутить себя частью основы мироздания. Именно там парень проводил большую долю свободного времени, порой даже за счет школьных занятий. Ну и, конечно, влияла семья и книги. Юра много читал,

и особенно сильное воздействие на него оказали Константин Паустовский и Михаил Пришвин. Не меньшую роль в формировании жизненного увлечения, ставшего судьбой, сыграли первые учителя. Ими оказались ботаник и художник. Под руководством первого подросток стал юннатом, много занимался садоводством в школьном саду и уже тогда подумывал о профессии биолога. Второй буквально заразил Юрия любовью к искусству. Юра Веденин не стал художником, но любовь к живописи сохранил на всю жизнь.

Зигзаги научной деятельности

Выбор для продолжения образования по окончании школы в 1955 году был немалый, но Юра предпочел лесотехнический институт, потому что, начитавшись Паустовского, всерьез собирался стать лесником. Уже в студенческие годы Юрий увлекся ландшафтной архитектурой и захотел стать ландшафтным архитектором.

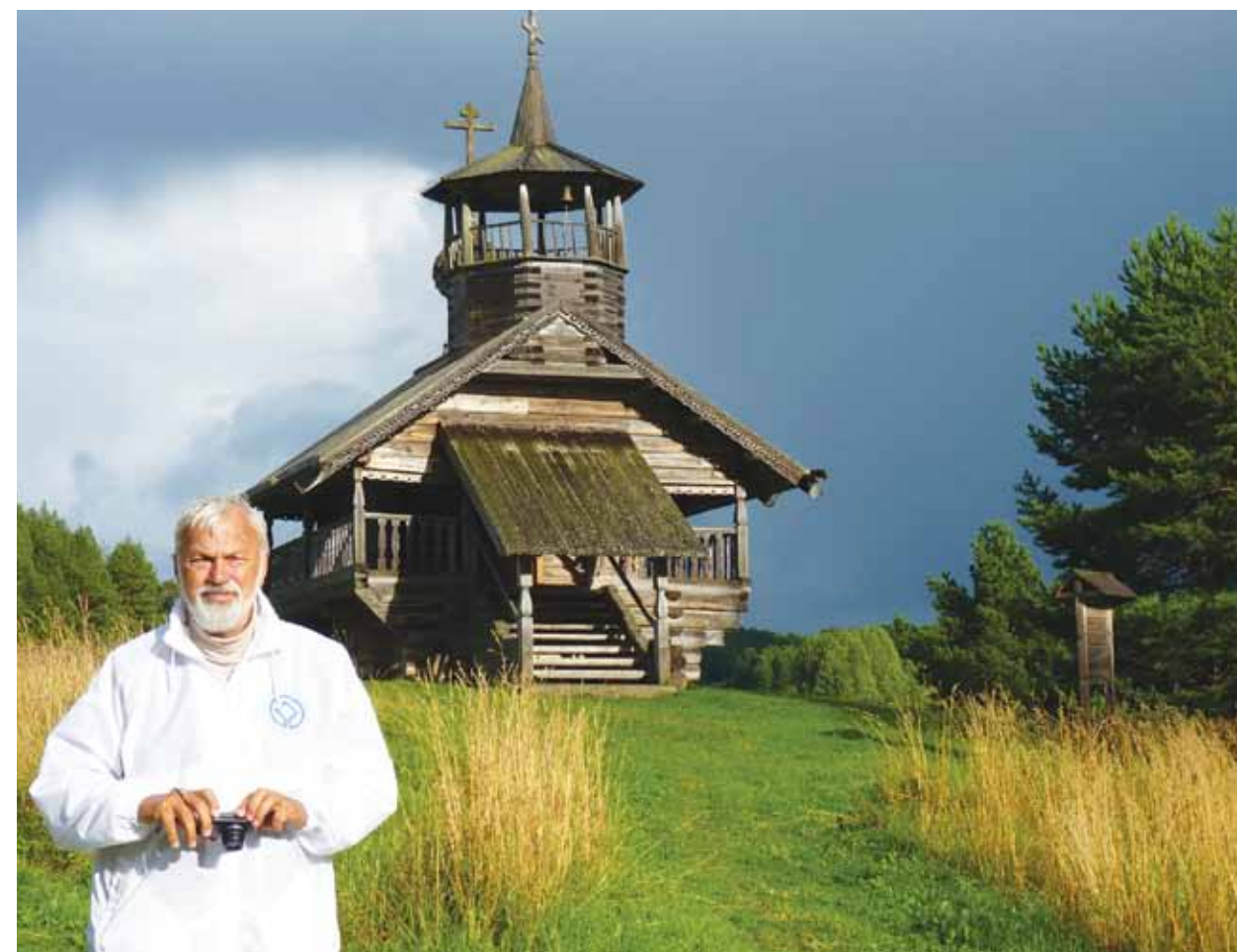
В самом начале своей профессиональной жизни ему несказанно повезло встретить замечательного человека, очень нужного для должного ощущения себя в выбранном деле. Это была Софья Пелентреер, которая помогла Юрию Веденину полюбить старинные парки и русские усадьбы так же сильно, как любила их она сама. В результате Веденин с удовольствием и сосредоточенностью какое-то время занимался реставрацией парков. Но вскоре жизнь Юрия Александровича сделала неожиданный поворот, и он с головой погрузился...

в географию. Только, видимо, оттого, что в классической географии все давным-давно уже было разложено по полочкам, вместе с товарищами Веденин занялся созданием нового направления в географической науке — рекреационной географии. Успокоился? Ан нет! Вновь, если говорить морским языком, случился «поворот все вдруг», и наш герой с головой погружается в географию искусства и даже пишет книгу на эту тему — «Очерки по географии искусства». То есть как бы та же география, да совсем не та!

Охрана наследия, Россия и Юрий Веденин

К моменту распада Советского Союза вопросы культурного и природного наследия во всем мире были подняты на самый высокий уровень. В 1972 году на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята международная конвенция «Об охране всемирного культурного и природного наследия».

Как вспоминает Юрий Александрович, для него история с наследием началась с экспедиции, организованной при содействии Советского фонда культуры: «Именно во время этой экспедиции была создана относительно стройная программа по изучению уникальных исторических территорий. На первом этапе эта программа определила действия по сохранению исторических культурных ландшафтов на Соловецком архипелаге и Валааме. Экспедиция была комплексной, в ней принимали участие представи-

Живое наследие

тели самых разных профессий — географы, экономисты, социологи, историки и другие. Это позволило разработать всеобъемлющую концепцию, определившую новые подходы к сохранению наследия и основывающуюся на самом широком представлении о наследии, на необходимости учета взаимосвязи между культурным и природным наследием, на важности сохранения не только отдельных памятников, но и обширных территорий, а также связанных с ними ландшафтов».

Говоря о роли Веденина в формировании отечественной науки об охране наследия, приведем слова заведующей отделом

культурных ландшафтов и традиционного природопользования Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева Марины Евгеньевны Кулешовой, которая многие годы является одним из главных соратников нашего героя: «Именно благодаря Веденину в тематике охраны наследия впервые зазвучала ландшафтная концепция. Со своими ближайшими коллегами он сформулировал базовое понятие наследия, заложил научные основы его комплексной охраны».

Разработки Веденина по литературным ландшафтам и само выделение таковых —

это новое, нетривиальное и нестандартное понимание культурного ландшафта. Он адаптировал методы сохранения памятников и ансамблей к сохранению ландшафтных объектов наследия. Благодаря настойчивости Веденина в федеральный закон «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» было введено понятие культурного ландшафта, развито представление о территориях объектов культурного наследия, введен ряд важных положений о достопримечательных местах и историко-культурной экспертизе.

С автором статьи и Мариной Кулешовой в Кенозерском Национальном парке

Главное дело жизни

Всегда скромный, Юрий Александрович утверждает, что своим возникновением Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, созданный в 1972 году, обязан исключительно Советскому фонду культуры. Но люди, знакомые с этой историей не поверхностно, говорят, что если бы не кипучая деятельность Веденина, теория никогда практикой не обогатилась бы, и институт остался бы лишь на бумаге.

Да, в основу формирования института была положена концепция, сформированная по ходу упомянутой выше экспедиции. Да, многие коллеги Веденина поддержали его идею и впоследствии стали сотрудниками этого нового института. Но ведь и противников вновь предложенного проекта было хоть отбавляй! Прежде всего, это были предста-

вители тех министерств, которые номинально отвечали за сохранение культурного и природного наследия. Преодолеть непонимание было очень непросто, и это могло бы стать сюжетом отдельного очерка! Как бы там ни было, но все неприятности остались позади, Юрий Веденин возглавил созданный институт, собрал команду, и началась важная и очень нужная научная работа. Экспедиции, обработка материалов, конференции и семинары, обмен опытом, статьи и книги. Веденин возглавлял Институт наследия 21 год. Чего удалось достичь за это время? Сам Юрий Александрович об этом говорит так: «Мне кажется, что наиболее значительные достижения были связаны с разработкой концепции культурного ландшафта, внедрением этой концепции в деятельность как национальных парков, так и музеев-заповедников, исторических поселений и достопримечательных мест. Важную роль во

внедрении этой концепции в практику сыграла монография «Культурный ландшафт как объект наследия». Нам удалось доказать, что создание новых охраняемых территорий и развитие уже существующих невозможно представить вне концепции культурного ландшафта. Много было сделано для того, чтобы доказать, что важнейшей частью культурного ландшафта является нематериальное наследие, наследие, связанное с этнографией, историей, фольклором, с естественными науками. Много было сделано для разработки картографических методов изучения наследия».

С явной ностальгией по тем временам вспоминает Марина Кулешова: «В созданном под руководством Юрия Александровича Веденина Институте наследия жили-

были научные сотрудники и не замечали, что место сие было необычным — царили в нем творческая атмосфера, взаимоуважение, взаимопонимание, отсутствовали диктат и снобизм, приветствовалась инициатива и было интересно работать. Властные вертикали не стояли торчком, как пальма на ветру, а просто выполняли свои функции с опорой на демократические (соборные) методы принятия решений. В институт постоянно обращались за помощью и консультацией представители регионов, фраза «Я из Института наследия» произносилась с гордостью, а в ответ нередко звучало «О, как же, это веденинский институт, знаем!» Словом, Институт наследия был вторым домом, куда стремишься вернуться и по которому скучаешь». Кому доводилось работать в подоб-

Наталья Данилина, Юрий Веденин, Наталья Грамолина

ном коллективе, тот обязательно поймет эту тоску по творческой атмосфере и команде единомышленников!

Главное разочарование жизни

Пришла пора в нашем повествовании воспользоваться знаменитым законом Мёрфи, который гласит: «Если какая-нибудь неприятность может произойти, она обязательно случится». Принципиальная позиция Веденина, всегда выступавшего против излишней коммерциализации охраны наследия, кое-кому давно уже, подобно некой кости, встала поперек горла, и, ссылаясь на его возраст, Юрия Александровича переместили из директоров в главные научные сотрудники. Понимая, что рано или поздно нужно уступать дорогу молодым, он был готов продолжать работать в этой роли. Но институт начал стремительно меняться, его покидали настоящие ученые, рушилось то, что создавалось годами. А когда институту нарезали цензурные функции, Веденин воспринял это как личное оскорбление и срам для научного учреждения, которое он создавал совсем для других целей. И ушел.

Контакты истинного удовольствия

Еще в Институте географии Веденин участвовал в работах, связанных с особо охраняемыми природными территориями,

В Смоленском Поозерье на научно-техническом совете национального парка

На Ветлуге

Мы и в мешках неплохо передвигаемся!

в том числе и в организации первых, тогда еще советских национальных парков. В начале 2000-х Веденин участвовал в разработке Стратегии управления национальными парками России, сформированной Центром охраны дикой природы.

Вот что рассказывает сам Юрий Веденин по поводу своего взаимодействия с отечественной системой ООПТ: «Мои отношения с российской заповедной системой не были постоянными, но я от этих контактов получал истинное удовольствие. Уже давно меня интересовал институт национальных парков. Еще в 1970 году я написал статью под названием «Зарубежный опыт организации национальных и природных парков». Со многими национальными парками меня связывают не только профессиональные интересы, но и чисто человеческие переживания».

Юрий Александрович принимал непосредственное участие в разработке первого менеджмент-плана для Кенозерского парка, прошел его территорию из конца в конец с экспедицией, заложил основы его культурно-ландшафтного районирования, что позже явилось и продолжает оставаться основой плановых работ по сохранению культурного и природного наследия в этом удивительном уголке Русского Севера.

Юрий Александрович считает: «Сегодня невозможно говорить об охране природы вне учета деятельности человека, причем относящейся и к сегодняшнему дню, и к истории. В настоящее время нет таких участков природы, где не прослеживалось бы влияние человека. При этом следует иметь в виду деятельность, которая влияет на состоя-

Хорошее настроение

ние не только материальной части ландшафта, но и нематериальной тоже. Это религия, фольклор, этнография, топонимика и т.д. Такое представление самым непосредственным образом связано с документами, разрабатываемыми Центром всемирного наследия ЮНЕСКО.

Необходимо сохранить все многообразие природоохранных территорий. Все они вносят свой вклад в сохранение наследия. Необходимо осознавать, что местный социум на территории парков является таким же предметом заботы, как и природное и культурное наследие. Местные жители должны чувствовать себя комфортно и не ощущать себя лишними на этой земле. Для этого необходимо дать им возможность продолжать свою традиционную деятельность, в том числе полеводство, животноводство и рыбную ловлю. Возможно внедрение и инновационных технологий, позволяющих людям не отрываться от современного мира. Важно, чтобы они не рассматривали парк как нечто враждебное, мешающее им нормально жить».

Природные заповедные территории и музеи-заповедники — вместе!

Больной и старый вопрос. Есть заповедники и национальные парки, которые подчиняются Министерству природных ресурсов и экологии. Есть музеи-заповедники, которые подчиняются Министерству культуры.

На целом ряде совещаний поднимался вопрос о том, чтобы объединить усилия двух ведомств по сохранению наследия. Пока какое-то подобие такого объединения удалось реализовать только в отношении Кенозерского национального парка.

Юрий Александрович Веденин вместе с директором ЭкоЦентра «Заповедники» Натальей Романовной Данилиной активно способствует развитию сотрудничества между национальными парками и музеями-заповедниками, разведенными по разным ведомствам, но объединенными сходными функциями, миссией, задачами и проблемами.

В августе 2007 года в Кенозерский национальный парк на очередные Кенозерские чтения впервые в истории одновременно съехались представители десятка с лишним национальных парков и музеев-заповедников. Обсуждали они, опять же впервые, тот же вопрос: как бы нам объединиться, чтобы вопросы сохранения наследия решать совместно? В конце, как подобает, приняли резолюцию, костяк которой сформулировали те же Юрий Веденин и Наталья Данилина. Участники чтений советовали, просили и даже требовали, но, к сожалению, тех, кому она была адресована, резолюция семинара оставила равнодушными.

Цитирую Юрия Александровича: «Моей мечтой было и остается объединение природоохранных и историко-культурных территорий в одну систему. Я бы очень хотел, чтобы в России возникла отдельная служба по охране историко-культурных и природоохранных территорий, по подобию Службы национальных парков США. Но эта мечта пока остается нереализованной».

Личность государственного масштаба

Юрий Александрович относится к тем личностям, которых называют лидерами. Негромкий, но по-настоящему мудрый, он способен влиять на окружающих, убеждать их и вести за собой — набор именно этих качеств и позволил нашему герою когда-то стать во главе инициативной группы, создавшей Институт наследия.

Вот как пронзительно и бережно характеризует личность Юрия Веденина уже неоднократно упоминавшаяся и цитируемая в этом очерке Марина Евгеньевна Кулешова: «Юрий Александрович Веденин ушел с поста директора института в 2013 году. Единственный человек ушел со своего поста, и все счастье пропало, как не было. Оказывается, это он один держал высокую планку внутриинститутских отношений и профессионализма, при нем не поощрялись ни обман, ни подлость, ни халтура. Он никогда не умел и не умеет по сей день говорить грубости, он ни с кем не конфликтует, а пытается найти обоюдоприемлемое решение. Он кажет-

ся мягким и слишком интеллигентным для нашего хамоватого времени, но в действительности он крепко держал в своих мягких руках коллектив в двести человек. Его трудно было заставить в кабинете на директорском кресле — он преимущественно находился в секторах и отделах: подсказывал новые идеи, определял направления работ, обсуждал результаты. Юрий Александрович обладал и обладает удивительной способностью сразу проникать в суть вопроса, предлагать, казалось бы, простые решения; он способен увидеть системное целое там, где собственные мысли разбегаются врозь.

В творческих коллективах Юрий Александрович Веденин наравне со всеми впрягается в работу, и более того — выполняет чужую работу, если кто-то не справляется с ней (вот уж совсем нетипичный руководитель и мэтр). С ним всегда интересно в экспедициях и командировках — географ сидит в его характере, исследовательское любопытство заставляет забираться в дебри, перелезать через заборы, искать броды в речках, преодолевать километры бездорожья. Это не кабинетный ученый. Высокая должность за 21 год его директорства не сделала его снобом. Он не позволял себе даже пользоваться институтской машиной, предпочитал метро, никогда не использовал административный ресурс в личных интересах, никогда ничего для себя в Министерстве культуры не просил и, соответственно, не был избалован министерским вниманием».

Ко всему перечисленному, Веденин — уважаемый и почитаемый Ученый — именно с большой буквы! Без ссылок на него не

В институте за работой

На юбилее своего Института

обходится ни одна серьезная публикация по наследию. Из его аспирантов 12 стали кандидатами наук, из них четверо впоследствии защитили докторские диссертации. Он всегда поддерживал и продолжает поддерживать новые идеи в науке и по-настоящему творческих людей. Его публичные выступления и научные публикации оказывали огромное влияние на различные аудитории, способствуя пониманию вечной ценности наследия — природного и культурного, материального и нематериального, движимого и недвижимого.

Добавлять к сказанному еще что-либо нет смысла: масштаб яркой, значимой личности государственного уровня очевиден.

Ощущение своей нужности

Чем Юрий Александрович занимается сейчас, после окончательного ухода из своего института? Продолжает отрабатывать методы охраны наследия — в частности, вместе с ЭкоЦентром «Заповедники» подготовил методические рекомендации для сотрудников национальных парков. Как, «по несекретному секрету», сообщила Марина Евгеньевна Кулешова, «он много выступает на различных форумах, его постоянно приглашают выступить с лекциями. В качестве государственного эксперта он оказывает содействие в разработке проектной документации по различным достопримечательным местам нашей необъятной Родины. Будучи соучредителем Фонда наследия или членом

Ну и что, что так нельзя - надо ведь!

экспертного совета по ООПТ при Минприроды РФ, он продолжает отстаивать приоритет подлинности и целостности в деле охраны природного и культурного наследия».

Что говорит сам Юрий Александрович?

«Лично мне держаться на плаву помогает, прежде всего, продолжение работы, причем совсем не в смысле нахождения в каком-то учреждении для зарабатывания денег, и, конечно, семья и друзья. Что важнее, я не знаю. Любое сокращение этого списка ведет

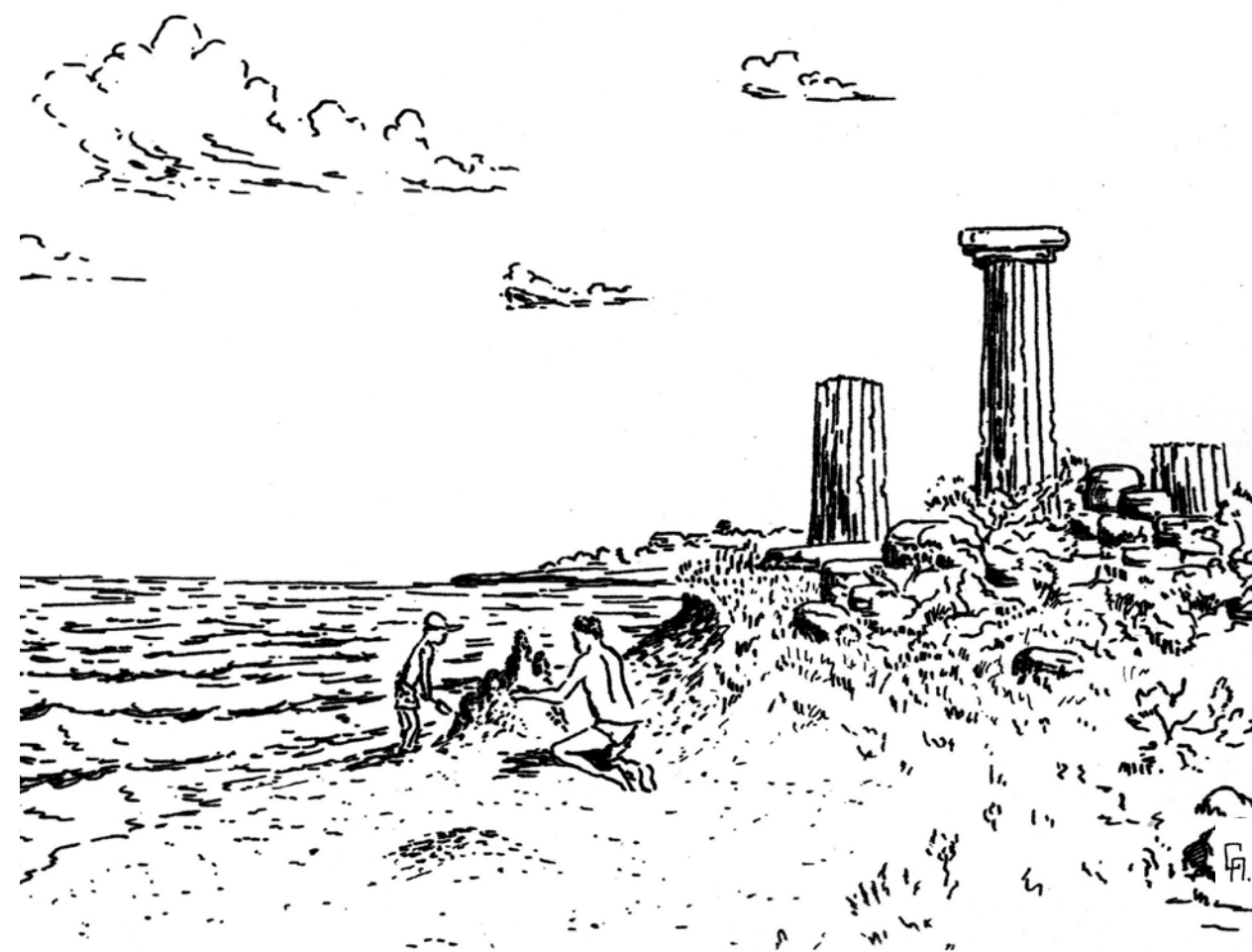
к дискомфорту и потере ощущения своей нужности».

«Продолжая жить, буду стараться получать удовольствие от жизни, хотя это очень трудно. Буду работать в меру своих способностей и сил. Хочу написать книгу о роли географической науки в изучении и сохранении наследия. Встречаться с друзьями, путешествовать. Помогать своим близким, прежде всего жене, дочерям, внукам и внучкам. Хотя, честно говоря, побаиваюсь, что многое из того, что я планирую, исполнить не удастся...»

Люди, подобные Юрию Александровичу Веденину, вполне заслуживают включения

в некий Человеческий список Наследия. И пусть такого списка пока нет и уж тем более он не находится под покровительством ЮНЕСКО, но от этого его предполагаемое значение не становится менее существенным.

Евгений Богданов

— ОБЫКНОВЕННАЯ НЕЗАУРЯДНАЯ ЛИЧНОСТЬ —

Василий Вичкунин

«Мы внутри не очень-то комфортабельного салона отечественного микроавтобуса, который презрительно называют «буханкой», болтаемся, как горошины в погремущке, — едем по главной дороге Нижне-Свирского государственного заповедника, рассекающей его территорию практически пополам. Дорога, собственно, это две глубокие колеи, заполненные грязной кашей рядом с болотами и ручьями. В таких местах машина, сорвавшись передними колесами в колею, переставала подчиняться водителю и начинала ехать по прямым указаниям дороги, точно повторяя извивы колеи. Романтично, но небезопасно.

Человек за рулем, продолжая рассказ о

заповеднике, оглядывался на нас, крутил вырывающийся руль, поминутно рвал рычаг переключения скоростей, болтался синхронно с нами на крутых ухабах, да еще и ухитрялся отвечать на звонки по сотовому телефону.

Все — одной рукой... Ему, как он теперь считает, не было трудно даже в детстве. Он, как все мальчишки, бегал, плавал, играл в футбол и волейбол, лазил по деревьям, дрался. Только ему приходилось делать все это лучше других, и тогда они, другие, переставали замечать его физический недостаток. И учился он тоже лучше других — по привычке. Только это не помогло. Когда пришло время поступать в институт, оказалось, что во многие учебные заведения дорога для него закрыта.

Это и привело Василия на работу в заповедник — сначала на Кавказ, а потом, когда друзья перебрались сюда, они его вызвали в Ленинградскую область. Кроме того, что он с одной рукой водит машину и «Буран», Василий умело, по-плотницки, работает топором, ремонтирует технику, зашивает дырки на рукавицах и отлично (был случай, когда он это продемонстрировал) стреляет.

У него есть такая история. На Кавказе, где в зону заповедника входил изрядный ледник, Василий шел с группой через хребтовину перевала. И сорвался на откос. По скользкому фирну он катился вниз, и, казалось, спасения не было: внизу — пропасть. Выхватил нож, воткнул в наст, рукоятка вырвалась из ладони. Потом увидел: внизу, у края пропасти, торчит скала. Перевернулся несколько раз, прицелился... И как шарахнется об этот камень! Сознания не потерял, удержался. Потом уже друзья вытащили. Как второй раз родился, говорит».

Эта цитата, повествующая о путешествии по Нижне-Свирскому заповеднику и о его примечательном сотруднике по имени Василий, взята мною из материала Станислава Петрова «Там, где растет альдрованда», размещенного в «Санкт-Петербургских новостях» от 28 января 2009 года. И посвящена эта цитата Василию Георгиевичу Вичкунину, многие годы руководившему службой охраны в нескольких заповедниках Советского Союза, а завершившему заповедную службу в роли начальника отдела экологического просвещения Нижне-Свирского государственного природного заповедника. Именно о нем этот очерк.

По всему видно, что из этого паренька выйдет толк! 1958 г.

Секреты мужества, или каким родился, таким и пригодился

В нашем обществе стала расхожей фраза «В жизни всегда есть место подвигу». Почти как у Евгения Шварца: «С 9 до 10 — подвиг». И все же, несмотря на всю затертость и расплывчатость понятия подвига, суть последнего вряд ли девальвировалась. История жизни нашего героя — тому яркий пример.

...В апреле 1947 года в небольшом городке Ставропольского края, который сейчас называется Зеленокумском, родился обыкновенный

мальчик, Вася-Василек. Только так уж судьба распорядилась, что родился он с одной рукой. А впереди у него лежала такая же длинная жизнь, как у сверстников, со всеми ее трудностями, выбором позиции или компромисса, сложностями и околичностями.

Казалось бы — беда. Но Василий по этому поводу говорит так: «Никаких особых трагедий не было. С одной рукой я родился и для меня это дело привычное. Вот кто был с руками, а потом внезапно одной лишился — это да, сложно приспособиться...»

Что ж, спорить не станем. В любом случае, отнести Василия к людям мужественным мы имеем полное право, так сказать, изначально.

Дороги, которые мы выбираем

В школьные годы, примерно с пятого класса, в душе Василия крепко, «по-взрослому», засела мечта стать геологом. При этом, конечно,

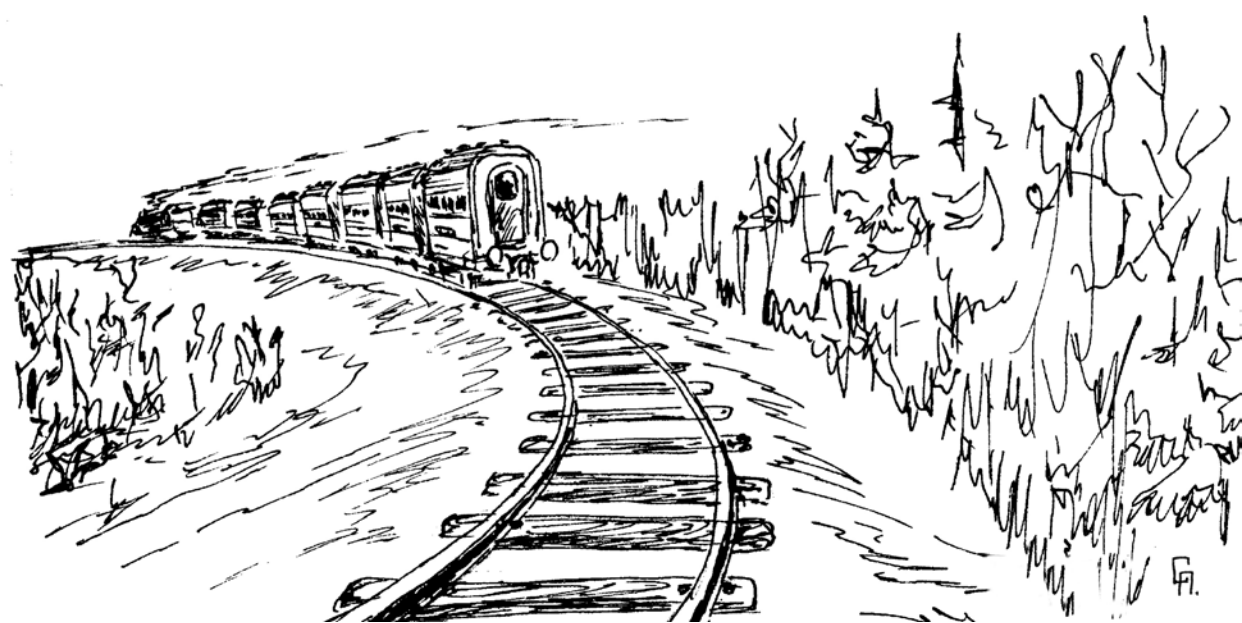

Окончена школа. Впереди - туманные дороги. 1965 г.

С дочерью Женей в Сары-Челеке

никакого, даже приблизительного представления о том, что на самом деле скрывает в себе это занятие, в чем его особенности и сложности, Василий не имел. Очевидно, что манила не сама профессия, а сопутствующая ей поисковая романтика, походы по дикой природе, поиск полезных ископаемых и победное открытие новых месторождений, а заодно, как бы попутно, преодоление себя и обстоятельств. Наши с Василием Георгиевичем современники, вероятно, помнят, насколько популярной в те годы была песня со словами: «Держись, геолог,

крепись, геолог, ты солнцу и ветру брат!». По рукам ходила затрепанная книжка Олега Куваева «Территория» — как раз о простецких, но мужественных людях, преумножающих славу страны. То есть было с кого делать настоящую жизнь!

В седьмом классе Василий подошел к осуществлению своей мечты совсем близко, почти вплотную, обретя твердое намерение подать документы в геологоразведочный техникум. Мудрые учителя отговорили его от этой затеи. Но после окончания школы парень все же поехал в Новочеркасск — поступать в политехнический институт на факультет геологоразведки. Однако вышла вполне объяснимая осечка: медицинская комиссия, не желая рисковать, решила не допускать к учебе в институте необычного юношу — все же в вузе военная кафедра, а парень к службе явно непригоден. Василий сказал себе: «Домой не поеду ни в коем случае!» — и, поскольку было еще не поздно, подал документы в соседний с политехом Инженерно-мелиоративный институт, на факультет лесного хозяйства. И опять медкомиссия чуть было не забраковала парня, и только в последний момент за Василия вступилась одна из медиков — бывшая фронтовичка, боевая и бескомпромиссная по характеру. Она отстояла его, сказав, что таких упорных ребят и надо принимать в самую первую очередь! И Василия приняли.

Дело, которому служишь

Да, так бывает часто, что смолodu планируешь себе на всю жизнь одно занятие, а судьба

перечеркивает планы и подсовывает другую стезю. Но она оказалась ничуть не хуже! А уж романтики в открывшейся профессии хватало. Та же дикая природа, тоже приключения и открытия, походы и даже чисто мужское дополнение — противостояние людям другой формации, подчас вооруженным и не ставящим законы ни в грош, то есть браконьерам.

Так что выбор «дела, которому служишь» оказался весьма достойным. Хотя я абсолютно уверен в том, что если бы этому человеку в связи с известными нам обстоятельствами досталась иная профессия, он бы и тогда не спасовал. Ведь на всю жизнь выбрал Василий себе для руководства замечательный девиз — простой и понятный, ставящий на первое место отношение к тому занятию с которым связала его жизнь: «Делай свое дело как должно, и пусть будет что будет...»

Жемчужина Киргизии как начальная точка заповедного пути

Так уж получилось, что понятие «заповедник» вошло в жизнь Василия Вичкунина неожиданно. В 1971 году окончила институт его любимая девушка (на год позже нашего героя), они сыграли свадьбу и отбыли по распределению в далекую Киргизию, в Ошскую область, лесхоз Кызыл Унгур. А там — горы, орехоплодовые леса, чудесная горная природа, необычная обстановка с азиатским колоритом — все абсолютно ново и уже потому необычайно интересно!

Супруги проработали в лесхозе два с

Теберда, 1978 г. А. Марков, К. Строчевой и Василий Вичкунин

половиной года: он — вначале лесничим, а потом главным лесничим; она — заведующей деревообрабатывающим цехом.

А совсем недалеко от лесхоза, в котором трудились Вичкунины, располагался Сары-Челекский заповедник, который к этому времени уже был знаменит и который, наряду с Иссык-Кульским заповедником, повсеместно называли не иначе как «заповедной жемужиной Киргизии». Директором заповедника в ту пору был замечательный человек и опытный руководитель Н. П. Виноградов. Испытывая нехватку хороших специалистов, он пригласил молодую семью на работу. Вичкунины быстро собрали свои нехитрые пожитки, погрузили их вместе с уже нажитой живностью — коровой и теленком — в грузовик и перебрались на новое место. Так и примкнула чета Вичкуниных к заповедной системе...

Вот слова Василия Георгиевича об этом периоде: «В Сары-Челекском заповеднике мы проработали чуть более трех лет, но разных событий за это время было столько, что, казалось, мы там прожили 30 лет! До

этого я мало представлял, что такое заповедник, но когда вжился, то понял: это мое!»

В контексте нашего повествования заслуживает внимания публикация писателя Е. Котлова в журнале «Юный натуралист», № 10 за 1977 год.

«Сары-Челек называют маленьким Байкалом, сравнивают с Рицей, швейцарскими озерами. Но разве кто устраивал эти конкурсы красоты? Сары-Челек — это Сары-Челек, он неповторим, его нужно увидеть!»

От света вечерней зари свечами запылали ели, зацепившиеся за крутолобые скалы, чтобы не попадать в озеро.

— Всё не налюбуетесь никак? — спросил я лесника Джекывалы Муртазаева, который уже двадцать лет подряд приходит к этому озеру.

— Разве можно к красоте привыкнуть? — тихо ответил Джекывалы и поглядел на Василия Вичкунина, главного лесничего заповедника, который только два года назад приехал в эти места как молодой специалист. Василий задумчиво улыбнулся и молча кивнул головой».

Конечно, работать в таком заповеднике молодой семье очень нравилось, но, слегка перефразируя В. Маяковского, скажем так: «Служебная лодка разбилась о быт». Дело в том что у Вичкуниных быстро подрастала дочь, а никакой школы в заповедном поселке не было. Отдавать девочку в первый класс интерната, расположенного в районном центре за 60 км, родители не хотели! Пришлось искать другое место (но уже не просто место, а в обязательном порядке заповедное!), где бы имелась школа.

Повседневных дел в заповеднике – не перечесть

Под покровительством Юрия Каратеева

Следующим заповедником Вичкунина, где он служил начальником оперативной группы, стал Тебердинский. «Есть на Кавказе уголок, где высокие, покрытые лесами и изумрудными лугами горы, белоснежные вершины, бурлящие стремительные реки, сказочно красивые высокогорные озера, жемчужные нити водопадов, пышная растительность и разнообразный животный мир как бы создают живой музей природы!» Так описывает этот заповедник Надежда Поливанова, долгие годы занимавшая в нем должность заместителя директора по науке. Директором заповедника в то время был Юрий Васильевич Каратеев — замечательный, смелый и умный человек, классный специалист, в то время один из лучших директоров в российской заповедной системе.

Шло время, и, на беду, случился конфликт директора заповедника с местными властями, постоянно зарившимися на отдельные участки охраняемой природной территории.

Василий Вичкунин со школьниками на экологическом маршруте

Доказывать свою правоту местным властям в тех обстоятельствах оказалось не просто сложно, а практически невозможно. И тогда вышестоящее начальство проявило мудрость и, как говорится, от греха подальше перевело Ю. В. Каратеева директором в Нижне-Свирский заповедник, в 1980 году только-только образовавшийся. Юрий Васильевич и пригласил Василия и Галину Вичкуниных в команду нового заповедника.

Этот самый краешек Ленинградской области, сосредоточенный вокруг реки Свирь, несущей воды из Онежского озера в Ладожское, имеет многовековую историю. Когда-то местность входила в состав Олонецкой губернии, но в народе, независимо от перемены «больших» названий, места эти всегда называли Присвирьем. Много интересного таит этот край с чудесной природой, поэтому Вичкунины ехали сюда с затаенным любопытством. И вот уже в течение 35 (!) лет, начиная с осени 1980 года, Вичкунины живут в Присвирье и работают в здешнем заповеднике.

Кстати, Василий Георгиевич считает, что имя Юрия Васильевича Каратеева стало

незаслуженно забываться. Что ж, пользуясь случаем, напомним нашим читателям об этой светлой заповедной личности.

...Юрию Васильевичу Каратееву, выпускнику Воронежского лесотеха, довелось на протяжении служебного пути руководить тремя государственными заповедниками: Мордовским, Тебердинским и Нижне-Свирским, и вклад его в развитие и становление этих территорий был чрезвычайно весом. Его запомнили как человека высокопрофессионального, при этом надежного и доброго, умелого и скромного, отличавшегося веселым нравом. Эти качества сочетались с принципиальностью, четкой гражданской позицией и готовностью принимать на себя ответственность. Он относился к руководителям, умеющим не только привлечь ценных специалистов, но и создать в коллективе такую атмосферу, что все работали с полной отдачей и удовольствием. Был Юрий Васильевич на редкость трудолюбив, но по полной спрашивал и с подчиненных. При этом авторитетом не давил, уважал людей и стремился в максимальной степени улучшить условия их работы и быта.

Его принципиальность в вопросах сохранения заповедного режима не нравилась тем, кто посягал на заповедные ресурсы. И местные царьки периодически организовывали травлю непокорного директора. На борьбу с этим уходило слишком много сил. Работа на износ вскоре сказалась на здоровье: Каратеев стал болеть и в начале 2001 года ушел из жизни. Похоронен на берегу р. Свирь — на природе, которую искренно любил и которой очень дорожил.

Сохранять, просвещая!

Так получилось, что Василию Георгиевичу пришлось поработать в заповедниках и главным лесничим, и начальником оперативной группы, и заместителем директора по охране, и, наконец, начиная с 2002 года, заместителем директора по экологическому просвещению. Конечно, всякий раз, когда приходилось менять род деятельности, нужно было учиться и перестраиваться.

С чего же началось нешуточное увлечение Василия Георгиевича экологическим просвещением, почему именно этот вид заповедной деятельности он, в конце концов, предпочел охране и лесной службе? Об этом он рассказывает следующее: «Работая в охране, я всегда с удовольствием занимался со школьниками, молодежью: проводил экскурсии, рассказывал о заповеднике. Пропаганда идей охраны природы входила в обязанности работников и научного и охранного отделов заповедника. Такое занятие мне нравилось и, когда в заповеднике образовался отдел экопросвещения, то я плавно перешел в него работать. Этому способствовал и ЭкоЦентр «Заповедники», благодаря которому я получил возможность значительно повысить свою квалификацию, познакомиться с опытом работы российских и зарубежных коллег. Я очень благодарен бывшему директору заповедника Владимиру Николаевичу Белянину, который в 2001 году поддержал мою просьбу о переходе на должность заместителя директора по экопросвещению, в которой я и проработал по 2015 год».

Василий Георгиевич не считает, что так

Василий Вичкунин в Себежском национальном парке на семинаре. Сидят, слева направо - Алексей Кузнецов, Андрей Кузнецов, Владимир Кроликов, стоит - Евгений Богданов. Май 2009 г.

уж изменил сферу своей деятельности, поскольку, он убежден, все работники на ООПТ заняты одним делом — сохранением природы, а потому «все отделы, в том числе и отдел охраны, пусть немножко, по мере сил и возможности, должны быть и экопросветителями, и охранниками, и заниматься наукой. В заповеднике иначе просто нельзя». Он не устает повторять, что «необходимость расширять экологопросветительское влияние на местное население есть и будет всегда». Свое принципиальное мнение у Вичкунина есть и по поводу развиваемого сегодня на заповед-

ных территориях экологического туризма: «На мой взгляд, к этому вопросу нужно подходить осторожно, не впадая в крайности. Показывать людям заповедную природу нужно, но в каждом конкретном заповеднике имеются свои природные условия, и что для одного заповедника мало (число посетителей), для другого — много. Необходимо тщательно определить допустимую нагрузку и в дальнейшем мониторить состояние природы и регулировать нагрузку на нее».

Для Василия Вичкунина очевидно, что сохранить природу только силами заповедни-

Лодейное Поле. В гостях у Беляниных с Василием Вичкуниным известные писатели Василий Песков и Николай Старченко

Семейный портрет на присвирском фоне. Василий Георгиевич с дочерью Женей, женой Галиной Владимировной и внуком Алёшкой

ков, без воспитания бережного к ней отношения каждого человека, нельзя. Поэтому он каждодневно, много и увлеченно работает с гостями заповедника, особенно с детьми. Между прочим, это далеко не каждому дано — так подать необходимую информацию, чтобы она не раздражала, была интересной и надолго запомнилась! Возможно, в этой работе полнее всего реализовались многочисленные таланты Василия Георгиевича, его эрудиция, знание литературы, особенно поэзии (по секрету, он и сам не чужд стихотворного

творчества!). Заражает собеседников и умение ярко, с любовью рассказывать о природе, и его неизжитый с годами романтизм!

Любовь и крепкий тыл

Уж неведомо, нечаянно так вышло или специально подстроено судьбой, но любовь нагрянула к Василию в институте прямо посреди, так сказать, учебного процесса. Будущая супруга Галина училась в том же вузе на курс младше, так что общаться друг с другом было нетрудно.

Став по окончании института инженерами лесного хозяйства и не медля поженившись, Галина Владимировна и Василий Георгиевич всю дальнейшую жизнь проработали вместе. И, как ни странно, Вичкунины до сих пор не надоели друг другу, хотя вместе они уже почти 45 лет! О своей супруге, рисуя не такой уж и частый образ «душа в душу», наш герой говорит: «Если что, то я бы ее без раздумий взял в разведку. В Нижне-Свирском заповеднике, и не только в нем, Галина всегда была душой коллектива!»

Нет такой техники в заповеднике, с которой Василий Вичкунин не управлялся бы легко и непринуждённо!

Дочь Галины Владимировны и Василия Георгиевича, закончив Ленинградскую лесотехническую академию, тоже стала лесником и теперь вместе с мужем работает по специальности в Ленинградской области.

Так что, как ни крути, а древний семейный идеал «Моя семья — это моя крепость и мой тыл» в данном случае вполне соответствует действительности. Тем более что, похоже, Присвирье для этой семьи оказалось зоной оседлости окончательно и бесповоротно. Безо всякой грусти по поводу того, что пришлось покинуть место, где он появился на свет, Василий Георгиевич замечает: «Конечно же, место рождения остается моей малой родиной. Однако вернуться в те края для постоянного проживания я никакого желания

не испытываю. Поехать погостить, повидаться с родными, друзьями, сходить на могилы предков — это другое дело. Дело в том что уж больно прикипели мы с супругой к Лодейному Полю и, особенно, к деревне Горка, где рядом с заповедником у нас дача прямо на берегу Свири. Что-то есть в этих местах особо притягательное. Здешняя природа уравнивает душу, успокаивает; здесь нам уютно и комфортно».

Так вот и прижились Вичкунины в Нижне-Свирском заповеднике, став теперь старожилами. С удовольствием работают, с неменьшим удовольствием и окунаются в свой уютный семейный быт. Василий Георгиевич на досуге любит работать с деревьяшками — вечно что-нибудь вырезает да строит, а то вдруг

2014 год. Готов к новым свершениям во имя Природы!

и сплетет экзотические ловушки для снов... Много фотографирует, хоть и считает, что особых успехов в этом деле пока не достиг.

«Я согласен на медаль!»

Есть у Василия Георгиевича и доказательства его преданного служения заповедному делу. В 1998 году, к своему 50-летию, Вичкунин был награжден государственной медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени — «за многолетнюю плодотворную работу и большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами».

«За большой вклад в развитие экологического просвещения на заповедных территориях России» в 2006 году Василию Вичкунину был вручен знак «Золотой бурундук», учрежденный общественной организацией «ЭкоЦентр «Заповедники». Есть и иное, скорее шутивное, подтверждение. Наш герой был отмечен «самопальным» деревянным орденом «Волонтерская звезда», учрежденным волонтерским центром, «за преданность и бескорыстное служение заповедному делу и активное участие в развитии волонтерского движения». По сравнению со многими другими заповедными коллегами наш герой буквально увешан наградами! И в данном случае уже совсем неважно, что две из трех этих наград не имеют государственного статуса — признание коллег тоже дорогого стоит!

Конечно, вовсе не ради каких-то знаков отличия трудятся заповедные люди, а особенно те из них, кого мы именуем энтузиастами! Василий Георгиевич как-то, совсем по другому поводу, сказал: «Здорово, когда есть любимая работа и чувство, что ты кому-то нужен, кому-то полезен. У меня в жизни всё это было».

Евгений Богданов

— ГЕРОЙ ТАТАРСКОГО ЗАПОВЕДНОГО ЭПОСА —

Юрий Горшков

Главный фигурант нашего повествования, человек всесторонне талантливый, живет ярко и неординарно, с осознанием чувства собственного достоинства. За что ни возьмется — выходит добротным и красиво. С ним, открытым и по-хорошему компанейским, в любой ситуации интересно, а в наш странный век, когда каждый тащит одеяло на себя, это встречается не часто. С него хочется брать пример, с ним хочется сотрудничать и просто находиться рядом. Короче говоря, без всякой натяжки он вполне тянет на определение «герой нашего времени».

Последние двадцать с лишним лет он руководит Волжско-Камским государственным

природным заповедником (ВКГПЗ). Подняв за годы своего директорства этот заповедник буквально из руин, он сделал его одним из самых сильных и надежных в заповедной системе. Для тех, кто еще не догадался, о ком идет речь, это Юрий Александрович Горшков.

Представитель биологической династии

Отец Юры в 1941 году, ускоренно окончив пехотное училище в Куйбышеве, сразу попал на фронт. После войны Горшков-старший окончил Казанский пединститут и до самой

пенсии преподавал физкультуру в медучилище. Там и познакомился со своей будущей женой. У них родились два замечательных сына — Юрий и Михаил.

И все же, несмотря на наличие героического отца, на выбор жизненного пути Юрия Горшкова больше повлияли женщины. Его мать, кандидат биологических наук, долгие годы работала в ТатНИИ сельского хозяйства, где выводила новые сорта ржи. Сыновья частенько помогали ей на опытных полях, поэтому выбор обоими биологического факультета Казанского университета не случаен.

Братья внешне очень похожи, их часто путают. Быть может, это происходит еще и потому, что в детские годы Миша во всем хотел походить на старшего брата. Они учились с разницей в пять классов в одной школе, оба занимались спортом.

Вспоминает Михаил Александрович: *«Я точно помню, когда брат по-настоящему определился с выбором в жизни. Тогда я только пошел в первый класс. Физруком в нашей школе была очень колоритная женщина, волевая и сильная спортсменка — Н. Н. Власова. У Юры она стала классным руководителем и постоянно вывозила своих подопечных на природу, учила разжигать костер, ставить палатку, ориентироваться на местности и, главное, любить природу, наши волжские просторы. Я тогда и заметил перемену в старшем брате. Он стал, как у нас принято говорить, полеви́ком, что решительно отличает ученых-натуралистов от кабинетных классификаторов, лабораторных экспериментаторов. Примерно в те же годы наш папа купил дачу*

на берегу Казанки, приобрел моторную лодку — иначе туда было не добраться. Мы с Юрой постоянно были на воде, на воле, это вошло в нас на всю жизнь».

Позже в их жизни был и такой характерный эпизод. Для своей диссертации брат позвал Мишу посидеть пару дней на одном из озер, где знакомый охотовед видел выводок лебедей. Братья просидели в засаде в лодке четыре дня, запасы продуктов давно закончились, и все же на зорьке осторожная семья птиц выплыла из камышей, и Юрий Горшков смог заснять через телеобъектив во всех ракурсах пару лебедей и выстроившихся в ряд птенцов. После такой небывалой удачи (считалось, что лебеди в Татарстане давно не гнездятся) старший брат предложил Мише... сгонять еще в один медвежий угол, где видели запруду, устроенную бобрами!

Через двадцать лет Юрий так же запросто скажет брату: дескать, нужна твоя помощь в заповеднике. И Михаил, не задумываясь, придет к нему работать, отодвинув свои ихтиологические интересы на шесть лет. Как же может быть иначе, ведь старший брат попросил!

Михаил биологической специализацией определил для себя зоологию, поскольку его увлекали водные виды фауны, ну а Юрий поначалу выбрал профессию, смежную с биологией: *«В Казанский университет я поступал в 1971 году. Очень модной тогда была биохимия. Был самый большой конкурс по этому профилю, пришлось экзамены сдавать только на пятерки, иначе не прошел бы. Два курса отучился и вдруг почувствовал себя неуютно. Стало как-то неинтересно. Тогда вот и перешел на кафедру экологии».*

В горах Хамар-Дабана с младшим сыном, 2008 г.

Приобретая биологическую специальность в университете, Юрий пришел в Казанский институт биологии (филиал Академии наук СССР), в лабораторию зоологии, на базе которой позже возник Институт экологии природных систем Академии наук Республики Татарстан. Работая в лаборатории, Горшков поступил в заочную аспирантуру Кировского сельскохозяйственного института, на кафедру биологии промысловых животных, которую возглавлял крупный ученый Сергей Владимирович Мараков. Влияние Маракова, причем не только в профессиональном плане, стало определяющим для Юрия Горшкова. Позже

Юрий Александрович не раз говорил: *«В биологии для меня культовое имя — Сергей Владимирович Мараков. Это уникальный, колоссальный, культурнейший человек!»*

Учась на пятом курсе университета, Юрий женился — его Татьяна, как и заведено в этой семье, была биологом! Пристрастие к биологии продолжилось и в следующем поколении Горшковых. Несмотря на наличие биологической династии, состоящей из девяти (!) биологов разных поколений в пределах одной семьи, никто из них никого другого в профессию не тянул — каждый увлекал личным примером. Главное дело, что и фамилию-то их к «птичь-

В одной из многочисленных полевых экспедиций

им» нельзя отнести при всем желании, а вот поди ж ты, такое семейное гнездо умудрились отгрохать в пределах одного биологического пространства, что аналогов в заповедной системе не отыскать, как ни старайся!

Известный российский ученый В. В. Дежкин назвал работу Горшковых семейным подрядом. Правда, он при этом подразумевал работу исключительно по бобровой тематике, поскольку бобр был выбит на территории Татарстана еще в конце XIX века, и немалых трудов стоило вернуть его на привычные места обитания. Большая заслуга в организации этого процесса принадлежит биологам Горшковым. И тут уж интересы членов семьи нечаянно перекрестнулись: свою лепту внесла жена Юрия Александровича — Татьяна Анато-

льевна, известный в Казани ученый, доктор биологических наук. Старший сын получил «бобровый» грант. Сам Юрий Александрович был инициатором проведения в Волжско-Камском заповеднике первого в истории Евро-Американского конгресса боброведов.

Однако любимое животное Юрия Александровича не бобр, а ондатра. «Мне пришлось участвовать в глубоких исследованиях по этому зверьку. В последнее время моя научная деятельность связана с бобром, а вначале была исключительно ондатра. Я занимался ею с середины 1980-х до самого ухода в заповедник».

Слава биологическим богам, что не усадили всех Горшковых, образно говоря, на одну бобровую хатку на всю жизнь — в этой семье занимаются абсолютно разными научными направлениями. В отличие от Юрия Александровича и Дмитрия, погрязших в заповедных проблемах, Татьяна Анатольевна в Казанском институте биохимии и биофизики Казанского научного центра РАН возглавляет лабораторию механизмов роста растительных клеток. Младший сын Владимир, кандидат биологических наук, работает в том же институте старшим научным сотрудником — изучает механизмы взаимодействия растений с микроорганизмами.

Как новое направление работы стало родным

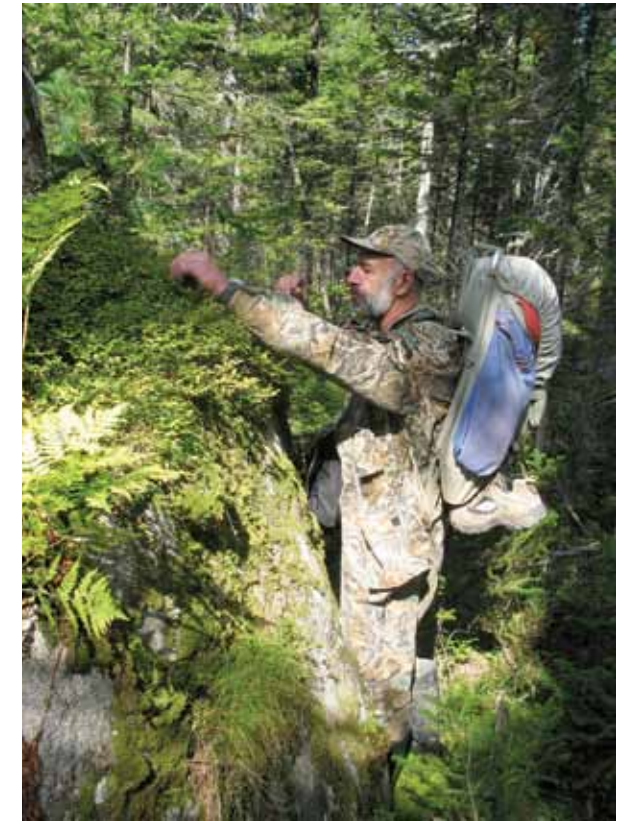
О том, как старший научный сотрудник казанского НИИ стал вдруг директором государственного заповедника федерального уровня, увлекательно рассказывает сам Юрий Александрович.

«В заповедную систему меня, можно сказать, затащили силком. Родное министерство на меня, что называется, положило глаз и направило в заповедник. Мне сказали: «Надо, Юра!» А я до этого в заповеднике был всего только студентом на практике. Я попытался «лечь на крыло»: мол, я не администратор, с заповедной системой знаком плохо. Но не тут-то было.

На тот момент я работал в НИИ старшим научным сотрудником, заведующим лабораторией. Институт и заповедник замыкались на одно министерство, и я быстренько понял, что если буду упорствовать, мне могут очень скоро перекрыть кислород. Тогда я отправился к И. А. Торчевскому, ректору института, академику. Он меня знал, как говорится, с пацанов, сам на работу принимал, кто ж еще заступится, как не он? А он вдруг в ту же дуду: благословляю на заповедную стезю! Дескать, иди, чую, что твое это дело.

Теперь все в порядке. О принятом решении не жалею и даже благодарен тем, кто определил для меня новое направление работы. Конечно, с неба сразу все не валилось, но с самого начала поддержку мне обещали. И поддерживают до сих пор. Достаточно сказать, что ни один сотрудник заповедника за это время по собственному желанию не уволился! Правда, чтобы работать было сподручнее, я команду свою с прежней работы в заповедник перетащил».

С неба действительно не валилось ничего. Приходилось не просто восстанавливать, а начинать с нуля. Не хватало рук — сам первым хватал топор. Мало было средств — убеждал

В Байкальском заповеднике, 2008 г.

сдатчиков: сначала надо показать, что мы сами можем делать, тогда и деньги дадут!

Ну а жене Юрий Александрович с новым назначением заявил, что жить теперь они будут в заповеднике, хотя Казань с обжитой квартирой рядом — люди и на более значительные расстояния на работу мотаются ежедневно. В общем, обретенное служебное жилье с удобствами на улице они с иронией окрестили хижинкой дяди Тома. Там и жили Горшковы, даже когда Митя женился, и в их семье появилось следующее поколение. Таким вот образом и совпали две такие разные судьбы — человека и заповедника. Позже Юрий Александрович с гордостью скажет: «Абсолютно точно, что в заповеднике я приподнялся над собой. Заповедное дело поначалу было для меня до

крайности вещью в себе. Дел было — непочатый край. До этого, к примеру, я был совершенно далек от бумажных дел, от администрирования. Пришлось многому научиться. Конечно, работал не один, а с опорой на коллектив. Подчеркну: очень ценю доверие в работе и своим коллегам стараюсь верить во всем».

Об одном все-таки Юрий Александрович Горшков жалеет по-настоящему: после того как он стал директором заповедника, научные интересы пришлось отодвинуть на второй план. Но такая уж судьба директора комплексного природоохранного учреждения: научно-исследовательская работа — это лишь одно из направлений деятельности, и директор не имеет права этому направлению уделять больше внимания, чем остальным.

Татарские заповедные жемчужинки

Немного о Волжско-Камском заповеднике, приютившем нашего героя на долгие годы.

Первый план создания Татарского национального заповедника был разработан еще в 1917 году. Однако сегодняшний ВКГПЗ образован лишь в 1960 году. Он состоит из двух участков: Раифского (площадь 5 921 га) и Саралинского (площадь суши 4 170 га, акватории — 1 300 га). Между ними расстояние около 100 км.

Контора Волжско-Камского заповедника расположена в поселке Садовый, что совсем рядом с Раифским Богородицким мужским монастырем. Поселок назвали Садовым,

потому что в 1921 году здесь был заложен большой дендропарк. Временами он становился никому не нужным, и экзоты начинали расти в нем хаотично. Временами интерес к саду вспыхивал вновь, и тогда он получал новый толчок в своем развитии.

От Москвы до Урала не осталось лесов, подобных Раифскому, где сохранились насаждения, достигающие трехсотлетнего возраста. Эти леса самые древние в Восточной Европе, их никогда не вырубали. Вначале благодаря тому, что они были монастырскими: царь Алексей Михайлович Тишайший даровал Раифской пустыни окрестные лесные угодья. Монахи не давали местным крестьянам рубить в заповедном лесу дрова, собирать грибы и ягоды, и это помогало сохранять реликтовый лес в ту пору, когда по всей Казанской губернии роши трещали под топорами. С 1919 года здесь был установлен режим заповедника, сохранявший лес вплоть до начала 1930-х, когда из закрытого монастыря сделали колонию для преступников. На этом «преступном» фоне с 1932 года Раифский лес имел статус опытного лесхоза, что опять защитило его от массовой выруб-ки. Ну а в годы Великой Отечественной войны в Раифском лесу работал Лесной стационар эвакуированного из Ленинграда Ботанического института Академии наук СССР.

Создатель первой в СССР кафедры охраны природы профессор Казанского университета В. А. Попов после войны организовал здесь научный стационар Казанского филиала Академии наук СССР по изучению экологии животных.

По своей сути, Раифский лесной массив — это микродекаль всех восточноевропей-

В Спасском заказнике с женой и старшим сыном, 2006 г.

ских лесов, это музей под открытым небом, и первые целенаправленные исследования здесь проводились еще в 1883 году. Продолжаются они и поныне.

Что касается Саралинского участка, то в его пределах находится уникальная резервация орлана белохвостого, в этом месте наибольшая европейская плотность поселения этой птицы.

Для посещения посторонними лицами заповедная территория, как известно, не предназначена. Однако даже зная это, городские жители стремятся в заповедный лес правдами и неправдами. В некоторых местах сотрудникам заповедника неоднократно приходилось делать своего рода инженерные сооружения, потому что машины заезжали

прямоком на заповедную территорию. Сейчас по границам заповедника для предотвращения подобных нарушений выкопан ров. И все же при известных строгостях охранного режима заповедник не повернулся к туристам спиной.

Для того чтобы снизить нежелательную человеческую нагрузку на заповедную территорию и в то же время обеспечить контакт населения с дикой природой, на Раифском участке ВКГПЗ специально для посетителей создан ряд объектов. В музее природы размещены экспозиции о животных и растениях, населяющих заповедник. Они представлены в виде биогрупп, смонтированных высококлассными таксидермистами и художниками.

Дендрарий был заложен еще в 1921 году по

инициативе профессоров Казанского университета. Основная его достопримечательность — коллекционный участок, где произрастает более 400 видов и разновидностей древесной и кустарниковой растительности из Северной Америки, Азии и Западной Европы. Особенно любят посещать этот дикий оазис растительности дети, которых привозят сюда группами.

Музей природы и дендрарий ежегодно посещают 10–12 тысяч человек, но в расположенном рядышком монастыре посетителей бывает на два порядка больше! Когда руководство заповедника осознало этот факт, тут же решило повысить интерес к заповеднику, построив современный визит-центр. Это строительство было поддержано наместником Раифской обители и профинансировано Всемирным фондом дикой природы и известной компанией по производству безалкогольных напитков. В визит-центре есть своя фишка — информационный киоск. Даже ребенок может нажать кнопку и получить любую

В гостях у заповедника республиканское начальство, 2006 г.

информацию о заповеднике — тексты, фото, видео. Экспозиция визит-центра все время обновляется.

На Саралинском участке заповедника отстроена смотровая площадка для наблюдения за полетами орланов-белохвостов. В научных целях в гнездах орланов установлены веб-камеры, которые позволяют вести за этими редкими птицами круглосуточное наблюдение.

Человек природы

Представить Юрия Горшкова в уютном кабинете или в душном мегаполисе можно с огромным трудом, он — человек природы.

Соответственно, официоза он не любит, живет практически безвылазно недалеко от Раифы, где находится дирекция заповедника. Гостей Горшков встречает, как правило, в майке какого-нибудь яркого цвета с природоохранной эмблемой на груди. То есть прост, как сама лесная жизнь. Эх, если бы еще такой жизни не мешали препятствия, периодически надвигающиеся извне! Юрий Александрович, понимая всю сложность современных реалий, все же сетует на внешние препятствия, мешающие заповеднику нормально существовать и развиваться: «Территория ВКГПЗ граничит с землями нескольких сельскохозяйственных предприятий. Такое соседство оказывает негативное воздействие на все то, что охраняется заповедным режимом — почвы, водоемы, растительный и животный мир. Например, при весеннем таянии снега с близлежащих полей смывается почвенный слой. Огромная масса

взвешенных частиц попадает в малые реки, протекающие по территории заповедника. Далее эта масса оседает в заповедных озерах, вызывая их обмеление и сокращение площади водного зеркала. Деградация гидросистемы может привести к гибели наиболее ценных для заповедника таежных типов сообществ».

Одновременно с преодолением хозяйственных трудностей, типичных в девяностые годы не только для дел заповедных, но и для других сфер российской жизни, Юрий Горшков развивал в деятельности заповедника научно-исследовательское направление. Как охотовед он предложил уникальный эксперимент по возвращению в Раифские угодья бобров. Дело в том что на природоохранной территории нельзя использовать никакие механизмы, спасти озера и реки заповедника от заиливания можно лишь естественными способами. Но, как известно, кроме человека, в природе есть лишь одно существо, способное формировать под себя окружающую среду: бобры создают запруды, чтобы обезопасить вход в свои жилища. Бобровые дамбы, в свою очередь, задерживают песок и почву, что смываются по весне с тальми водами. Да только бобров в Раифе давно уже не осталось.

И вот в течение трех лет на территории заповедника расселили несколько пар, которых отловили в пойме Вятки, доставили и приучили к новому месту обитания. В этой операции Юрию Александровичу помогали и младший брат, и старший сын, и многие другие специалисты. Взрослым бобрам вживили датчики, чтобы потом можно было отслеживать их перемещения по заповеднику. Данные о том, как обживались бобры на новом месте,

вошли в одну из глав докторской диссертации Юрия Александровича, которую он защитил в 2006 году. Факт защиты в наше время директором государственного природного заповедника докторской диссертации, как и наличие такой ученой степени у действующего руководителя ООПТ, — случай редкий.

Все же в лесу Юрию Александровичу придется бывать далеко не всегда по научным интересам или для удовольствия. Часто возникают пограничные вопросы, связанные с близостью мегаполиса, и разбираться в различных конфликтных ситуациях приходится на местах.

«Пригороды столицы Татарстана подходят практически вплотную к восточным границам заповедника, — рассказывает директор. — Примыкающие к охранной зоне поля застраиваются коттеджами, а несколько лет назад вообще стоял вопрос об изъятии части охранной зоны под малоэтажную застройку. Благодаря поддержке со стороны Министерства природных ресурсов и экологии Татарстана ситуация разрешилась не в пользу застройщиков».

Союзники и единомышленники, объединяйтесь!

Горшков с самого начала своего директорства в ВКГПЗ прекрасно понимал, что в одиночку улучшать организацию заповедника и продвигать его программы невозможно — нужна не только надежная команда в виде заповедного коллектива, но и действенная помощь, кого

мы называем союзниками и единомышленниками. А еще Юрий Алексеевич настолько коммуникабельный человек, что уже после пятиминутного общения с ним собеседник ловит себя на мысли, что у него, оказывается, с этим человеком много общего! Завоевывать авторитет у потенциальных единомышленников удается не всем. В Волжско-Камском заповеднике получилось это в немалой степени благодаря личным качествам директора.

Однажды Горшкову пришла в голову светлая идея объединить состоятельных и состоявшихся людей, которым небезразлична судьба единственного в Татарстане заповедника федерального уровня. В 2005 году на грант WWF по инициативе Юрия Горшкова был создан элитный мужской экологический клуб «Седые дятлы». Среди нынешних членов клуба — директора двух ведущих казанских театров, судья, директор СПИД-центра, директор солидного промышленного предприятия, чиновники республиканских министерств и ведомств, отдельные сотрудники заповедника, бизнесмены и юристы.

Клуб своей работой демонстрирует один из настоящих ростков того самого гражданского общества, в котором граждане не уповают на власть и ничего у нее не кланчат. Основная задача клуба проста: коллективными усилиями обустроить свою жизнь, делать ее комфортной, да при этом еще и реально помогать заповеднику, в жизни которого «Седые дятлы» принимают непосредственное участие. Клуб успешно осуществляет так называемую стратегию малых дел.

К примеру, возьмем попытки приезжих проникнуть в заповедный лес или искупаться

Ба, знакомые все лица! Встреча на совещании с американским природоохранником Стивом Колом, 2013 г.

в монастырском озере. Местные жители имеют на это специальное разрешение, поскольку ни другого озера, ни другого леса у них нет. Не виноваты они в том, что государство решило создать заповедник как раз в том месте, где жили их предки, а теперь живут они сами с детьми и внуками. Но местных жителей немного, и нагрузки на окружающую среду они почти не создают. Иное дело — массовый наплыв горожан. Хотя охранная зона заповедника огорожена, а кругом развешаны запрещающие плакаты, попытки входа (въезда) в заповедный лес все равно не прекращаются. Так вот, «дятлы» на средства клуба нанимают наряд милиции, который в летние месяцы патрулирует поселки Раифа и Садовый.

Социальный климат в охранной зоне заповедника может служить наглядным примером позитивного и эффективного сотрудничества всех сторон: администрации заповедника,

руководства муниципального образования, монастыря, граждан, объединившихся в клуб «Седые дятлы», всего так называемого неорганизованного населения. В таком месте действительно приятно и работать, и отдыхать, да и просто жить.

Намоленное место

На территории Волжско-Камского заповедника расположен Раифский Богородицкий мужской монастырь. Его история восходит к периоду российской Смуты рубежа XVI–XVII веков. Некий монах Филарет после долгих скитаний поселился в этом поэтическом месте, на берегу небольшого (всего 36 га), но глубокого и чистого лесного озера, в густом сосновом лесу. Праведная жизнь анахорета привлекла к нему почитателей и паломников. Так возникло братство, положившее начало новому монастырю, который называли Раифской пустыней. Потом монастырь долго строился из дерева, горел, восстанавливался и приобретал каменный облик, прирастал храмами и братией — вплоть до пролетарской революции. И, кстати, сохранял переданный ему в ведение лес: Раифскому монастырю когда-то даже была вручена специальная золотая медаль Парижской выставки «За успехи в сохранении лесного богатства России!» Так что заповедник принял у монастыря своеобразную природоохранную эстафету.

После 1917 года монастырь закрыли, а в его помещениях, с которых убрали колокола и кресты, разместили волостной исполком, больницу и школу. Часть монахов расстреляли,

остальных отправили в ссылку или разогнали. В 1930-х годах на территории монастыря была устроена трудовая коммуна ОГПУ (колония для несовершеннолетних), примерно тогда же был построен поселок Раифа, в котором проживал рабочий персонал. Позже коммуна была преобразована в спецучилище для малолетних преступников.

Восстановление Раифского монастыря началось уже в новой России, в 1991 году, и сегодня восстановленная древняя обитель вновь чарует своих посетителей удивительной атмосферой уединения и покоя и возможностью сосредоточиться на своих потаенных мыслях. Про трудных детей священнослужители тоже не забыли и организовали при монастыре приют для детей-сирот.

Со стороны руководства заповедника грех было бы чураться такого удивительного союзника! Поэтому одной из первых новаций, использованных директором Горшковым для популяризации идеи охраны природы и, следовательно, для поднятия престижа заповедника среди местного населения, была идея привлечь к эколого-просветительской работе монастырь.

Сказано — сделано. С учетом общих задач и интересов монастырь и заповедник в 1996 году подписали договор о сотрудничестве. И вот уже на входе в монастырь установлены информационные щиты, рассказывающие многочисленным паломникам и просто посетителям монастыря о заповедных прелестях и его обитателях.

С 2001 года в Раифском издается газета «Раифский вестник». На страницах практически каждого выпуска этого издания находится место для рассказа о заповедной природе и богоугодных природоохранных делах его

сотрудников, о правильном отношении к природе и о братьях наших меньших. Редактор газеты в одном из выпусков писал: «Красота заповедных мест и близость монастыря, безусловно, привлекают многих людей, уставших от многолюдного города. Здесь они находят утешение и хотя бы на время забывают о мирской суете».

Юрий Горшков — атеист, но с сотрудниками монастыря подружился накрепко. Наверное, иначе и быть не могло: монастырь немыслим без окружающих его лесов и озер; в свою очередь, старовозрастные леса, которые сегодня стали гордостью заповедника, сохранились именно благодаря монастырю! Горшков — желанный гость на всех монастырских торжествах, а настоятель монастыря архимандрит Всеволод до самой своей кончины в 2016 году был членом ученого совета заповедника. В тандеме монастыря и заповедника нет первого и второго номера, это равноправный союз, служащий благородным целям — охране природы и врачеванию человеческой души. Монастырь и заповедник взаимно дополняют друг друга в установлении приоритета вечных ценностей над сиюминутными.

Академик РАН В. Е. Алемасов говорил: «В жизни каждого человека бывают такие времена, когда хочется остановиться, оглянуться, поразмыслить. В напряженном ритме работы, в житейской суете сделать это невозможно. Недалеко от Казани есть замечательное место — Раифский монастырь и заповедник. Побыв в Храме, поразмыслив о смысле жизни, выйдешь и окунешься в буйство и многообразие Природы. Мы часто посещаем эти места и каждый раз испытываем очищение души, умиротворение».

Оценивая работу ВКГПЗ с потенциальными

союзниками, директор московского ЭкоЦентра «Заповедники» Наталья Романовна Данилина заметила: «Волжско-Камский заповедник в настоящее время — один из интереснейших в России, у него прекрасный потенциал. Руководитель заповедника Юрий Александрович Горшков и его коллеги обладают особым даром привлекать, притягивать к себе людей, занятых другими проблемами. Уникальна дружба заповедника с монастырем. Символично, что объединяются люди, возрождающие духовность на Руси и охраняющие природу».

Ну а сам Юрий Горшков сформулировал цель союза заповедника с монастырем предельно емко и кратко: «В Раифе особенно хочется надеяться, что в будущем мы сможем избежать осквернения храмов и надругательства над природой».

Любимое хобби — работа!

Когда случается общаться с Юрием Александровичем, всякий раз убеждаешься, что он — человек, вполне своею жизнью удовлетворенный. Почему? Сам он рассуждает так:

«Мне во многом повезло. Работа, которой я занимался, всегда была для меня любимым делом. Мои коллеги — они же мои друзья. То есть в жизни работа и хобби слились воедино. Кому-то может показаться: что за радость — то до семи месяцев в году в экспедициях находиться, то неделями пропадать в заповеднике, каких-то браконьеров ловить. Каждому свое! Я получаю полное удовлетворение от работы. Конечно, администрирование утомляет, хватает хозяйственной рутини.

Помогает, что в заповеднике подобралась прекрасная команда.

А второе — я счастлив в семье. С супругой мы одногодки, уже отметили 40-летие свадьбы, и ни разу не было такого, чтобы из-за работы она на меня обижалась. Татьяна понимает меня, как никто другой, хотя порой в шутку упрекает, что я зациклился на заповеднике. Я действительно нынче живу в первую очередь заповедником! Да можно ли иначе работать? Семья и работа до такой степени переплелись, что одно от другого я не отделяю.

Очень значимым для себя считаю, что удалось вырастить двух прекрасных парней. Дело даже не в том, что они пошли по моим, точнее — по нашим с женой стопам. У нас никогда не возникало проблемы отцов и детей. Мы с ними — друзья. Я никогда не навязываю своего мнения, хотя иногда мне и кажется, что они делают что-то не так.

Вот два главных звена моей жизни. Они удались. Лично мне для счастья больше не нужно ничего».

Вероятно, каждый руководитель, небезразличный к делу, которым он занимается,

В своём заповеднике на первом конгрессе боброведов, 1999 г.

которому отдана значительная часть жизни, когда-нибудь начинает думать о том, кому это дело можно доверить. Занимает вопрос поиска преемника и Горшкова: «Проблема эта не надумана, и я поддерживаю мысль, что подготовкой кадров нужно заниматься серьезно и загодя. Это тоже входит в обязанности нормального руководителя — немного предвидеть ситуацию, в которой может оказаться заповедник завтра. Тем, кто бездумно живет только днем сегодняшним, в руководителях делать нечего».

Юрий Александрович, должно быть, мечтал, что его дело когда-нибудь продолжит старший сын. Дмитрий, плотно поработав под отцовским началом, освоил все направления заповедного дела, но не секрет, что самыми лучшими учениками становятся те, кто идет дальше учителя. В сентябре 2013 года из Министерства природных ресурсов России поступило неожиданное, но очень заманчивое для Дмитрия предложение: стать директором Сихотэ-Алинского государственного заповедника на Дальнем Востоке. Есть от чего голове пойти кругом: территория Сихотэ-Алинского заповедника в сорок раз больше, чем Волжско-Камского!

В его руках – многотомная Летопись природы ВКГПЗ

Юрий Александрович уверен: сын справится. Горшковым к сложностям не привыкать.

Что касается эколого-просветительской работы, к которой некоторые заповедные ученые, особенно старой закваски, относятся с определенным раздражением и даже пренебрежением, то Юрий Александрович имеет на этот счет свое, хорошо обоснованное мнение.

«Да, заповедники — это научно-исследовательские учреждения, лаборатории в природе, да, это участки восстановления и сохранения генетического фонда, а часто и эталоны саморегулирующихся природных систем, требующие особой охраны. Но заповедники — это и центры экологического и общечеловеческого воспитания, от которого зависит и сохранность самих заповедников. Однако проблема приобщения людей к природе заповедника неоднозначна и требует специального рассмотрения для каждого случая в отдельности».

Сейчас много говорят о том, что заповедники пора «открыть для широких масс населения». Не будучи принципиальным противником туризма, Горшков все же призывает в каждом конкретном случае принимать взвешенное решение.

«Говоря о развитии туризма на заповедной территории, нужно учитывать размеры Волжско-Камского заповедника и представлять себе территории, которые его окружают. Казань с населением в 1,5 млн человек находится в 30 км от заповедника, сотысячный Зеленодольск — в 17 км. Плюс к этому вокруг множество деревень. Так что и безо всякого туризма уровень внешнего воздействия на заповедник немаленький. У основной массы россиян, как эти ни прискорбно,

очень низок уровень экологической культуры: если доступ на территорию заповедника сделать открытым, от него просто ничего не останется».

В словах Юрия Александровича, которые он высказывает по конкретным вопросам заповедного дела, легко угадывается его огромная любовь к своему делу и высочайший профессионализм.

Есть за что быть признанным!

Чужой опыт Юрий Горшков ценит и по мере сил и возможностей изучает. Начав работать в заповеднике, он понял: даже у очень разных охраняемых природных территорий много схожих проблем. Чтобы лучше решать их, можно и нужно объединяться. Для улучшения обмена опытом государственных инспекторов российских ООПТ в 1999 году он инициировал создание Российской ассоциации рейнджеров (полное название организации — Некоммерческое партнерство инспекторов охраны государственных природных заповедников и национальных парков России). Международная федерация рейнджеров была образована еще в 1992 году, но Россия в ней не числилась вплоть до последнего времени. Поскольку инициатива у нас наказуема, первым президентом этого партнерства стал сам Горшков. К сожалению, замечательная идея не нашла понимания у коллег и, соответственно, адекватного продолжения.

В 1995 году впервые в России Юрий Горшков был удостоен престижной премии, учрежденной американским бизнесменом Эндрю Сэйбином, — после того как он в роли госинспектора

вышел на тропу войны с браконьерами. Премия эта присуждается за выдающийся вклад в дело охраны природы, а в случае с Горшковым в дипломе было записано: «За борьбу с браконьерами и личное мужество, проявленное при охране диких животных».

Вспоминает Татьяна Горшкова, супруга Юрия Александровича: *«До сих пор, как кошмарный сон, вспоминаю ту историю, когда муж с инспекторами остановил трех браконьеров. Нарушители охотились на островах на лосей — ночью, с прожектором, установленным на тракторе. Инспекторы их догнали. Муж подбежал, пытаясь стащить вниз фонарщика, и тут сидевший в кабине вдруг решил дать ходу. Колесами трактора Юре раздробило левые руку и ногу. Друзья на лодке довели его до Мензелинска, — представляю, как его трясло на воде! Оттуда доставили в Казань. Кость руки собирали буквально по кусочкам. Но как только с ноги сняли гипс — он встал на лыжи, пошел на зимние учеты! Думаю, это не фанатизм, а суть его характера. Работа, работа и снова работа, остальное неважно».*

24–30 мая 2009 года в Республике Корея состоялась 21-я сессия Международного координационного совета по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ). На ней директору Большого Волжско-Камского биосферного резервата, доктору биологических наук Юрию Александровичу Горшкову была присуждена международная престижная премия ЮНЕСКО имени Мишеля Батиса, идеолога создания всемирной сети биосферных резерватов. В положении о премии записано, что она присуждается «за конкрет-

ные достижения по управлению биосферными резерватами».

Примеры, характеризующие стиль работы Ю. А. Горшкова и степень его признания, можно приводить долго. Этот стиль работы, в котором не последнюю роль играет гражданская позиция, между тем прост: быть таким, как все, но стараться делать свою работу как можно лучше. Об этом в заповедном мире знают многие.

«На протяжении ряда лет он постоянно попадает в какие-то громкие, героические истории. То он ложится под трактор, но двух вооруженных бандитов вместе с трактористом задерживает. То под Казанью грабят магазин, но вовремя появляется Горшков и способствует задержанию воров», — показательный отрывок из речи, которую произнес руководитель заповедной системы Всеволод Степаницкий, поздравляя нашего героя с 50-летием на совещании руководящих работников заповедников и национальных парков.

Теперь Юрию Александровичу, конечно, лет уже немного больше, но, вне зависимости от возраста, в этом человеке ничего с тех пор не изменилось! Он по-прежнему полон задора и лучится энергией; мотается по всему миру, жадно впитывая чей-то опыт, чтобы потом применить его у себя в заповеднике; руководит вверенной ему территорией, но при случае сбегает в любимый лес.

Если когда-то будет создаваться заповедный эпос (кто знает наших творческих работников!), то одним из его главных героев, представляющих Татарстан, непременно станет Юрий Александрович Горшков.

Евгений Богданов

— СОЗВУЧИЕ ФАМИЛИИ —

Александр Губернаторов

Найти директора национального парка «Самарская Лука» Александра Егоровича Губернаторова среди заповедных специалистов на разных совещаниях, семинарах и конференциях совсем не сложно. Во-первых, он почти никогда не носит классических костюмов и тем более галстуков. Его привычный и любимый, как нынче принято говорить, дресс-код — это джинсовый комплект или свитер. Во-вторых, его лицо всегда украшает борода — раньше она была черной, со временем приобрела

серебристый оттенок, а теперь и вовсе стала белой. Бороду Александр периодически носил и в студенческие годы, особенно во время полевых сезонов, но постоянной она стала на его лице, как он сам с удивлением обнаружил, лишь по достижении 33 лет — видимо, так называемый возраст Христа сыграл для подсознания свою роль. В-третьих, прическа Александра Егоровича чаще всего пребывает в художественном беспорядке. Если бы Губернаторов вдруг явился пред заповедным сообществом гладко выбритым,

аккуратно стриженным, да еще вдобавок в строгом костюме, то вполне можно было бы предположить, что в мире произошло что-то из ряда вон выходящее.

Однако такая демократическая внешность совсем не означает разброда и шатаний в служебных делах: жесткая дисциплина в пределах служебных инструкций для всего коллектива — неотъемлемая часть его руководящего стиля. И это правильно, иначе серьезных успехов в деле добиться невозможно.

Фамилия досталась Губернаторову заметная и знатная. Слово «губернатор» происходит от латинского *gubernator*, что переводится как «кормчий». До 1917 года в Российском государстве этим словом называли высшее должностное лицо губернии, а в современной России оно вновь стало востребованным. Причем слово это международное — примерно в том же значении оно используется в США, Великобритании, Франции, Дании, Украине, Беларуси.

В семье фамилией всегда гордились, даже несмотря на то, что она в определенной степени контрастировала с советскими порядками. Уважает свою фамилию и наш нынешний герой Александр Егорович Губернаторов.

Природное чудо под названием Самарская Лука

Полуостров Самарская Лука образован Усинским заливом Куйбышевского водохранилища и излучиной реки Волги. Когда-то взбудоражились внутренние силы нашей планеты, вздыбили карбонатные породы

палеозоя, и в результате образовалось подобие острова, преградившего путь реке. Волге ничего не оставалось, как обойти неожиданное препятствие. Вот так и образовалась легендарная причудливая излучина (лука) реки. Общая площадь полуострова — 155 тыс. га. Длина береговой линии всей Самарской Луки составляет примерно 230 км. Здесь особый микроклимат, удивительной красоты Жигулевские горы, протянувшиеся грядой на 75 км (максимальная их высота 374 м), сине-голубые просторы Волги, уникальный растительный и животный мир. Все это снискало Жигулям и Самарской Луке мировую известность.

В конце XVIII века на этой территории росли дремучие леса, которые позже подверглись массовым вырубкам. Здесь находится множество археологических объектов. Это неудивительно, ведь, скажем, в IX веке Самарская Лука была южной окраиной Волжской Болгарии — государства, образованного болгарскими племенами, пришедшими в эти места еще в VI веке. Поселение Муромский городок в ту пору было крупным административным, торгово-ремесленным и культурным центром страны, важным стратегическим пунктом.

История Самарской Луки более позднего периода связана с появлением волжской вольницы, волжского казачества, с крестьянскими войнами XVI–XVIII веков. В названиях многих мест, в легендах Жигулей сохранилась память о Степане Разине, Ермаке и их сподвижниках. Этот край знаменит и существовавшим на его территории бурлачеством: в первой половине XIX века, особенно перед введением пароходства, количество волжских бурлаков достигало 300 тысяч человек!

На полуострове всегда было чем любоваться, что изучать и сохранять для потомков. Ученые уже многие годы не без оснований считают, что полуостров Самарская Лука — самая ценная часть Самарской области. Именно поэтому почти век назад патриоты и знатоки этого края предложили рассмотреть вопрос о заповедании территории. И в 1927 году по инициативе известного ученого И. И. Спрыгина, на площади 23,1 тыс. га был создан Жигулевский заповедник. Располагался он в северной части полуострова и охватывал центральный массив Жигулевских гор и некоторые мелкие волжские острова. Почти вся остальная территория полуострова (128 тыс. га) с 1984 года составляет национальный парк «Самарская Лука». За исключением Жигулевска — главного города полуострова, а также заповедника и национального парка. Что касается населения, то в Жигулевске с подведомственными ему поселками и населенными пунктами на территории парка проживает около 100 тысяч человек.

Александр Губернаторову выпала большая честь — без всякого преувеличения — заведовать значимым объектом национального природного и историко-культурного достояния России.

Самара как центр индивидуального мироздания

Родился Александр 6 июля 1963 года в семье служащих в городе Куйбышеве. Имя государственного деятеля Советского Союза Валериана Куйбышева старинному городу

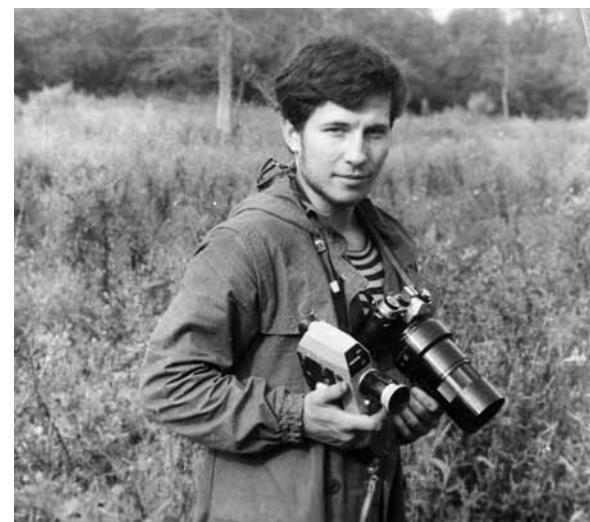
Самаре, как и Самарской области, было присвоено в январе 1935 года. Спустя 56 лет, в январе 1991 года, городу и региону вернули историческое название.

Сашина мама позже вспоминала, что сын с раннего детства любил возиться с животными — подолгу наблюдал за ними, старался им помочь. Даже в детсаду он по-своему «спасал животных из заточения», то есть вылавливал из аквариума рыбок и пытался их отпустить в Волгу, за что за неоднократно был наказан воспитателями.

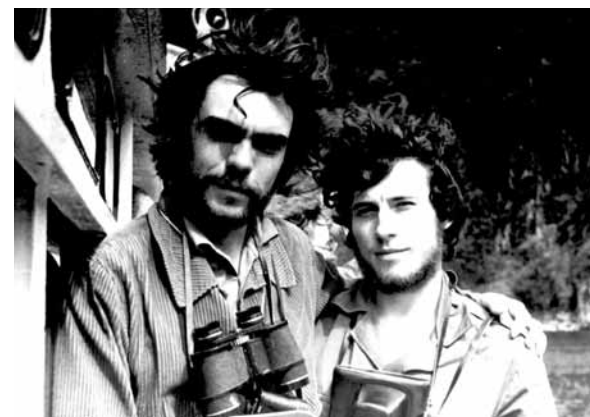
В школе Саша начал учиться в Куйбышеве, но через пару лет семья переехала в Тольятти. Там Александр увлекся спортом: в секции акробатики при детской спортивной школе к пятому классу он выполнил нормативы первого взрослого разряда!

Тольяттинский период жизни нашего героя длился всего четыре года, затем семья Губернаторовых вернулась в Куйбышев. В Куйбышеве спорт (на этот раз футбол) снова не давал ему покоя, однако привязанность к животным победила, и в седьмом классе Александр отправился во Дворец пионеров, в медико-биологическую школу, которую с успехом закончил через несколько лет. Во Дворце пионеров впервые познакомился с преподавателями биофака Куйбышевского госуниверситета, вместе с ними часто ездил в полевые экспедиции по области, участвовал в рейдах рыбоохраны и студенческой дружины по охране природы.

Постепенно юноша окончательно утвердился в выборе будущей профессии. Получив аттестат зрелости, поступал в госуниверситет, на биофак, но в первый раз завалил сочинение.

В экспедиции кафедры зоологии госуниверситета, 1983 г.

В студотряде «Заповедники» в Алтайском ГПЗ, 1984 г.

Первая экскурсия нового отдела парка. Начальник отдела рекреации Александр Губернаторов и ведущий специалист Татьяна Сазонова, 1990 г.

После этого год проработал на кафедре зоологии университета, что, несомненно, пошло ему в актив, и в 1981 году в университет Александр все-таки поступил.

В годы учебы он почти сразу же включился в деятельность университетской дружины по охране природы (ДОП). Уже в конце первого курса Губернаторов стал начальником штаба этой дружины и в этой должности оставался до окончания университета. Также в эти годы он возглавлял штаб межвузовских дружин по охране природы всего Куйбышева, объединявший университет и институты — политехнический, педагогический, медицинский, связи, авиационный, сельскохозяйственный и другие, а также был координатором и активным участником программы студенческого отряда «Заповедники», посильно сотоварищи помогая сотрудникам Жигулевского, Ильменского и Алтайского заповедников. Благодаря деятельности в ДОПе Губернаторов познакомился и даже подружился со многими известными личностями в области охраны природы, среди которых были Е. Шварц, В. Степаницкий, И. Честин и другие.

Начало парковой эпопеи

Не секрет, что «Самарская Лука» — это один из самых первых национальных парков, созданных в Российской Федерации еще в советское время. По разным причинам дать ход полезным и весьма уместным идеям создания на полуострове национального парка длительное время не получалось. Между тем природа чрезвычайно популярного полуост-

Не просто отдыхаю, а охраняю веренин башмачок...

рова испытывала мощнейшее и в то же время безобразно хаотичное давление со стороны многочисленных посетителей.

В 1983 году идея создания национального парка на территории полуострова приобрела реальные очертания. «Дружина, а следовательно, и я сам активно включились в работу по продвижению этой идеи. И когда в апреле 1984 года вышло постановление о создании национального парка «Самарская Лука», мы впервые совершили несколько студенческих экспедиций по изучению антропогенной ситуации на Самарской Луке.

В 1985 году нашего ведущего преподавателя Ю. К. Роцевского попросили возглавить научный отдел национального парка, то есть фактически создать его с нуля. Вчерашние студенты, в основном доповцы,

массово поддержали эту идею, и мы дружно пошли работать в научный отдел национального парка, благодаря чему он был среди национальных парков уникальным: в нем тогда «грызли науку» 15 человек — такое количество ученых даже в серьезных заповедниках мало где обнаружишь!»

В 1985 году Губернаторов начал трудовую деятельность в национальном парке. Энергия и энтузиазма били через край, да и работа, надо сказать, была очень интересной, хотя и не без трудностей — вполне очевидных и ожидаемых, учитывая тот факт, что опыт почерпнуть было негде: национальных парков в стране к тому времени было создано раз-два и обчелся, причем каждый барахтался и выживал практически в одиночку. Тогда во вновь создаваемый коллектив национального парка

влился мощный поток новых людей, в первую очередь из числа бывших сотрудников лесхозов. Многие из них пришли с новыми кардинальными идеями, и все были объединены общим похвальным желанием создать чуть ли не лучший в мире национальный парк.

«В 1986 году началась моя служба в армии. На время о заповедных радостях и сложностях пришлось забыть. Служить мне довелось в Чите, в Забайкальском военном округе. Служба была напряженной, скучать было некогда, потому и дембель подоспел быстро. После службы, естественно, вернулся в национальный парк.

В 1989 году по предложению первого директора парка я возглавил отдел по рекреации. Фактически пришлось полностью создавать целое направление деятельности парка. Вновь созданный отдел начал свою работу и, наверное, в то время был самым успешным в парке, принесся ему популярность. Десятки проектов, маршрутов, экскурсий — и все под маркой «первый»: первый конный маршрут, первый экскурсионный маршрут, первый туристический маршрут, первые проекты по благоустройству и строительству зоопарка, тургостиниц. В общем, кайф, а не работа. Мы все вспоминаем это время с большой теплотой».

В августе 2007 года приказом руководителя Росприроднадзора Александр Губернаторов стал директором парка. Наследство ему досталось непростое, на первых порах приходилось решать множество проблем, буквально вытаскивать организацию из кризиса. Губернаторов не скрывает, что на эту

должность его сосватал Всеволод Степаницкий, а сам он никогда даже не предполагал, что будет директорствовать в национальном парке, пусть даже и в родном.

Роль ЭкоЦентра «Заповедники»

Как вспоминает Александр, еще в конце 90-х годов несколько раз к нему поступало предложение от Натальи Данилиной принять участие в учебных курсах, организуемых ЭкоЦентром — этой новой для заповедной системы общественной организацией. Экологическое просвещение только делало свои первые шаги. Александр, прикопив к этому времени определенный запас самомнения, подумал: «Да чему они могут меня научить? Я ведь и сам все отлично знаю и умею!» Между тем приглашения продолжали приходить, и однажды Губернаторов не выдержал и заявил: «Вот когда ЭкоЦентр мне оплатит участие в курсах, тогда и поеду!» А ЭкоЦентр взял, да и заплатил. Пришлось ехать.

«Знакомство с ЭкоЦентром «Заповедники» мне, я так думаю, было предназначено судьбой. То, что произошло дальше, было просто невероятным. Я вновь обрел уверенность в своих силах и, наверное, самое главное, я познакомился с такими же сумасшедшими людьми, то есть с братьями по разуму. Это было сродни счастью.

После участия в курсах я весь свой снобизм растерял и понял, как мало знаю об этом участке заповедной работы. Очень многое из того, что сообщали на курсах, для меня

было буквально открытием. Я до этого, конечно, слышал о Наталье Романовне, представлял себе, чем она занимается, но после нашего общения я просто влюбился в нее, в созданный и руководимый ею ЭкоЦентр! Эта любовь, признаюсь откровенно, продолжается до сих пор.

Потом последовали многочисленные семинары, проекты, поездки на другие территории и даже в национальные парки США, которые просто вдохнули в меня новые силы, и работа вновь заиграла радужными красками, у меня появились свежие идеи. Будучи заместителем директора по рекреации, я добровольно включил в свою деятельность новое направление со звучным названием: экологическое просвещение и работа с местным сообществом. Результаты этой работы были очень высокими: призовые места в «Марше парков», десятки экологических акций, выставок, экспедиций и мероприятий».

На волне невиданного энтузиазма тогда Александру удалось реализовать невероятное, особенно для тех лет, начинание: в 1997 году была создана неправительственная общественная организация «Общественный региональный фонд «Самарская Лука». Фонд был организован на тогда еще необычных принципах: являясь добровольным самоуправляемым некоммерческим общественным объединением, он был создан гражданами, объединившимися на основе общности интересов для поддержки деятельности национального парка «Самарская Лука». Штаб-квартиру фонда разместили в Жигулевске, а сам фонд объявили филиалом известной российской сетевой общественной организа-

ции — московского эколого-просветительского центра «Заповедники». Заодно «прильнули» этим фондом к международному Социально-экологическому союзу (СоЭС). Фонд долгие годы играет выдающуюся роль в развитии национального парка «Самарская Лука».

«В 2000 году по решению общественного фонда «Самарская Лука» и администрации Жигулевска был учрежден эколого-просветительский центр «Самарская Лука», который я и возглавил. Фактически уже через год ЭПЦ «Самарская Лука» координировал и осуществлял всю эколого-просветительскую работу на полуострове, в том числе и по заданию национального парка. Центр был известен по всей области».

ЭПЦ «Самарская Лука» до сих пор исправно выполняет поставленные перед ним задачи, воспитывая посетителей, особенно подрастающее поколение, в совершенно правильном духе искренней любви к родной природе и активного участия в ее судьбе. Деятельность центра многогранна: детские экологические конкурсы, научно-исследовательские конференции и олимпиады, познавательные экспедиции, семинары для учителей и воспитателей, издание информационно-методических пособий, разработка экологических троп и школьных экскурсий — всех направлений работы и не перечислить. Правда, теперь ЭкоЦентр «Самарская Лука» не сторонняя организация, а структурное подразделение эколого-просветительского отдела национального парка.

Что же касается московского ЭкоЦентра «Заповедники», Губернаторов и поныне входит в число активных союзников, помощников и почитателей этой организации.

Туризм — радость и головная боль Самарской Луки

Нагрузка на Самарскую Луку давно уже превышена. Здесь располагается около 70 турбаз, которые ежегодно принимают до 4 млн посетителей, хотя нормативы для них не превышают 1,5–2 млн. И хотя парк понимает масштаб проблем, ситуация пока так и не решена. А начиная с 2007 года вся арендная плата за использование земель полуострова стала уходить не в бюджет парка, а к администрациям, в результате средств на развитие охраняемой территории стало гораздо меньше. Но в настоящее время национальный парк больше волнуют не посетители турбаз, хотя и они оказывают ощутимую нагрузку на природные комплексы, а дикие туристы, которые понимают, что такое рекреационная территория, очень по-своему и стремятся правдами и неправдами проникнуть на территорию парка.

Александр Губернаторов со вздохом замечает: «Туризм в «Самарской Луке» можно смело приравнять к экологической катастрофе. Это главное негативное явление на территории, главная причина изменений, происходящих с природными объектами. Однако мы не собираемся прекращать туризм в национальном парке — мы хотим сделать его цивилизованным. В последнее время «Самарскую Луку» ежегодно посещает свыше 1,5 млн человек, из них около 350 тысяч посетителей проходят через администрацию парка, а остальные фактически являются нарушителями. Правда, здесь наблюдается устойчивая положительная динамика, ведь, скажем, в 2007 году

Ирина Губернаторова всегда улыбчива и надёжно работоспособна. 2010 г.

С директором национального парка «Угра» Валерием Новиковым - давно не виделись, есть о чём пошептаться!

количество официальных туристов было на порядок меньше. Но это только полбеды. Из всего количества посетителей лишь ничтожно малая часть может считаться экологическими туристами, то есть теми, кто не наносит вреда окружающей среде. Нас эта ситуация не устраивает. Говорят,

На одном из всероссийских слётов Движения Друзей заповедных островов с Натальей Шпиленок и Михаилом Брынских

что мы ужесточаем нормы. Ничего подобного! Эти нормы существуют с момента образования парка, просто теперь мы пытаемся их выполнять».

Основные проблемы национального парка — это неразвитая туристическая инфраструктура и поток неконтролируемых посетителей, которые жгут костры, гуляют в местах, закрытых для посещения, оставляют после себя горы мусора, — словом, нарушают экологическую обстановку. Своих средств и сил на оборудование сети туристических троп и площадок, на реализацию проектов событийного туризма у учреждений не хватает.

«Самарская Лука» находится в плотном кольце далеко не самых мелких городов: Самара, Тольятти, Жигулевск, Сызрань, Новокуйбышевск, Чапаевск. Значительная часть посетителей Самарской Луки — как раз

их жители. Отрадно, что в последние годы удалось привлечь к сотрудничеству городские администрации, которые понимают и принимают ответственность за своих жителей перед национальным парком и стремятся оказать реальную помощь в деле охраны природы на полуострове.

Серьезной проблемой «Самарской Луки» до последнего времени было отсутствие необходимого количества квалифицированных экскурсоводов, без которых цивилизованный туризм невозможен. И вот летом 2013 года был реализован уникальный проект по подготовке экскурсоводов для работы на территории национального парка «Самарская Лука». В результате было подготовлено 20 специалистов, обладающих всеми необходимыми знаниями об истории Самарской Луки, ее геологии и биологии и отныне имеющих допуск к работе на территории особо охраняемых зон.

«Пожары, огромное количество мусора, браконьерство, несанкционированный въезд на заповедные участки — все это негативно сказывалось на отношениях между национальным парком и туристами. Очень радует тот факт, что мы совместно с нашими партнерами смогли подготовить качественные экскурсионные программы и высококвалифицированных экскурсоводов, которые смогут внушить посетителям доброжелательное отношение к природе Самарской Луки.

Экскурсовод для нас — это, в первую очередь, человек, который продвигает идею бережного отношения к природе. Нам бы очень хотелось, чтобы отношение людей к растениям и животным менялось, наполнялось уважением. Цивилизованный и организованный туризм позволит нам вести свою статистику и более разумно строить работу в целом. Мы будем знать, в каких местах у нас бывает много туристов, какие пожелания поступают от турбизнеса, какие работы нам нужно провести для совершенствования туристических маршрутов. И, соответственно, мы сможем более эффективно использовать федеральные средства, поступающие на содержание и благоустройство национального парка. Поэтому мы рады, что проект удался, и будем всячески поддерживать его в дальнейшем».

В настоящий момент на территории парка официально действует несколько экскурсионно-туристических маршрутов, в том числе «Село Ширяево» (включая посещение горы Верблюд, Поповой и Монастырской гор), «К пещере Степана Разина» и «Усинский курган». Существовавший маршрут на

На директорском совещании во Владивостоке. Хорошее настроение. 2013 г.

Молодецкий курган некоторое время назад был закрыт, поскольку из-за массового посещения некоторые участки этого памятника природы оказались на грани уничтожения. После реконструкции маршрута туристы имеют возможность оставить свою машину на стоянке, отдохнуть на скамейках вдоль тропы, с помощью аншлагов вдоль маршрута узнать о природных особенностях тех участков, по которым проходит тропа. Также очень популярен мобильный маршрут под названием «Жигулевская кругосветка». На территории парка чрезвычайно много природных объектов и ресурсов для пешего, велосипедного, лыжного и водного туризма.

По словам Александра Губернаторова, организация экологических троп — единственный способ бороться с нерегулируемым туризмом, из-за которого исчезают уникальные природные ландшафты.

«На всей Самарской Луке, кроме ее заповедных территорий, намечается и дальше развивать маршрутный туризм. Территорию покрывает сеть туристских троп, пройдя по которым можно будет познакомиться с памятниками природы и истории, с редкими видами флоры и фауны и, конечно же, отдохнуть в гостях у природы. В идеале на всех маршрутах намечено оборудовать специальные стоянки, где туристов будут ждать источник воды, запасы топлива, кострища, укрытия от непогоды, санитарные объекты и все необходимое для кратковременного отдыха. На тропках путешественников также встретят смотровые площадки, аншлаги, схемы расположения природно-исторических объектов парка. А вечером группа прибывает в один из туристских комплексов данного маршрута, где каждый путешественник выберет отдых по своему вкусу: ночлег в домиках с удобствами или в палатке, теплый душ или купание в реке, киносеанс или стадион. Здесь к услугам туристов будут культурный центр, медицинский пункт, магазины, столовая и подобные учреждения.

Не хотелось бы, чтобы развитие туризма уничтожило уникальные и своеобразные природные сообщества и ландшафты. Все должно быть сбалансировано и сто раз продумано».

Сегодня национальный парк старается организовать посещение своей терри-

тории не столько своими силами, сколько через турагентства. Пять крупных и множество мелких региональных организаций такого профиля, желающие возить туристов в «Самарскую Луку», должны соблюсти несколько условий. Во-первых, они обязаны выкупить у национального парка путевки, дающие право на посещение его территории, — естественно, по количеству прибывших туристов. Во-вторых, они обязуются вести этих туристов исключительно по установленным маршрутам. В-третьих, сопровождать группы должны аккредитованные, то есть прошедшие специальное обучение и имеющие сертификат, экскурсоводы.

Организация экологического туризма через турфирмы — это высокий организационный уровень, от которого в выигрыше и туристы, и администрация парка, и природа.

Новые проекты — новая жизнь!

Здорово, когда интересная территория развивается по интересному сценарию, который обновляется чуть ли ежедневно! Жизнь создана не для скуки, а для реальных дел, нужных природе и людям. К национальному парку «Самарская Лука» сказанное относится в полной мере, ведь здесь инновационное творчество вошло в привычку: начался новый сезон — реализуй несколько новых проектов! Ко многим из них имеет прямое, непосредственное отношение Губернаторов — потому что именно он часто выступает главным застрельщиком.

Когда некоторое время назад Александр-

ра Егоровича попросили поделиться итогами работы парка за последние несколько лет, он, не задумываясь, начал вспоминать: *«Сделано было немало. Создан комплекс «Лукаморье», открыты «Приют для диких животных» и объект «Ладья «Жигулевская вольница», Музей лисы и Музей летучей мыши. В поселке Ширяево оборудована смотровая площадка и началось строительство фестивальной площадки. Оборудованы экотропы на Молодецкий курган, в Каменную Чашу и к Ведьминому озеру, обустроен ряд родников. Организованы фестивали «Мир бардов», «Жигулевская ярмарка», «Лукаморье», «Вишневый пирог», «Фестиваль сыра». Поведены марафон «Самарская Лука» и веломарафон, волонтерские и эколого-просветительские акции «День Волги», «Марш парков» и многое другое». Конечно, Губернаторов вспомнил не все, так сразу ведь всего и не упомнишь.*

В 2006 году НП «Самарская Лука» вместе с Жигулевским заповедником единым Средне-Волжским биосферным резерватом вошли в программу ЮНЕСКО «Человек и биосфера». Но если войти в столь грандиозную программу сложно, то удержаться в ней и при этом проявить себя во много раз сложнее. Быть в составе биосферного резервата — это огромная ответственность, которая автоматически влечет за собой обязательство способствовать исследованиям в сотрудничестве с научными организациями, инициировать общественные обсуждения, испытывать новые подходы, заниматься экологическим просвещением, искать и давать ответы на вопросы взаимодействия человека и природы. У «Самарской Луки» все это получается прекрасно.

На очередной встрече с общественностью

На открытии очередной экологической акции. Сколько их организовали Губернаторовы — уже не счесть!

С любимыми сотрудниками ЭкоЦентра «Заповедники» и любимой газетой, 2006 г.

Пока ещё не совсем седой и не забываю улыбаться... 2006 г.

В 2011 году была создана Ассоциация национальных парков Приволжского федерального округа. Во многом это произошло по инициативе того же Александра Губернаторова, а подписание учредительных документов восьмью стартовыми территориями проекта состоялось на территории его парка. Теперь, объединившись, территории округа, которых в ассоциации к сегодняшнему дню стало значительно больше, смогут разрабатывать совместные проекты, реализовывать полезные идеи и акции в области природоохранной деятельности, экологического просвещения, научно-исследовательской работы, рекреационной, лесохозяйственной и иной деятельности, направленной на сохранение природного и культурного наследия региона.

Президентом ассоциации единогласно избран директор национального парка «Самарская Лука» Александр Губернаторов. И одним из первых мероприятий ассоциации стала организация обучающих семинаров и курсов повышения квалификации для сотрудников парков по различным направлениям деятельности.

В 2011 году, при поддержке краеведческого музея Жигулевска, была открыта экспози-

ция археологических находок под названием «Древности Самарской Луки». Здесь есть экспонаты, принадлежащие к разным эпохам: каменному, бронзовому, железному векам и Средневековью. Подобным музеем могут похвастаться немногие регионы страны.

Важно, что подавляющее большинство инновационных акций национального парка привлекает ежегодно большое количество гостей — оно уже превысило 40 тысяч человек.

При такой загруженности Александр Егорович умудрился «без отрыва от производства», получить второе высшее образование — он закончил Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по специальности «государственное и муниципальное управление».

Все свои славные заповедные дела Александр Егорович делает не один, а с коллективом. «Лямку тянут» заместители различных профилей. Директор с грустью вспоминает Сергея Александровича Беяшова, недавно отошедшего в мир иной, — вот уж кто был исключительно работоспособным, грамотным и профессиональным заместителем! Правда, и нынешних своих заместителей Губернаторов хвалит. Правильно хвалит — сам же их пригласил!

Помогает работать и то обстоятельство, что у директора парка нет никаких разногласий с основным партнером и коллегой по «Самарской Луке» — директором Жигулевского заповедника Юрием Петровичем Краснобаевым. И правда, что им делить? От соседства заповедника и национального парка обе стороны имеют громадные выгоды.

Семейный образец незыблемого спокойствия

С Ириной, своей будущей супругой, Александр познакомился, будучи студентом. Она тоже училась на биофаке и активно участвовала в работе дружины по охране природы. Более того, Ирина в течение почти двух лет возглавляла отряд по борьбе с браконьерством.

Поженились они сразу после того, как Александр окончил университет, в 1986 году, и на сегодняшний день у них уже 30-летний стаж совместной жизни! С тех пор Ирина и Александр вместе не только в семейной жизни — рабочие интересы у них тоже общие. Собственно, главный интерес в этой семье один — национальный парк «Самарская Лука».

«Ирина еще домоего назначения директором была сотрудником национального парка, она разрабатывала и готовила к печати информационно-рекламную продукцию, в том числе газеты «Вестник «Самарская Лука», сайт парка и т.п. Фактически все издания и рекламная продукция, выпущенные национальным парком, — плод ее трудов. Ирина долгое время была редактором и сценаристом телепроекта «В гостях у ЛукАморья» на жигулевском телеканале. В настоящий момент, занимая должность начальника отдела экопросвещения, она является автором и «строителем» многих просветительских проектов и объектов познавательного туризма в парке: информационного центра «Музей лисы», информационного центра «Музей летучей мыши», полевого эколого-просветительского центра «ЛукАморье», познавательных объектов «Ладья «Жигулевская

вольница», информационного центра «Русская изба» и Аптекарского огорода, скульптур «Горнорабочий» и «Степан Разин». Она же — координатор многих просветительских и волонтерских проектов, в том числе по восстановлению родников, экокультурного фестиваля «ЛукАморье», фестиваля «Вишневый пирог» и других интересных начинаний». И все перечисленное вовсе не вызывает удивления, потому что жена в данном случае полностью соответствует мужу. Как говорится, муж и жена — одна сатана. Тем более вблизи Ведьмина озера.

Примечательно, что и яблочко от яблоньки далеко не откатилось! Ольга, дочь Ирины и Александра, еще школьницей стала активным участником Движения друзей заповедных островов, была членом детского клуба «ЛукАморье», участвовала во всех детских экспедициях по Самарской Луке и делала еще много чего, связанного с национальным парком, где работают ее родители. Ольга была и одной из ведущих телепроекта «В гостях у ЛукАморья», сценаристом и ведущей ряда телепроектов и сюжетов о национальном парке «Самарская Лука». Она закончила журналистский факультет Самарского госуниверситета и сегодня работает в национальном парке специалистом по связям с общественностью, редактором научно-популярного журнала для друзей Самарской Луки «Вестник «Самарская Лука» и сайта национального парка.

Если бы руководство системы взялось организовать конкурс образцовых заповедных семей, то, думаю, небольшая, но знатная стайка Губернаторовых имела бы все шансы занять одно из призовых мест!

Проблематичное и оптимистичное завтра

Как и положено нормально развивающемуся природоохранному учреждению в нашей стране, национальный парк «Самарская Лука» недостатка в проблемах не испытывает. И дело не только в мусоре и упорядочении потоков туристов.

Несколько лет назад экологи и общественность подняли шум по поводу реализации проекта туристско-рекреационного комплекса «Жигулевская жемчужина». «Самарская Лука гибнет! Природу нужно спасать!» В конце концов, разобрались, что к чему, и поправили тех, кто задумал организовать этот комплекс в поселке Ширяево. Строительство пока еще не началось, и задача национального парка на нынешнем этапе — добиться внесения необходимых поправок в проект. Вот что говорит о нем сам Губернаторов:

«Продавать» Самарскую Луку никто не собирается. Поправленный проект «Жигулевской жемчужины» существенно отличается от первоначальной версии в щадящую для природы сторону. Например, не будет бобслейной трассы, под которую планировалась вырубка огромного количества деревьев и проведение в заповедную зону очистных сооружений. Планировался ресторан на Поклонной горе, фуникулер, несколько кафе, памятник Николаю Угоднику — эти территории мы уже отстояли, из проекта перечисленные объекты убраны.

Но сам проект комплекса, предлагающий целую программу развития экологического туризма, национальному парку очень нужен. Тем более что в «Самарской Луке» до сих пор нет достойной инфраструктуры для эколо-

го-познавательного туризма, а задуманный комплекс нам его даст. В состав проектной группы комплекса вошли молодые адекватные люди, которые прекрасно осознают и интересы нашей стороны».

Очень серьезно стоит перед Самарской Лукой и проблема собственности на землю. Большинство историко-культурных памятников здесь находится либо в границах сельских поселений, либо на землях сельскохозяйственного назначения. Национальный парк имеет право приобретать эти земли, но их собственники либо не желают с ними расставаться, либо назначают баснословные цены, рассчитывая, вероятно, обогатиться таким образом. Все это затрудняет комплексное использование памятников, не позволяет создать целостную историко-культурную среду и порой даже приводит к полной деградации этих объектов. Продолжает давить на национальный парк и несанкционированная застройка территории.

Но собаки лают, а караван идет! Несмотря на немалое количество проблем, национальный парк «Самарская Лука» под руководством неунывающего и настроенного исключительно на оптимистическую ноту Александра Егоровича Губернаторова продолжает свое успешное движение вперед.

«Мне кажется, что если каждый из нас, из посетителей парка проявит хоть чуточку любви к этой территории, уяснит для себя, в чем ее ценность, почему нельзя обращаться к этой территории только со словом «дай», забывая о своей ответственности, мы решим многие имеющиеся проблемы. Экологическому и цивилизованному туризму на Самарской Луке открыты все двери...»

Евгений Богданов

— ПРИРОДА НУЖНА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ МЫ ОСТАВАЛИСЬ ЛЮДЬМИ —

Наталья Данилина

В современном заповедном деле не так уж много руководителей — как бывших, так и ныне действующих, — которых многие подчиненные считают «своими» по жизни. Не тех руководителей, которых мы с умыслом держим за «своих», подразумевая под этим некое полезное знакомство, а тех, с которыми, как говорят мужчины военных профессий, без колебаний пошли бы в разведку.

Наталья Романовна Данилина — из такой редкой породы людей. Начальник Главного

управления заповедного дела Госкомэкологии РФ, вице-председатель Всемирной комиссии по особо охраняемым природным территориям, создатель и бессменный руководитель всемирно известного (формулирую именно так, без всякого преувеличения!) эколого-просветительского центра «Заповедники». Перечисления только этих должностей, которые наша героиня занимала в разные периоды жизни, кому-то другому вполне хватило бы, чтобы однажды надуть щеки и назначить себя почти в небожители.

Но Наталья Романовна, к счастью, совсем не такая. Ей чужды авторитарность и надменная назидательность, она с интересом слушает иное мнение, спорит и доказывает, ошибается и не стыдится признавать свои ошибки. Она всегда интеллигентна и доброжелательна, участлива и ненавязчива и, цenia по Антуану де Сент-Экзюпери «роскошь человеческого общения», неизменно остается внимательной к людям, к их бедам и проблемам. Не могу не добавить, что при этом не забывает о своем женском начале, тщательно следя за внешностью и становясь образцом элегантности и шарма. Словом, Наталья Романовна Данилина — очень яркий человек, притягивающий к себе как интересных людей, так и замечательные дела.

Как молоды мы были, как верили в себя!

В жизнь природы Наташа, выросшая на Северном Урале, начала вникать с раннего детства. В воскресные дни с родителями уезжала в лес, во время родительских отпусков путешествовала с ними по всей России, вместе со сверстниками возилась с дворовыми собаками, взахлеб читала книги о животных таких известных писателей, как Бианки, Джек Лондон и Сетон-Томпсон. Однажды ей попалась книга некоего охотоведа, увлекательно рассказывавшего о пушно-меховом институте, о специалистах, которые ездят в полевые экспедиции, чтобы изучать жизнь зверей. Тогда в голове девушки засела мысль: буду охотоведом!

На звероферме 1975 г.

С мужем, Эдуардом Дронсейко

С детьми на отдыхе, 1982 г.

Окончив, уже в Москве, физико-математическую школу (знаменитую школу № 2) и обнаружив, что пушно-меховой институт закрыт, выпускница, к изумлению одноклассников и преподавателей, поступила в Московскую ветеринарную академию имени К. И. Скрябина.

По окончании вуза 22-летняя замужняя дипломированная любительница живой природы по доброй воле (а ведь имела право выбора, получив красный диплом) уехала на Сахалин. Там она начала свою трудовую деятельность зоотехником в звероводческом совхозе: *«Мне хотелось заниматься дикой природой, — вспоминает Данилина, — но генетика и разведение животных тоже были очень любопытны».*

На своей первой рабочей должности Наталья Романовна руководила четырьмя бригадами, в каждой из которых было по 20 совсем непростых людей, как правило, с основательно покореженными судьбами: *«С одной стороны, мне нужно было организовывать их работу, а с другой — нужно было уметь делать самой все, чтобы в любой момент подменить любого работника, показать, как правильно делать. Я прошла там колоссальную производственную школу, которая оставила отпечаток на всей дальнейшей жизни».*

Сахалин, с его множеством удивительно красивых мест, по которым молодая семья с удовольствием путешествовала, пришелся Наталье Романовне по душе. Но, к сожалению (а быть может, к счастью?) сахалинская феерия продолжалась не так долго, как хотелось, — всего семь лет. По ряду личных

О. Медный (Командоры) с мужем, охотоведом Эдуардом Дронсейко, 1986 г.

На Командорах, 1984 г.

обстоятельств жизненный путь пришлось скорректировать и вернуться в столицу.

Москва! Как много в этом звуке...

Новую главу своей рабочей биографии Наталья Романовна начала в 1978 году во Всесоюзном НИИ охраны природы и заповедного дела Министерства сельского хозяйства СССР — именно здесь началась и заповедная жизнь нашей героини.

«Институт тогда славился своим научным коллективом, яркими учеными, и я была рада оказаться в этой организации, — рассказывает Данилина. — В лаборатории заповедного дела, где я начала работать, разрабатывалась перспективная сеть охраняемых территорий России и принципы организации работы заповедников. Это было интересно!»

Пришлось, правда, погрузиться в теорию заповедного дела, биогеографию и зоологию, закончить аспирантуру по специальности «зоология». Наталья Романовна смеется, что была в числе немногих, кто установленные в институте библиотечные дни проводил именно в библиотеках!

«Нас, научных сотрудников, направляли вместе с опытными управленцами на проверки заповедников, что давало возможность знакомиться с организацией управления ООПТ. Институт тогда был тесно связан и с Главприродой, и с самими заповедниками. С другой стороны, в институте предоставлялась возможность глубокого научного погружения в изучение природы. Это стало второй моей школой — школой системных экологических знаний».

Важной частью институтской работы для молодого ученого были полевые экспедиции.

Четыре экспедиционных сезона наша героиня отработала на далеких Командорских островах, где планировалось создать заповедник.

И все же в науке Наталья Романовна нашла себя лишь частично, остальное пока еще по-прежнему оставалось за кадром. Ей очень хотелось видеть наглядные, практические результаты своей работы, а в науке эта роскошь часто на долгие годы остается «там, за горизонтом». Некстати подкралась болезнь, и самая лакомая часть работы — экспедиционная — оказалась для нашей героини недостижимой. А что за работа зоолога без экспедиций! Прикинув возможные варианты, Наталья Романовна уже собралась стать школьным учителем, благо было что рассказать ребятам. Но случай снова изменил планы.

В 1988 году, в самый разгар так называемой перестройки, было создано новое природоохранное ведомство страны, и Наталья Романовна интуитивно поняла: непременно надо «это» попробовать: *«Хотелось больше практической работы, мне очень не хватало того активного ритма жизни, который был на Сахалине. Поэтому, как только был создан Государственный комитет по охране природы СССР, я отправилась работать туда».*

Так она оказалась в отделе заповедников нового комитета, где, собственно, и занялась организацией работы государственных природных заповедников.

Свежая кровь в министерском пространстве

«Вначале, после институтской вольницы, бюрократическая работа ужасала, а спустя

Завершен очередной обучающий семинар ЭкоЦентра «Заповедники». В центре частый гость семинаров Василий Песков, 2001 г.

полгода стал понятен механизм работы, и пришло осознание: эта новая практическая работа, новый для меня управленческий уровень, это интересно и то, что мне нужно. Весь мой опыт, и в организационной работе с людьми, и в науке, оказался востребован».

В отделе заповедников собралась интересная команда специалистов с самым разным опытом. От старых управленцев, знающих систему, как говорится, от и до, причем изнутри, до энергичных молодых специалистов, пришедших из разных организаций. Был среди них и Всеволод Степаницкий. Всех объединяло увлечение общим делом

и желание поднять управление заповедной системой страны на новый уровень.

Начальником отдела был чрезвычайно требовательный и мудрый Дмитрий Александрович Горин, который заповедную практику знал досконально (с этим замечательным, открытым и честнейшим человеком Наталье Романовне будет суждено дружить долгие годы, вплоть до самой его кончины).

Одним из главных деяний Комитета была разработка нового для нашего государства Закона об особо охраняемых природных территориях СССР. Над текстом нового основополагающего заповедного документа работали преимущественно Горин, Степаниц-

В заповеднике «Брянский лес» с директором заповедника Игорем Шпиленком и американской делегацией, 1993 г.

кий и Данилина. Наталье Романовне было поручено координировать эту работу. Работали азартно, не считаясь с личным временем, и к концу 1991 года проект закона был полностью подготовлен и проведен через все необходимые визирующие инстанции. Дело оставалось за малым: президент должен был внести проект в Верховный Совет СССР, чтобы тот, как ожидалось, принял документ. И уже была назначена дата рассмотрения закона, но вдруг пришла новость, в корне меняющая абсолютно всю привычную жизнь: Советский Союз канул в Лету.

Однако вышло так, что перед самым распадом советской державы Наталья Романовна очень кстати перешла из союзного комите-

та в комитет республиканский. Здесь было сформировано новое управление заповедного дела, которое возглавил Всеволод Борисович Степаницкий, и, зная деловые качества Данилиной, он не замедлил предложить ей стать его заместителем. Постепенно, вслед за Натальей Романовной, в этот комитет пришли основные работники оставшегося в прошлом всесоюзного главка. На фоне решения огромного количества текущих задач продолжилась и прерванная работа над основным законом заповедной системы. Поскольку государственное устройство и политический строй изменились, многое из уже наработанного материала пришлось основательно переделывать.

Как ни странно, несмотря на политичес-

Впервые под флагом ЭкоЦентра. 1997 г. – заповедной системе 80!

кую нестабильность в молодом государстве, с подачи вновь созданного комитета именно в 1990-е годы заповедную систему страны удалось территориально значительно расширить: за первое десятилетие в новой России были созданы свыше трех десятков новых заповедников и национальных парков!

Те годы были невероятно трудными для заповедной системы: целая обойма политиков разного пошиба и уровня настойчиво предлагали задействовать заповедные земли в хозяйственных целях.

«Не имеющие достаточной экологической грамотности руководители либо совсем не знают об ООПТ, либо воспринимают их как ненужную, мелкую помеху в решении грандиоз-

ных экономических задач. Уровень понимания роли, значения и потенциала ООПТ в российском обществе в целом чрезвычайно низкий. Это относится и к большинству политиков и иных лиц, принимающих решения, особенно на федеральном уровне. Мешают и так называемые советские традиции. Мы десятилетиями строили нашу заповедную систему «во имя будущих поколений». Да, природе нужно охранять, думая о будущем, но ведь и нынешние поколения хотят нормально жить, а наше заповедное сообщество еще только учится учитывать их интересы. Это дает дополнительный повод властям относиться к ООПТ как к помехе в экономическом развитии».

Нужно было срочно влиять на общественное мнение, и одной из мер стала организация в 1992 году в ряде крупных заповедников отделов экологического просвещения — по инициативе Данилиной. Пожалуй, именно этот год следует считать реальной точкой отсчета истории экопросвещения на российских ООПТ.

В конце 1993 года Наталья Романовна Данилина стала руководителем Главного управления заповедного дела. Одной из основных задач этого подразделения в то пору была доводка Закона об ООПТ, и на этом поле разгорелись настоящие баталии. Целый ряд крупных заповедных ученых ополчились против включения в закон положения о том, что заповедники — это не только природоохранные и научные, но и эколого-просветительские учреждения.

«Многие ученые и мои бывшие коллеги считали, что, если заповедники начнут заниматься просветительской работой, это будет мешать их основным функциям — науке и охранной деятельности. Выдерживать жесткую критику, в том числе со стороны уважаемых мною ученых, было больно. Шла настоящая борьба в коллективах многих заповедников, а также в Государственной думе, в Академии наук, внутри заповедной общественности. По разные стороны баррикад стояли уважаемые и авторитетные люди. Но все эти дискуссии окончательно убедили меня в том, что без экологического просвещения, без взаимодействия с обществом у заповедников нет будущего».

Битву пришлось выдержать более чем серьезную, однако нашей героине свою позицию отстоять удалось, несмотря на

очень высокий научный и официальный ранг оппонентов. В марте 1995 года Закон об ООПТ был принят. При этом к задачам заповедников было отнесено не только сохранение и изучение природы, но и просвещение.

Земля заповедников всегда была и остается лакомым кусочком для деятелей, желающих использовать ее в своих, корыстных целях. А уж в 1990-е таких желающих было хоть отбавляй. Активный и преданный делу коллектив заповедного главка вызывал раздражение у «новых управленцев».

«Министерские дразги доводили до истерического состояния, — делится не слишком приятными воспоминаниями Наталья Романовна. — Ну уж нет, так легко я вам не дамся. Я научилась «держат улыбку». Ребята в моем управлении «выстроились в каре». Мы оборонялись. Понятно, что им нужны были деньги. А тут мы, бюрократы чертовы, не даем перешагнуть через закон. Ну не будет вам поселка из сорока шикарных коттеджей в центре заповедника! Там будут жить звери. Им там положено жить по за-ко-ну! И деньги, которые дает Мировой банк, пойдут на сохранение природы, а не в бездонные карманы некого радетеля охраны природы от комсомольской науки. Не случайно в праздничный день наше управление дружно пело: «...а нам все равно, дело есть у нас...». Да, мы делаем наше дело. Оно зовется заповедным. Мы ему служим. Звучит патетически, но ведь это так. Борьба тянулась почти два года. Наконец, не выдержав нашего «несовременного» поведения, министр росчерком пера ликвидирует управление. Но и им победа не досталась!»

Сотрудники заповедного главка работали невероятно активно, все время выступали с инициативами, будоражили бюрократов, привыкших к спокойной тиши своих кабинетов. Чего стоила одна только Целевая государственная программа поддержки заповедников и национальных парков, инициированная главком и подготовленная замечательными специалистами — Эльвирой Михайловной Чеховой и Ириной Лазаревной Калиничевой с коллегами!

«1994 год. Звонок из Правительства России: «Наталья Романовна, Вы сидите? Встаньте!» Встаю. «Целевая программа государственной поддержки заповедников и национальных парков подписана! В это мало кто верил, а свершилось, с Вас шампанское!» Да хоть ящик — за такую-то новость! Но сначала — поздравления и шампанское разработчикам и всем, кто к этому причастен!» Да, сделали, провели через все ведомства и обеспечили устойчивое финансирование ООПТ на 10 лет в самые нелегкие годы.

Данилина вспоминает добрым словом тех, кто помогал тогда работе Главного управления заповедного дела. Рождению Закона об ООПТ во многом помогла поддержка со стороны тогдашнего заместителя министра Олега Степановича Колбасова, доктора юридических наук, выдающего юриста, знатока природоохранного законодательства. Работу над целевой программой поддерживал (хотя, по его признанию, и не верил в возможность утверждения этого не имеющего аналогов инициативного документа) заместитель министра, экономист Александр Анатольевич Аверченков. А особую роль и в создании

С сыном Дмитрием, 2000 г.

С первой внучкой Сашей 1998 г.

самой министерской структуры в ранге главного управления, и в поддержке всей его бурной активности сыграл возглавлявший первый экспертный совет по заповедному делу при Минприроды России (был такой совет в середине 1990-х) профессор Никита Федорович Глазовский. Но в целом работа по управлению ООПТ не была приоритетной и понятной большинству работников министерства.

«Когда кто-то чрезмерно активничает, бюрократический министерский аппарат

начинает относиться к этому с недовольством, ведь дополнительная работа появляется и у других подразделений. Каждую инициативу нужно было буквально пробивать. Порой выслушивала упреки руководства: «Превратила главк в общественную организацию!» После очередной реорганизации ведомства наше управление влили в укрупненный департамент, и оно потеряло самостоятельность. Тогда я почувствовала, что хотела бы тратить силы на дело, которое меньше зависит от бюрократических правил».

В 1996 году Наталья Романовна приняла нелегкое решение создать собственный участок работы. Да и известная недосказанность повлияла на принятие этого решения. Закон об ООПТ состоялся, в нем для заповедников была прописана обязанность вести эколого-просветительскую деятельность. Но поставить задачу легко, а как и кому осуществлять эту деятельность? На том этапе не было ни специалистов, ни методик, ни хотя бы намек на общую концепцию абсолютно нового дела. Как выстроить работу, чтобы избежать формализма и убивающей любое дело обязательности? Как достичь главной цели — «зажечь в людях искорку любопытства к природе, к ее обитателям, затронуть добрые чувства и сделать их своими друзьями»? Наталья Романовна поняла, что, сказав «а», непременно нужно собрать силы и выговаривать следующие буквы эколого-просветительского алфавита, иначе придумка окажется пустышкой, непонятой даже для специалистов, не говоря уже о посторонних людях, не вовлеченных в деятельность системы.

Так Данилина постепенно оказалась у руля дела, нового не только для нее, но и для

Лезгинка с Амирханом Амирхановым, после совещания директоров заповедников, 1998 г.

всей заповедной системы нашей необъятной страны.

ЭкоЦентр «Заповедники» — ядро заповедного притяжения

ЭкоЦентр, реализуя закон в части положений об экологическом просвещении, был призван проторить лыжню новой заповедной деятельности. Он был задуман как общественная организация, координирующая и развивающая действия ООПТ в области экопросвещения. В 1994–1995 годах при активном участии Минприроды России разрабатывался проект Глобального экологического фонда (ГЭФ) «Сохранение биоразнообразия Российской Федерации». Одной из позиций проекта было создание центра по координации и развитию экологического просвещения на ООПТ и формированию их общественной поддержки. На этом благодатном фоне Наталье Романовне и удалось реализовать свою яркую задумку, которая получила название «Эколого-просветительский центр «Заповедники».

Вначале ЭкоЦентр «Заповедники» реализовывал программу Всемирного фонда дикой природы (WWF), которая поддерживалась швейцарским правительством в рамках проекта ГЭФ «Формирование общественной поддержки охраняемых территорий России и развитие экологического просвещения». Но в первый же год жизни ЭкоЦентр получил официальный статус российской некоммерческой организации и, после выполнения программы WWF, начал самостоятельное плавание.

«Совместно со Степаницким и Ясвиным мы сделали Концепцию развития экологического просвещения в заповедниках и национальных парках, ее утвердили Госкомэкология и Рослесхоз. Затем разработали программу обучения специалистов по экологическому просвещению, которую утвердила Госкомэкология, подготовили первые кадры просветителей. Потом помогли официальному утверждению новой специальности в Минтруде — в 2000 году она была узаконена!»

А далее — учебный центр экоцентра получил международное признание. На основе его разработок ведется подготовка кадров для ООПТ в ряде стран СНГ. Центр обучает специалистов по разным направлениям деятельности заповедников и национальных парков. В активе экоцентра — создание методической базы для экологического просвещения; организация детского Движения друзей заповедных островов; проведение первых в стране масштабных «заповедных» фотовыставок, конкурсов, фестивалей и иных акций; продвижение работы волонтеров на ООПТ.

Постепенно экоцентр оброс связями,

спонсорами и единомышленниками. Проросли направления деятельности, важные для того, чтобы заповедники и парки стали понятны и дружественны людям. Например, организация сотрудничества заповедных территорий с сельским окружением — задача заповедников и национальных парков, которая не без участия Натальи Романовны была включена в Концепцию развития федеральных ООПТ до 2020 года. А важность Клубов друзей заповедных островов в статусе общественных структур, поддерживающих заповедники и национальные парки, становится понятна все большему числу заповедных специалистов. Один из любимых проектов директора экоцентра связан с обеспечением сохранения на ООПТ не только природного, но и культурного наследия, культурных ландшафтов, а также организацией взаимодействия с музеями-заповедниками, с которыми они разделены искусственными ведомственными барьерами.

«Охраняемые природные территории по своим задачам мультифункциональны — об этом говорит весь мировой опыт. К сожалению, их огромный потенциал в развитии регионов, да и страны в целом, у нас используется очень слабо. Мы стараемся показывать эти возможности, распространять опыт лучших, в том числе зарубежных ООПТ». Инициативные проекты экоцентра становятся неотъемлемой частью российской заповедной системы. Теперь, когда на каком-то совещании заходит разговор об экологическом просвещении в заповедниках и национальных парках, работе с местными жителями или посетителями, то Наталья Романовна Данилина и ЭкоЦентр «Заповедники» упоминаются в

обязательном порядке.

Не экопросвещением единым жив заповедный человек!

Было бы странно, если бы такой многогранный человек замкнулся только на одном направлении деятельности, тем более что экологическое просвещение интересно не само по себе, а лишь в контексте комплексного восприятия задач ООПТ.

Наталья Романовна долгие годы демонстрирует просто фантастическую работоспособность, даже трудно представить, что такой объем работы может делать один человек. Кроме директорства в ЭкоЦентре «Заповедника» — ее главного детища, — она является заместителем председателя экспертного

совета по заповедному делу при Минприроды России, многие годы была членом общественного экологического совета Минприроды России. Мало того, с 1993 по 2009 год она занимала пост вице-председателя Всемирной комиссии по ООПТ МСОП, а в 2011–2014 годах входила в Общественную палату РФ. Все эти должности Наталья Романовна не воспринимала как почетные, а использовала как открывающиеся возможности для заповедной системы.

Кажется, что одно настоящее дело в ее жизни наслаивается на другое, и эти дела если не противоречат, то уж точно мешают друг другу. Но нет, все оказывается к месту, дополняя и как бы перетекая из одного в другое, формируется цельная, единая программа действий, хорошо

Тебердинский заповедник. С директором Джапаром Салпагаровым, 1999 г.

продуманная и реализуемая поэтапно.

Познавательный туризм и заповедные территории

О тому, нужен ли туризм заповедникам, сломано немало копий в многочисленных дискуссиях — как научных, так и просто любительских. В этом вопросе позиция Данилиной четко обозначена и не менее четко аргументирована. Сохранять природу на заповедных территориях исключительно за колючей проволокой и при этом пугать людей оружием в корне неверно, да и неэффективно. Заповедники не имеют права пребывать в глухой обороне, они, напротив, сами должны идти навстречу населению! В конце концов, именно непонимание и закрытость советских заповедников в свое время вызвали недовольство ими как на государственном уровне, так и на уровне общественного сознания. Все это привело, в конце концов, к ликвидации значительной части заповедных территорий в 1951 и 1961 годах. История чуть не повторилась после распада СССР, когда некоторые политики стали спекулировать на нищенском положении простых граждан, предлагая на этом фоне использовать заповедные земли и их возможности.

«Мы познакомились с зарубежным опытом, и оказалось, что в мире нет ни одной страны, в которой успешные, значимые, признанные обществом, поддержанные властью охраняемые природные территории были бы вещью в себе, то есть закрытыми от людей, как это было у нас. У них есть общение, работают серьезные просветительские и туристические программы, за счет этого налаже-

но взаимопонимание с местными жителями, подкрепленное еще и тем, что охраняемые природные территории привлекают деньги в регионы, в которых расположены, и дают работу местному населению. Не случайно вся мировая практика показывает, что без понимания обществом не могут существовать охраняемые территории в демократических странах.

То, что в ряде стран ООПТ являются объектами национальной гордости, это результат неустанной просветительской работы национальных агентств ООПТ, всего заповедного сообщества на протяжении многих десятилетий, в том числе работы с политиками (иногда с их детских лет!).

У нас иная ситуация. К началу 1990-х, когда необходимость диалога с населением стала очевидна, мы имели развитую, представительную часть заповедников, но она существовала, как вещь в себе, вызывая часто у населения только раздражение своей закрытостью и не всегда понятными запретами. Просветительская работа не входила в число приоритетов, о ценности ООПТ знал только узкий круг специалистов. Только в последние два десятилетия заповедная система стала делать шаги навстречу обществу. Я полагаю, что во многом именно благодаря этой работе наши ООПТ сумели выжить в период перемен, бесконечных реформ и отсутствия реальной природоохранной политики в стране».

Экологическое просвещение населения — лишь один из необходимых шагов для формирования партнерских отношений между ООПТ и обществом. Всем известно, что лучше один

раз увидеть, чем сто раз услышать. Поэтому, как ни агитируй со страниц газет, брошюр и книг, как ни выступай по радио, на ТВ и в интернете, население хочет само убедиться в том, что декларируемые заповедные ценности действительно существуют, что их сохранность — дело действительно нужное и потому — всенародное.

«Туризм, пожалуй, самая эффективная часть экологического просвещения. Ведь когда человек погружен в природу, видит, слышит и чувствует ее, это работает куда эффективнее, чем самые талантливые лекции. Такие впечатления навсегда остаются в душе, и у людей меняется отношение к природе.

Твердое убеждение, что заповедники должны заниматься не только экопросвещением, но и познавательным туризмом, возникло у меня в 1997 году, когда мы совместно с американскими коллегами провели первую в России конференцию о перспективах развития познавательного туризма на охраняемых территориях, включая заповедники.

Грамотно организованный познавательный туризм — это благо для сохранения природы. Но при этом необходимы правильные подходы к его организации. Ведь каким бы ни был туризм, он влияет на природные комплексы, он не может быть безобидным и нейтральным, а при безграмотном использовании он может приводить к катастрофическим последствиям. Для того чтобы им заниматься, нужны четкие нормативы, важно серьезно готовить, учить работников ООПТ».

Поправка о познавательном туризме была внесена в закон лишь в 2011 году — через

16 лет после принятия самого закона. Как и в случае с экологическим просвещением, новая поправка не была принята на ура, более того, она встретила бурю негодования, особенно со стороны адептов абсолютной заповедности, то есть неприкосновенности заповедных территорий. Эта буря не улеглась до сих пор.

Заповедный туризм, безусловно, имеет свои достоинства и свои сложности. Например, руководители отдельных территорий стали всерьез уповать на то, что за счет туризма они поправят свои финансовые дела. Только, как говорил товарищ Сухов в фильме «Белое солнце пустыни», «это вряд ли!». Государственное финансирование было, есть и должно оставаться главным источником содержания государственных же ООПТ, в противном случае теряется природоохранная суть заповедных территорий. И, конечно, ни в коем случае нельзя обобщать: дифференцированный подход обязателен при организации познавательного туризма на конкретных заповедных территориях.

«На совещании в Минприроды прозвучало предложение, что под познавательный туризм может быть использовано не более пяти процентов площади заповедников. Но в ряде случаев не нужно и этих пяти процентов — достаточно 0,05 процента территории, а то и меньше. Все равно людям будет интересно побывать в заповеднике, пройти маршрутом в оторванных от цивилизации уголках природы, научиться понимать природу под руководством настоящих ученых и, если повезет, встретить непуганых зверей и птиц, которые обязательно должны там быть. К тому же, в силу исторических

Наталья Данилина. Конференция 2013 г.

причин, многие заповедники были созданы в местах, традиционно привлекательных для туристов. Однако при этом принцип невмешательства в природные процессы (так называемая абсолютная заповедность) должен сохраняться как базовый.

Парку или заповеднику туризм должен, главным образом, обеспечивать общественную поддержку, понимание со стороны населения, поднимать значимость и престиж, а потому быть познавательным. А доходы от туризма должны поддерживать, прежде всего, местное население и регионы. Это мировая практика и, уверена, нам также следует ее внедрять.

Я почти каждый год езжу в Кенозерский национальный парк. В 1997 году в селе Верши-

нино, как я помню, был лишь один магазинчик с пустыми прилавками. Сейчас там семь или восемь магазинов с самым разнообразным ассортиментом, а ведь населения больше не стало! Это произошло потому, что в парк поехали люди. Экопросвещение и познавательный туризм работают в нем в полной мере! Как сказал бывший губернатор Архангельской области, «национальный парк у нас здесь экономику трех районов тащит!». Вот реальный вклад парка в развитие региона».

Наука... для науки?

Некогда заповедники считались, в первую очередь, научными учреждениями, полигонами для ученых различных специальнос-

С Николаем Дроздовым на 10-летию ЭкоЦентра

тей, идеальными участками для серьезных научных изысканий, имеющих государственное значение. Подобная слава значительно упала в цене, а местами и вовсе сошла на нет.

«Наука в нашем заповедном деле сейчас слаба, она не является тем двигателем, которым должна быть, и не может удовлетворить потребности практики. Мы по инерции говорим, что мы лидеры в науке на ООПТ, а потом приезжаем в национальный парк «Эверглейдс» во Флориде и узнаем, что у них работает 60 научных сотрудников, обеспечивающих сохранение этого уникального водно-болотного угодья, у которого множество проблем. Вокруг расположены сельскохозяйственные и урбанизирован-

ные территории, идет освоение, меняется гидрорежим, и наука оперативно предлагает варианты сохранения равновесия. Она очень востребована!

У нас же по пальцам можно пересчитать

На пресс-конференции вместе с Василием Песковым. 2005 г. Подведены итоги совместного конкурса «Заповедное эхо» ЭкоЦентра и Комсомольской правды

Беседа на Всемирном конгрессе по охране природы с генеральным директором службы парков США Джонатаном Джарвисом. Гавайи, 2016 г.

заповедники, где идет серьезная научная работа. К сожалению, не сформулирована идеология развития заповедной науки в новых условиях. Мы крутимся вокруг одного и того же, не замечая, что мир меняется, меняется окружение ООПТ. Нетронутая природа всегда была и будет оставаться лакомым кусочком, ко всем нынешним и будущим вызовам мы должны быть готовы. На переднем крае должна быть наука, которая умела бы эти вызовы анализировать, встречать и предлагать варианты сопротивления. А мы сейчас опираемся на совершенно иные подходы. Мы потеряли старое поколение ученых, но не вырастили новое, вооруженное новыми методами.

Очень мало специалистов, которые могли бы решать комплексные задачи, новые проблемы, с которыми сталкиваются отдельные ООПТ и вся система.

Нужно, чтобы наука стала привлекательной. Чтобы погружаться в нее профессионально, работа должна быть престижной и оплачиваемой. Должен быть четко сформулирован государственный заказ: что государству от науки в заповедниках нужно? какого рода наука нам нужна?»

Complete satisfaction

В переводе с английского, которым, кстати,

Наталья Романовна прекрасно владеет, что здорово помогает ее активному участию в программах международного сотрудничества, название этой небольшой главки означает «полное удовлетворение». А действительно, работая в заповедной системе почти три десятка лет, испытывает ли наша героиня чувство, хотя бы в первом приближении отвечающее приведенному выше определению?

«Я, наверное, никогда не могла бы работать, не находя в работе удовольствия. Если работаешь не просто для того, чтобы выживать, то труд должен приносить радость и удовлетворение. Это же большая часть жизни. Просто тянуть лямку — зачем?»

Испытывает ли удовлетворение от жизни человек, который является почетным работником охраны природы Российской Федерации и почетным членом Комитета по управлению Всемирной комиссии по ООПТ Международного союза охраны природы? Наталья Романова отмечает, что эти звания приятны, но не они приносят удовлетворение. Теперь многие, если не все, коллеги Данилиной по природоохранной работе признают ее немалый вклад в становление и развитие заповедной системы новой, постсоветской России. Как заметил знаменитый российский эколог, член-корреспондент РАН, бывший помощник Президента Российской Федерации А. В. Яблоков, *«Наталья Романовна появилась в нужное время и в нужном месте: когда почти рухнула государственная система ООПТ, она смогла подставить плечо и не дать рухнуть всему вообще».*

Говорящая характеристика, не правда ли?

О талантах и ипостасях счастья

Тем, кто знает Наталью Романовну лишь поверхностно или не знает вовсе, может показаться, что она абсолютный трудоголик, который работает круглые сутки, не отвлекаясь на иные жизненные страсти.

Вовсе нет! Наталья Романовна, как говорят, умеет держать компанию, когда такая образуется в свободное от работы время. Она умеет отдыхать, получая от этого удовольствие и обретая заряд, необходимый для работы с полной отдачей. Она — разносторонний, творческий человек, в чем лично я неоднократно имел возможность убедиться.

Напомню поговорку: «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Так вот, это давным-давно сформулированное наблюдение полностью можно отнести на счет нашей героини. Она блестящий рассказчик, с мельчайшими и красочными подробностями умеет поведать о минувших событиях и всякий раз точно их характеризует и оценивает. Такая оценка, естественно, имеет сугубо личностный оттенок — от слова «ЛИЧНОСТЬ», но, как правило, эта оценка совпадает и с объективной характеристикой. И вовсе не случайно журналисты, пишущие о Наталье Романовне, предпочитают не рассказывать о ней, а брать у нее интервью: мол, лучше, чем она сама, все равно никто не расскажет!

У Натальи Романовны хороший слог. Есть у нее статьи научные, или, так сказать, программные. В этих работах на заданную тему обнажать душу не положено — она и не

делает этого. Но в моем архиве хранится ее глубоко личный рассказ, как-то написанный Данилиной — верите — просто мастерски, и с таким чувством, какое красиво изложить на бумаге далеко не каждому под силу.

Однажды, будучи приглашенным в гости к Наталье Романовне, я увидел на стенах ее небольшой квартиры прекрасные пейзажи и был ими буквально потрясен. Позже я узнал, что написаны они Натальей Романовной! Кисть она взяла в руки уже в зрелом возрасте, встретив настоящее личное счастье, замешанное на любви.

«Встреча с Судьбой перевернула мою жизнь. Нет, не перевернула. Я просто начала жить. Я вдруг увидела мир в красках, мир многоцветный, яркий. Это было так странно, что я начала рисовать. Купила, якобы для сына, масляные краски, загрунтованный картон. Я хочу рисовать и рисую все свободное время. Пейзажи, букеты цветов появляются ежедневно. Дарю картинку друзьям. Они удивляются моим неожиданным талантам. Я радуюсь этому, как ребенок. Наверное, мне хочется делиться тем ярким миром, который открылся мне».

Упомянутый мною рассказ Натальи Романовны называется «Исповедь счастливой женщины». Эпиграфом к нему взяты слова Жана де Лабрюйера, классика французской литературы, жившего в XV веке: «Счастье страшно потерять, несчастье трудно пережить. Одно стоит другого». Трудно с этим не согласиться и страшно подумать, что этот афоризм может быть применен к твоей судьбе!

«Я лечу на работу, мчусь к станции метро. Над Москвой летнее, солнечное и свежее

утро. Какие вокруг хорошие лица! Вспоминаю, что по городу расклеены афиши с названием неизвестной мне оперетки — «Нет меня счастливее». Мне страшно нравится название. Я повторяю его и радостно думаю: это про меня».

Вот такой период когда-то выпал Наталье Романовне. Потом пришли беды, связанные с потерей самых близких людей, которых ничем не заменить.

Но жизнь продолжалась. Ей пришлось спрятать личное глубоко-глубоко и топить себя в работе. Помогло еще и то, что работа Натальи Романовны во многом основана на общении с людьми, а хороших людей вокруг все же больше, чем никудышных. Тем более в заповедной системе — здесь что ни специалист, то личность. И пришла иная форма счастья.

«Для меня заповедное дело — это счастье причастности к сообществу увлеченных людей, которые держат, как атланты (и кариатиды!), российскую заповедную систему. Это постоянные открытия: новые интереснейшие места, люди, умеющие находить решения, казалось бы, нерешаемых задач».

Евгений Богданов

— НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК В НАСТОЯЩЕМ ЗАПОВЕДНИКЕ —

Сергей Ерофеев

Как причудливо движется порой человек по служебным лестницам! Десять лет на фоне сложнейшей российской обстановки 1990-х человек занимал должность директора государственного природного заповедника и вдруг по собственному желанию оставил начальственный пост для того, чтобы продолжить работу в том же заповеднике в качестве простого государственного инспектора!

Произошла описанная история в Алтайском заповеднике на рубеже веков, а челове-

ка, так удивившего сослуживцев своим неординарным поступком, зовут Сергей Петрович Ерофеев. Он по-прежнему работает в том же заповеднике, теперь — в должности заместителя директора по охране, и считается специалистом высшей пробы.

Так что же вынудило нашего героя так поступить? Обо всем этом, а также о порядочности, человечности и взаимопонимании, о профессионализме и любви к малой родине, к семье и природе повествуется в нашей очерке.

Попробовал и... задержался на всю жизнь

В конце советского периода нашего славного государства, то есть в сложные 1980-е годы, устроиться на работу в Алтайский заповедник стремилось немало жителей из самых разных российских регионов. Да и было куда стремиться!

Алтайский государственный природный заповедник (АГПЗ) был образован в 1932 году; он является одним из старейших российских природоохранных, научно-исследовательских и эколого-просветительских учреждений федерального значения. Правда, об экологическом просвещении в нашей заповедной системе в советское время еще не слышали — этот ориентир деятельности появился только в середине 1990-х годов. И другая правда, теперь уже горькая: в 1951 году «отец народов» Иосиф Сталин в числе многих других заповедных территорий упразднил Алтайский заповедник, и возродить его удалось только в конце 1967 года.

Как бы там ни было, но основная цель создания заповедника всегда оставалась одной: сохранение и изучение естественного хода природных процессов и явлений, растительного и животного мира, типичных и уникальных экологических систем. Это особо охраняемая природная территория площадью 871 206 га в настоящее время включает часть акватории редкого по своей живописности Телецкого озера. По количеству видов сосудистых растений АГПЗ занимает второе место в России среди всех заповедников; также он находится в первой пятерке наших заповедников по видовому разнообразию.

Международное признание уникальности этой ООПТ очевидно: с 1998 года Алтайский заповедник и Телецкое озеро входят в список объектов Всемирного природного наследия ЮНЕСКО в номинации «Алтай — Золотые горы», а в 2009 году АГПЗ присвоен биосферный статус.

Хороший повод соблазниться и напроситься в сотрудники столь значимого и популярного учреждения. Однако обилие желающих быть причастными к этому заповеднику объясняется и другими факторами. Сакральность и загадочность Алтая, желание послужить благородному делу сохранения природы, сложная и интересная история заповедника, удивительная природа края и желание совместить работу с праздником души, стремление отдалить свою жизнь от разъедающей душу цивилизации — такие значимые поводы устремиться в алтайскую даль со счетов не сбросишь! У каждого, вероятно, был свой, индивидуальный набор причин попасть в заповедник во что бы то ни стало.

Однако принимали на работу в АГПЗ далеко не всех. Во-первых, штат был не резиновым, а во-вторых, мало кто из кандидатов обладал необходимым для работы в заповеднике набором профессиональных и человеческих качеств, среди которых не последними были порядочность и терпение к людям и обстоятельствам.

Сергей Ерофеев, молодой специалист, выпускник факультета охотоведения Иркутского института лесной промышленности, будучи наслышан об уникальной ООПТ, тоже не устоял перед соблазном и пришел на работу в Алтайский заповедник в конце 1979 года. И

Поход на Итыкуль завершен. Февраль, 1993 г.

до настоящего времени наш герой ни разу не изменял этому заповеднику с другими территориями — завидное постоянство, свидетельствующее об основательности!

На первых порах Сергей был определен рядовым работником хозяйственного отдела. Такая уж тут была заведена традиция: всех новеньких в качестве проверки на прочность поначалу пропускали через хозотдел. Это было оправдано, ведь в те годы в заповед-

ник приходили в немалом количестве люди случайные, толком не знающие, что им нужно. Суровая природа, непростая заповедная жизнь и сложные обязанности случайных людей отсеивали — приживался лишь каждый десятый кандидат.

На этой работе Сергей делал разное: заготавливал дрова для общественных нужд, вручную перекачивал солярку на дизельную электростанцию, по ночам разгружал

муку на хлебопекарне, готовил жерди и городил поскотину, пилил лес на пилораме и строил дома в поселке Яйлю — тогдашней центральной усадьбе заповедника. Словом, занимался нелегкими и достаточно нудными работами, весьма далекими от романтической охраны природы и в сумме способными стать веским основанием для того, чтобы отказаться от первоначального намерения и написать заявление об увольнении «по собственному нежеланию».

Вдобавок к перечисленным работам, еще нужно было жить в простеньком деревенском доме, топить печь, самому готовить пищу и налаживать более чем скромный быт! Однако наш герой с честью выдержал все испытания и был оставлен в заповеднике. Вероятно, в немалой степени сыграли свою роль природная смекалка, армейская выучка и трудовые навыки, привитые родителями. Немаловажным было и то, что молодой сотрудник был довольно терпелив и даже в сложных ситуациях демонстрировал неиссякаемое чувство юмора и философское отношение к жизненным зигзагам.

Оперативник от Бога

После хозяйственного отдела Сергей стал лесником огромного Яйлинского лесничества. Его жизнь в значительной степени заполнилась патрульными обходами и учетными маршрутами, выявлением нарушений заповедного режима и борьбой с ними.

Среди коллег Сергей, имевший на своем счету большое количество патрульных

Патрульная группа к выходу на маршрут готова!

рейдов и задержаний браконьеров, всегда считался одним из самых результативных инспекторов охраны. Честность и бескомпромиссность, разумную смелость и решительность никуда не спрячешь, однако! Впрочем, без этих качеств удержаться на оперативной работе в принципе невозможно, поскольку от поведения каждого члена группы подчас зависит жизнь товарищей.

За долгие годы инспекторской работы Сергей Петрович досконально изучил территорию заповедника — ему это было привычно и интересно, поскольку в прошлой, дозаповедной жизни он дослужился до звания кандидата в мастера спорта по спортивному ориентированию. Заодно с территорией до самого доньшка познал специфику охраны родного заповедника.

Тогда, в 1980-х и начале 1990-х нелегких и непредсказуемых годов, еще до своего директорства, Сергей сотоварищи проводил в походах и рейдах более 100 дней в году! Возглавляемая им патрульная группа службы охраны (одна из первых в системе ООПТ СССР!) стала самой результативной в области профилактики и борьбы с браконьерством.

Пусть это пафосно звучит, но в ту пору именно эти настоящие мужики встали на защиту заповедных рубежей и до сих пор служат примером беззаветного служения делу охраны природы. Об их многодневных экспедициях и патрульных рейдах по самым отдаленным местам Алтайского заповедника, о задержании нарушителей заповедного режима можно было бы рассказывать часами. И в этом рассказе частенько звучали бы подробности служебных путешествий по заповеднику в разные времена года: зимой — на камусных лыжах с тяжеленными рюкзаками через крутые перевалы в лютые морозы, весной и осенью — на лошадях через бурные горные реки, круглый год — на моторных лодках и даже на байдарках по не всегда спокойному Телецкому озеру.

Директор в силу обстоятельств

Директором Алтайского заповедника Сергей Петрович стал в 1994 году. В ту пору, после распада Советского Союза, по Алтаю, как и по всей России, изнывающей от кардинальных перемен, сквозняком гуляли демократические тенденции. На таком фоне наш герой принял на свои плечи нелегкую директорскую ношу по настоянию коллег — таков был их единодушный выбор. Понятное дело: случайному и сомнительному человеку восседать на верхней ступеньке иерархической лестницы коллектив бы не доверил!

Официально в должности директора Ерофеев был утвержден только по истечении

В рейде...

На Телецком озере

Куда надо, туда и рулю!

двухлетнего испытательного срока. Такая постановка вопроса была абсолютно понятна и оправдана, ведь даже в самые демократические времена в природоохранном министерстве, утверждающем назначение директоров заповедников, понимали, что руководство огромной охраняемой территорией слабому и непроверенному человеку доверить нельзя, вот и тестировали Сергея Петровича приставкой и.о.

Директором Ерофеев оказался отменным. Это не голое утверждение, а глас статистики, которая, как известно, вещь неумолимая. Так вот, эта самая статистика свидетельствует, что за время своего директорства Сергей Петрович не потерял ни одного гектара земли и ни одного сотрудника, что чрезвычайно важно.

Его директорство пришлось на сложную пору в истории России, когда бюджетные организации, включая и заповедники, переживали далеко не лучшие времена. Не выделялись средства ни на охрану (а в этом заповеднике с огромной территорией очень даже есть что охранять), ни на научную деятельность, издавна считавшуюся своеобразной визитной карточкой АГПЗ. Энтузиазм — дело хорошее, но за его счет много не наработаешь!

Будучи директором, Ерофеев всегда вполне здраво считал, что раз заповедник — это государственное учреждение, то его успешная деятельность в первую очередь зависит от того, как эту деятельность финансирует государство. Собственно, из-за несоблюдения этого важнейшего условия он по истечении десятилетия и ушел с руководящей должности. Сам Сергей

Петрович объясняет свое решение просто: «Разруха началась. Нормальное финансирование прекратилось при мне, потому-то я и ушел. Достала нищета, надоело быть вечно крайним. Устал».

Гражданская позиция честного человека

Свою позицию, собственный взгляд на различные проблемы Сергей Петрович демонстрировал часто, без оглядки на последствия и независимо от должностей, которые ему приходилось занимать. При этом он всегда руководствовался принципами, на которых, по сути, он был воспитан. Один из незыблемых столпов его жизненной философии заключается в том, что природа была, есть и будет самодостаточной, а человек живет лишь здесь и сейчас. Из этого следуют другие правила, требующие от человека порядочного и непременно чистого отношения к природе. Показательна позиция Ерофеева по поводу развития туризма в АГПЗ.

«У заповедника, в принципе, есть возможность зарабатывать деньги, это оговорено в Федеральном законе об особо охраняемых природных территориях. Зарабатывать научной и экскурсионной деятельностью. Включиться в какую-нибудь программу и получить грант. На бюджетный счет поступают деньги, взысканные в качестве штрафов и по судебным искам. Их сумма зависит от работы инспекторов. Вот чем нужно зарабатывать, а не туризмом.

Туризма, по существу, нет и не должно

Привал во время рейда

быть. Исключением стала смотровая площадка на Корбу, что в семи километрах от села. Почти все приезжающие на Телецкое озеро бывают там. Если площадку закрыть, то они разбредутся по озеру, их придется всюду отлавливать. А так никто никуда не уходит, не лезет: приедут, сфотографируются у водопада, купят в павильоне пару пирожков, открытки и уезжают. Мусор за ними постоянно убирают. На другом берегу территория не заповедная, природа такая же, там можно ходить. И ходят — весь берег в мусоре».

Но жизнь многогранна, в ней встречаются люди с другими идеалами или вовсе без таковых. Точно так же, как у Маяковского «любовная лодка разбилась о быт», хрупкие

идеалы Ерофеева однажды подверглись серьезной ревизии со стороны.

Директорские бразды заповедного правления Сергей Ерофеев в начале 2003 года передал своему тезке, Сергею Спицыну, который пробыл в должности меньше года, а с января 2004 года в заповеднике был назначен новый директор, с весьма своеобразным представлением о деятельности заповедника. Он попытался установить на ООПТ порядки, из-за которых и без того куцые права местных жителей стали в значительной степени ущемляться. Между населением поселка Яйлю и руководством АГПЗ возник конфликт, длившийся несколько лет. В начале июня 2006 года в Яйлю произошел поджог конторы заповедника, были

взорваны несколько катеров. Администрация заповедника обвинила в происшествиях местное население, чем вызвала сильнейшую волну протестов.

Тогда был организован сбор подписей за исключение поселка Яйлю из заповедной территории. На общем собрании жителей поселка впервые такое предложение внес... Ерофеев, на тот момент простой госинспектор. Простой, да не очень! Человек неординарный, лидерские качества в нем налицо, как и обостренная жажда справедливости. Именно поэтому в 2005 году, в самый разгар конфликта, Сергея Петровича земляки избрали своим депутатом.

Одному из журналистов, тогда приехавших в поселок «за правдой», Сергей Петрович так объяснил свою позицию в связи с конфликтом: *«Я стараюсь быть в стороне от разборок, хотя происходящее вызывает боль. Парадокс в том, что Яйлю — единственное место в стране, где жители лишены элементарных прав. Правила проживания на территории заповедника, то есть в поселке, входят в противоречие с элементарными потребностями. У нас, как нигде, слишком многое зависит от администрации. Я понимаю, трудно и директору, и жителям, поэтому не должно быть перекоса во взаимоотношениях между людьми и администрацией. Почему, например, вид у поселка убогий? Дома казенные, заповедник не имеет средств их содержать, а жилец не хочет участвовать в благоустройстве. Он же не хозяин, а квартирант, выселят его — и все».*

Из заповедника ушли более пятидесяти человек. Коллектив практически развалил-

Нелегко по тайге пробираться...

Сергей Ерофеев в наши дни

ся. Некоторым сотрудникам новый директор не дал уйти по собственному желанию и под разными предлогами уволил, в том числе и Ерофеева, несмотря на его более чем очевидные заповедные заслуги. Наш герой был уволен по итогам аттестации, проведенной

администрацией Алтайского заповедника в ноябре 2005 года. В 2006 году, после того как суд, разобравшись, признал результаты аттестации недействительными и восстановил Ерофеева на работе, он ушел из заповедника, но уже по собственному желанию — работать под началом такого руководителя Ерофеев не хотел.

Конфликт закончился обращением республиканских властей Алтая к Правительству РФ с просьбой решить проблему. В 2007 году руководитель Росприроднадзора подписал приказ о назначении на должность директора заповедника Игоря Калмыкова, который успешно руководит этим славным природоохранным учреждением до сих пор.

Сергей Петрович после своего «самоувольнения» из заповедника работал в школе поселка Яйлю и попутно, по мере сил и возможностей, продолжал исполнять обязанности народного избранника. На работу в заповедник он вернулся уже при Калмыкове и со временем стал его заместителем по охране.

Лучше Яйлю нет места на земле!

Небольшой поселок Яйлю, уютно расположившийся у священной горы Торот, вдали от больших и маленьких городов, с момента образования Алтайского заповедника в 1932 году был его центральной усадьбой. В середине 2000-х административный центр заповедника был перенесен в Горно-Алтайск, и теперь Яйлю имеет статус базы заповедника. Кстати, слово

«яйлю» в тюркских языках означает «летнее пастбище», другой перевод — «теплое место». Население поселка — около 200 человек.

Будучи давним обитателем этого примечательного во многих отношениях поселка, в котором по-прежнему проживают многие сотрудники АГПЗ, Ерофеев стал и первейшим поселковым патриотом. Достаточно сказать, что в 2007 году он с единомышленниками инициировал создание в поселке общественного совета — первой в Алтае-Саянском регионе структуры общественного самоуправления, в 2013 году трансформированной в ТОС — территориальное общественное самоуправление (ТОС) под названием «Заповедное село», что свидетельствует о прочном паритете между заповедником и местной общиной. В настоящее время реализуется совместная программа развития поселка как экологического поселения на биосферной территории.

Несколько совсем не лишним в контексте нашего повествования слов о поселковом фруктовом саде. Он давно уже стал местной достопримечательностью. Многие жители Алтая и других регионов России, а также зарубежные гости с удовольствием осматривают это необычное для Алтая чудо. Наряду с кордоном Беле поселок Яйлю считается самым теплым местом Западной Сибири. Еще в 1930-х годах усилиями Дмитрия Рачкина, ученика Мичурина, на верхней террасе был разбит яблоневый сад, который доставляет много радости (и витаминов) местным жителям, приезжим туристам и... медведям, которые в неурожайные на кедровый орех годы массово пасутся в этом саду.

С обустройством сада связаны драматические события. Для посадки очередной партии

Хорошее настроение

Сын

яблонь в 1963 году пришлось раскорчевать кусочек тайги, при этом был уничтожен массив вековых кедров. Как тут не вспомнить ироничный современный афоризм: «Лес рубят — парк сажать будут...»

Теперь сад занимает приличную площадь, в нем произрастает более 60 сортов различных фруктовых деревьев и кустарников. Так что совсем не удивительно, что более десяти последних лет по инициативе заповедника установлена традиция отмечать в селе Яблочный Спас.

Первый сад на Телецком озере был посажен монахами Чулышманского монастыря. В двадцатых годах прошлого века сюда приехал

Людмила Ивановна Ерофеева, спутница

И директор, и слесарь, и шофёр...

первый наблюдатель Озерной метеостанции Николай Смирнов и продолжил благое яблоневое дело. Недалеко от сада установлен огромный крест, сделанный из кедра. Этот памятник называется «Три яблока» и посвящен первым садоводам Сибири — Михаилу Лисавенко, Дмитрию Рачкину и Николаю Смирнову.

Не первый десяток лет Ерофеев присматривает за заповедным садом. Сергей Петрович — признанный в Яйлю садовод; он так основательно разбирается в садоводстве, что про него с восторгом говорят, будто и черенок лопаты, воткнутой его рукой в землю, начинает цвести.

В 2015 году Сергей Ерофеев со своим проектом «Создание экотропы по яблоневому саду

Вручение знака – «За заслуги в заповедном деле»

Игорь Калмыков и Сергей Ерофеев: Всегда важен совет коллеги

Сергей Ерофеев, Сергей Спицын, Игорь Калмыков.
Все в разное время – директора Алтайского заповедника

в с. Яйлю, дендрологической и ботанической коллекции флоры Алтайского заповедника, а также топологическому музею старых российских сортов (село Яйлю, Турочакский район)» стал одним из победителей алтайско-

го регионального конкурса «Искры надежды для российских деревень». Отныне яблоневой славе Яйлю, благодаря его ветерану и патриоту Ерофееву, суждено шириться и множить человеческие впечатления от этого примечательного уголка алтайской земли! Кстати, о том, чтобы яблоневый сад поселка использовать для эколого-просветительской и этно-экологической деятельности, включая творческие мероприятия, летние детские лагеря и волонтерские акции, принималось специальное решение общественного совета поселка.

На востоке поселка Яйлю отдельным хуторком среди яблонь и груш расположилась «Застава трех патрульчиков». Здесь живут со своими семьями создатели первых патрульных групп в заповедной системе России: Сергей Ерофеев, Геннадий Зубин и Сергей Спицын. Усадьба Петровича обильно украшена ландшафтными изысками в виде каменных горок, цветочных клумб, деревьев, привезенных из разных регионов планеты. Все постройки живописно оплетены виноградом.

По-хозяйски и с любовью оглядывая поселок, Сергей Петрович замечает: «Лучше Яйлю нет места на Земле. Здесь я свободен...»

Семейная крепость Петровича

Сотрудники заповедника и местные жители зовут Ерофеева коротко, но емко — Петрович. Так тепло, по-свойски и в то же время почтительно звать-величать абы кого не станут. Это имя-звание вполне объяснимо: многие коллеги и земляки знают Сергея как надеж-

ного во всех отношениях человека, всегда готового прийти на помощь в трудную минуту.

По всеобщему признанию, Петрович все свои годы работы в заповеднике задает темп не только на лыжне во время многочисленных патрулирований, но и в повседневной жизни, демонстрируя редкую рассудительность.

Муж и жена, как известно, одна сатана, и супруги часто проходят жизненные коллизии вместе. Так заведено и в этой крепкой семье. Как и для любого обстоятельного селянина, семья для Петровича — оплот, тыл, крепость, которой он отдает значительную часть своей души. Его супругой еще в первые годы работы в заповеднике стала Людмила Ивановна, сотрудник отдела науки того же Алтайского биосферного заповедника, позже, правда, переквалифицировавшаяся в учителя географии поселковой школы.

В замужестве Людмила родила двух замечательных детей. Она оставалась одна с грудной дочерью на кордоне Чири, когда Сергей уходил в очередной обход. Она терпеливо ждала с маленьким Даниилом и повзрослевшей Аней, когда муж вернется из месячного патрулирования самых отдаленных уголков

В семейном кругу в редкие минуты отдыха

заповедника. Она ждала, когда он принесет зарплату сотрудникам заповедника, пройдя пешком тридцать километров от Артыбаша до Яйлю через торосы и снежные заносы замерзшего Телецкого озера, потому что не было дороги, а деньги людям надо платить вовремя. И в любых обстоятельствах он знал и знает до сих пор, что дома его всегда ждут с нетерпением и радостью.

Их ячейка общества, и без того крепкая, сегодня дополнительно сцементирована внуками. И сегодня одно из главных чаяний Петровича заключается в том, чтобы дети с внуками никуда не уезжали, а оставались здесь, рядышком, в любимом поселке у Телецкого озера.

Отправился топтать седьмой десяток

Шестидесятилетие Сергей Петрович встретил совсем недавно в добром здравии и в окружении безмерно уважающих его людей. Сегодня Ерофеев по-прежнему трудится в Алтайском заповеднике, в должности заместителя дирек-

На работах в Яйлинской школе

тора по охране заповедной территории. Как ни крути, а заповеднику он отдал не просто лучшие годы своей жизни, а всю свою жизнь.

Он по-прежнему бодр и энергичен и, наряду с основным делом — охраной, занимается еще множеством интересных и полезных дел. Например, периодически вместе с супругой принимает участие в организации и проведении летней эколого-географической школы «Хранители озера» при Алтайском биосферном заповеднике. В этой школе он организует для ребят практические занятия по ориентированию в сложных горно-таежных ландшафтах, проводит интересные экскурсии по окрестностям.

Для настоящего таежника в рейде нет препятствий!

В 2015 году Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации отметило Сергея Ерофеева почетным знаком «За заслуги в заповедном деле». Давно пора было это сделать, учитывая заслуги нашего героя в деле охраны природы!

Евгений Богданов

Автор выражает огромную благодарность настоящему алтайцу, другу и единомышленнику нашего героя Евгению Веселовскому, чьи очерки легли в основу этого материала.

— ЗАПОВЕДНЫЙ БОРТЕВИК —

Михаил Косарев

Среди сотни с лишним российских заповедников немало таких, которые изначально были особенными, специфичными, поскольку создавались для сохранения конкретных биологических видов — например амурского тигра, леопарда, выхухоли, бобра. Однако в ряду этих заповедников есть и такой, который вполне можно назвать особенным из особенных. Небольшой заповедник, расположенный в горах Южного Урала и носящий загадочное название «Шульган-Таш», — единственная в мире ООПТ, созданная для сохранения генофонда местной разновидности медоносной пчелы.

Уже много лет этим заповедником руководит коренной местный житель, «русский башкир» Михаил Николаевич Косарев. «Мы говорим «Косарев» — подразумеваем «Шульган-Таш»; мы говорим «Шульган-Таш» — подразумева-

ем «Косарев» — так можно охарактеризовать неразрывное единство конкретного человека с конкретной территорией.

Этот человек в жизни умеет делать все, что должен уметь руководитель заповедной территории. Среди прочих его достоинств — отличная память и умение грамотно, последовательно и интересно излагать свои мысли. Соответственно, в этом очерке будет много прямой речи Михаила, взятой из различных материалов. Практически в каждой такой цитате порою слегка спрятана, а порою лежит прямо на ее поверхности изрядная доля добротного народного юмора. Он даже отвечая на мои вопросы, представил свое автобиографическое повествование следующим образом: «О себе, любимом, буду рассказывать только хорошее, потому что добавить плохое товарищи всегда найдутся».

Я познакомился и подружился с Михаилом Николаевичем в 1998 году, во время совместной поездки в национальный парк «Баварский лес». Тогда этот коренастый житель заповедной башкирской глубинки показался мне скорее основательным, неторопливым и не очень разговорчивым мужчиной, нежели искрометным остряком. Жизнь скоро опровергла такое представление о нем. Сам Косарев о своей кажущейся угрюмости рассказывает так: *«После рождения почти до трех лет я не говорил, что дало основания бабке обвинить мою мать в рождении немого ребенка. Все детские годы пришлось бороться с доставшимися недостатками и кое в чем при этом преуспеть. По крайней мере, когда я лет в 18 стал слишком разговорчивым, мама в сердцах как-то изрекла, вспомнив обиды свекрови: «Лучше бы ты родился немым!»*

Человек одной деревни

Родился и вырос Миша Косарев в той самой Бурзянском районе, в котором позже ему предстояло еще и выстроить свою рабочую биографию — всю, до копеечки. Поскольку отец его имел прямое отношение к зеленому океану, как любят называть лес поэты, ни о каких столицах Михаил не помышлял. Отец его всю жизнь посвятил лесному хозяйству, с начальным образованием и лесной школой пройдя путь от пожарного сторожа до уважаемого в округе лесничего. Его вспоминают как народного интеллигента, который мог и мудрый совет дать, а мог иногда и выпить от

души. Родители отца — потомки горнозаводских рабочих Кананикольского медеплавильного завода, прекратившего свою деятельность в середине позапрошлого века.

Завод канул в Лету, только вот люди, работавшие на нем, привязались к глухой местности и уезжать отсюда уже не захотели — разбрелись по горным и лесным просторам и жили-поживали, промышляя лесом, охотой и бортничеством. Кстати, хутор Тютюлени, на котором прошли первые три года жизни Михаила, во время пресловутого периода НЭПа основал его дед, который, как и бабушка по матери, происходил из оренбургских казаков и крестьян, переселившихся в Башкирию после отмены крепостного права на волне столыпинской реформы. Ну а мама Михаила в свободные от рождения и воспитания пятерых детей периоды (двое умерли в раннем детстве) работала в военкомате, сельской библиотеке и детском саду.

Вдруг подумалось: а ведь вполне может быть, что оригинальность нашего героя связана еще и с тем, что родился Михаил отнюдь не при стандартных обстоятельствах?

«Я появился на свет 8 августа 1957 года в 5:40 утра. Как записано в паспорте, это произошло на хуторе Тютюлени Зилаирского района Башкирской АССР, однако документ неточен. На самом деле я родился в родильном отделении Бурзянской районной больницы, по пути из которой на хутор 12 августа отец, хорошо отметив рождение долгожданного сына в леспромхозовском поселке Каней с тремя мужьями сестер, ночью в ливень нас с матерью чуть было не потерял. Когда с осей тарантаса в грязь

слетели первое, а затем и второе колесо, веселый батя этого не заметил, и повозка поволоклась. Он в полной темноте пополз и искал колеса, наконец, согласившись с увещеваниями больной супруги: «Теперь, Татьяна, ты права». До конца не осознанные впечатления четвертой ночи жизни начали формировать мой будущий стойкий характер.

В жизнь я вошел недоношенным, с весом 1,8 кг, вдобавок от материнской груди был отлучен в 10 месяцев в связи с ожидавшимся появлением братишки. Два этих серьезных обстоятельства в последующие годы определили мою коренастость на желудок».

В раннем хуторском детстве, говорят, Миша отличался рассудительностью и любознательностью, даже ходил с бабушкой на охоту (женщины-охотницы для башкирских небольших деревень и хуторов не редкость). *«Поскольку я оказался старшим ребенком в семье, поневоле пришлось обзаводиться ответственностью и обретать задатки руководителя. Братишка, который был моложе на полтора года, рос физически очень крепким, потому приходилось ежедневно состязаться, бороться и драться. Шрамы той поры и сейчас украшают мое мужественное лицо, а вредная привычка никогда не сдаваться засела во мне надолго».*

По свидетельству родственников, едва научившись излагать свои мысли, Миша заявил, что когда вырастет, то обязательно станет лесником.

В 1960 году дом, в котором проживал Миша Косарев с родителями и остальными домочадцами, полностью уничтожил пожар,

Вход в знаменитую Капову пещеру

семье пришлось переехать во вновь отстроенный дом в деревню побольше — Иргизлы Бурзянского района. Расположена она, как и Тютюлени, в десятке километров от границ заповедника «Шульган-Таш».

Деревня Иргизлы находится в до сих пор труднодоступной башкирской глубинке, в зоне горных хвойно-широколиственных лесов на западном макросклоне Южного Урала. Чтобы читателю было понятнее, насколько это место далеко от цивилизации в современном понимании этого слова, приведу маленький отрывок из очерка «Пчела приручает человека», опубликованного в 1997 году в журнале «Спутник».

«Селенье Иргизлы. Глухомань: от Уфы ехали больше восьми часов. Ночь. Едва переступили порог, как Михаилу Николаевичу жалуется жена: медведь порвал одного из телят, похоже, шатается ночью по улицам, очень собаки беспокоятся...»

И все же, несмотря на дремучую округу, в 1753 году окрестные земли были выкуплены у башкир приближенным Екатерины Великой, генерал-аншефом бароном Карлом фон Сиверсом, который построил здесь Вознесенский

С женой Екатериной и детьми Андреем и Светланой, 1987 г.

медеплавильный завод. Правда, все кончилось совсем не так, как он планировал. *«После башкирского восстания 1760 года немец был так напуган, что одним из первых провернул необычную тогда и невыгодную операцию по продаже завода в казну. В течение трех последующих десятилетий казна пыталась завод восстановить или продать в частные руки, но столица была далеко, а чиновники вороваты, и что-то не заладилось с восстановлением нашего завода».*

Когда в начале позапрошлого века в России возникла Лесная служба, то одним из первых в Башкирии было организовано Вознесенское казенное лесничество, снабжавшее ценной древесиной степной Оренбург. Вырубленные при заводе хвойные леса к этому времени отросли, то есть вполне созрели для того, чтобы вновь пойти под топор.

Двенадцатым по счету казенным лесничим в Иргизлах работал Федор Павлович Симон. Он оставил заметный след в исследовании и описании края как член Русского географического и Лесного обществ. Кстати, именно Симон первым организовывал экскурсии в знаменитую теперь на весь мир

Капову пещеру, он же обеспечил постройку в 1900–1901 годах хорошей конной дороги в Иргизлы, которая сегодня разрушена временем и тяжелой техникой.

Здесь и прошла-пролетела юность Михаила. В школе он учился легко и почти всегда отлично, но, помимо предложенных учителями занятий, живо интересовался животными и растениями, любил рисовать, увлекался лыжами, а больше всего времени пропадал на природе, занимаясь рыбалкой и охотой.

К окончанию школы никакого вопроса относительно выбора будущей профессии не стояло, тем более что, как мы помним, упрямый Миша все для себя решил еще в раннем детстве. Так что учеба на лесохозяйственном факультете Марийского политехнического института в Йошкар-Оле стала логическим продолжением детско-юношеского увлечения.

«В институте, кроме студенческих наук, я активно занимался спортом — тяжелой атлетикой, биатлоном и спортивным ориентированием. Спортсмен из меня, при таком диапазоне увлечений, получился средненький. Еще три года работал в комсомольском оперативном отряде дружинников, а вот дружина по охране природы на нашем факультете появилась для меня слишком поздно. На пятом курсе женился на однокурснице Кате Лежниной из Кировской области. Вузовское обучение мне нравилось возможностью самостоятельно решать, как учиться, и в результате институт я закончил с отличием».

Кстати, первые три года жизни, проведенные в Тютюленях, институт и последующая

служба в армии — это небольшие периоды жизни Михаила, которые он провел не в деревне Иргизлы. Так что Михаила Николаевича Косарева с полным основанием можно назвать человеком одной деревни.

В институте Михаил учился по направлению от Кананикольского лесхоза Иргизлинского лесничества, потому по окончании вуза пришлось отработать там полгода лесничим. *«Потом полтора года я служил в Группе советских войск в Германии. Легко переносил тяготы службы, но не всегда сходилась характером с офицерами, которых в ГСВГ уже тогда поразила денежная болезнь. Тем не менее считаю армию замечательной школой жизни, и весь мой последующий опыт работы с кадрами это подтверждает».*

Чудный край дикой природы и миролюбивого населения

Михаил отнюдь не зря всем сердцем полюбил ту местность, к которой его «привяжали» родители — от добра, как известно, добра не ищут. Судите сами. Бурзянский район — самый большой в Башкирии (444 тыс. га) и в то же время самый дикий и малонаселенный в республике: здесь проживает всего два человека на квадратный километр. Район из-за отсутствия приемлемых дорог до сих пор относительно труднодоступен и потому слывет таинственным и сказочным, а значит, исключительно привлекательным для любителей дикой природы. Последнее объясняется еще и тем, что этот район богат особо охраняемыми природными территориями

(ООПТ). В Бурзянском районе расположены федеральные государственные заповедники Башкирский (49,6 тыс. га) и «Шульган-Таш» (22,5 тыс. га), часть национального парка «Башкирия» (14,6 тыс. га), крупнейший республиканский заказник «Алтын Солок» (90,7 тыс. га). Суммарно эти ООПТ занимают около 40% площади Бурзянского района!

Так что скорее к счастью, чем наоборот, бурзянцы оказались спрятанными за горами и лесами, изолированы бездорожьем от городской сложной экологии и духоты, от суеты и мелочности, характерных для мегаполисов и промышленных центров. Эти люди, среди которых в основном были представители местных старожилов, до нынешнего времени сохранили лучшие черты национального башкирского характера: прямоту, доброжелательность и гостеприимство.

«Заповедник расположен в горах Башкирии, и башкиры составляют 90% местного населения. В прошлом бурзянские башкиры считались самым миролюбивым из местных племен. По натуре они поэтичные люди, любят свою землю и испокон веков относились к ней, как к своей собственности. Даже царское правительство признавало за ними это право. Такое своеобразное отношение к земле сохраняется, у большинства местных жителей и по сей день. Это накладывает свой отпечаток на работу в заповеднике: нужно четко понимать и учитывать местные интересы и менталитет населения».

Больше других ценностю заповедника осознают пчеловоды, а поскольку наш район пчеловодческий, то среди местных

жителей у нас много друзей. Вместе с тем не бывает такого, чтобы заповедник не становился помехой хотя бы для части живущих рядом людей».

И, кстати, о привлекательности района для туристов. «Большинство нарушений связано с самовольным проходом и проездом по территории. Более серьезные случаются редко. В заповеднике достаточно охраны, все дороги под контролем, безнаказанно браконьерствовать не получается». Скорее всего, такая особенность нарушений характерна не только для «Шульган-Таша», но и для всех остальных ООПТ, расположенных в Бурзянском районе. К сожалению, народ у нас простой, и если его славные представители, называющие себя туристами, захотят пройти или проехать по заповеднику или национальному парку, то охранные законы для них не указ.

Современная привлекательность заповедника «Шульган-Таш» для жителей Башкирии связана еще с одним щекотливым обстоятельством. Представители коренной национальности этой республики, при всех своих достоинствах, не лишены тщеславия, поэтому они активно включились во всеобщую манию поиска местных знаковых достопримечательностей. Был проведен многоступенчатый конкурс, по итогам которого сами башкиры назначили семь своих персональных золотых чудес, к которым относятся: памятник Салавату Юлаеву, гора Янгатау, Красноусольские минеральные источники, курай, эпос «Урал-батыр», башкирский мед и особые (бурзянские) пчелы, собирающие его, и, наконец, пещера Шульган-Таш. Так

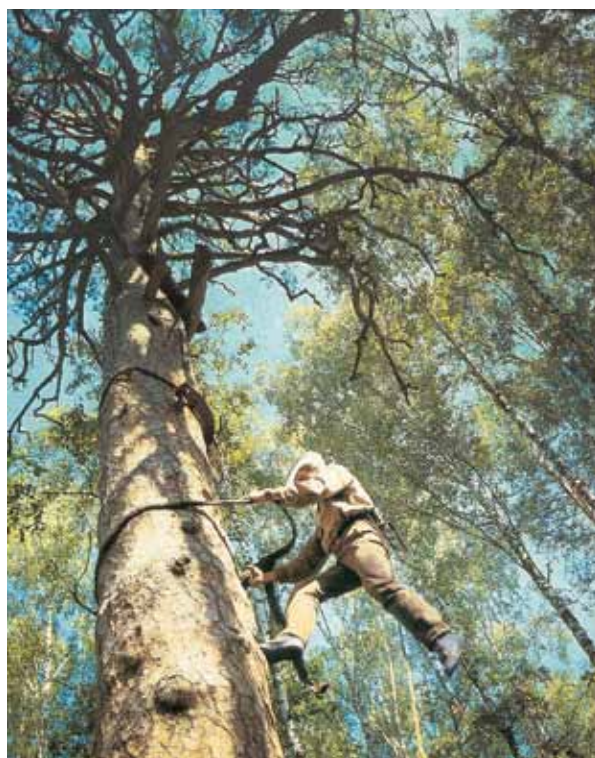
вот, четыре из семи башкирских чудес имеют прямое и непосредственное отношение к заповеднику «Шульган-Таш».

Курай — национальная башкирская дудка, ее делают из стволов реброплодника уральского, во множестве произрастающего на территории заповедника и близи его границ. Главный башкирский эпос «Урал-батыр» писался на основе сказаний, популярных как раз в том районе, где расположена таинственная пещера Шульган-Таш.

Бортничество в Башкирии

Строгая охрана старовозрастных лесов, научный подход и бережная поддержка сложившихся традиций и династий борте-

.....
Михаил Косарев лично отбирает пробы бортевого мёда, 1985 г.

Красив в строю, силен в бою!

Михаил Косарев возвращается по весеннему разливу из армии в родные Иргиэлы. 1981 г.

.....
виков позволили сохранить местную породу пчел и тысячелетний бортовой промысел, когда-то обычный для всей лесной Европы. Сейчас бортовое пчеловодство и дикий мед считаются национальными символами Республики Башкортостан, сюжеты о бортевиках — визитная карточка Башкирии, а бортовой мед — раскрученный экзотический продукт.

Почему местной пчелке оказано столь повышенное внимание? Дело в том что пчела-бурзянка отличается высокой зимостойкостью и выдающейся работоспособностью. В заповеднике она охраняется в условиях как дикого обитания (в естественных дуплах), так и в виде бортевого (в искусственных дуплах — бортях и колодах) и пасечного (в обычных рамочных ульях) пчеловодства. Такого скопления бортовых хозяйств, как в Бурзянском районе, нет нигде в мире. Достаточно сказать, что до Великой Отечественной войны башкиры ульев не имели вовсе, поскольку весь мед добывали в лесу, и этого хватало с лихвою.

За 9 тысяч лет одомашнивания медоносных пчел люди научились лишь содержать их по определенным технологиям в нужных им местах. Однако эти трудолюбивые общественные насекомые нисколько не изменили своего поведения и вполне способны обходиться без человека, то есть признаков домашних животных не приобрели. В заповеднике обитают совсем дикие пчелиные семьи. Они сами выбирают естественные дупла, живут без помощи человека. Можно рассчитать плотность поселения диких пчел, но сами дупла попадаются редко. Есть не совсем дикие семьи пчел — в бортях и в колодах. Их учитывают трижды — весной, летом и осенью. Почти домашние семьи сконцентрированы на пасеках, поэтому их численность известна всегда».

Специалисты подсчитали, что в одной семье бывает пчел общим весом от 4 до 9 килограммов, а в одном килограмме — около 10 тысяч пчел. Серьезное хозяйство! Вообще бортничество — не ремесло, а искусство, оно требует особого подхода. Древним

искусством бортевого пчеловодства владеют немногие. Здесь работают потомственные бортевики, унаследовавшие от предков секреты изготовления бортей и колод, умение пользоваться традиционными инструментами бортничества, работа с которыми требует особых навыков.

Умелый бортевик по времени работает не больше, а даже меньше пчеловода на пасеке. Но тут-то как раз все дело в особом умении. На пасеке может работать каждый, а бортевое пчеловодство — далеко не для всех. Нужно, как минимум, не бояться высоты и мастерски владеть топором и множеством других инструментов, хорошо ориентироваться в лесу, не бояться диких животных, обладать особым пчеловодческим чутьем, знать народные приметы и секреты.

Бортовой мед среди знатоков особенно ценен. Он обязательно перемешан с воском и пергой, и если отделять одно от другого прессованием или нагреванием (другие способы применить невозможно), то качество и ценность меда ухудшаются. Ну а ценность бортевого меда заключена в его зрелости (в ульях редко выдерживают мед до полного созревания), в наличии большого количества микроэлементов, полезных для здоровья, и в отсутствии вредных примесей, которых в окружающей среде, а следовательно, и в нектаре цветков, обслуживаемых пчелами, хватает.

Бурзянская бортевая пчела в Государственной комиссии Российской Федерации по испытанию и охране селекционных достижений успешно прошла экспертизу в качестве породного типа и пользуется, как и иные

Группа канала НТВ на съемках фильма о бортевом пчеловодстве, примерно 1999 г.

продукты пчеловодства бурзянской земли, огромным неудовлетворенным спросом.

У Михаила Косарева бурзянская пчела с детства вызывала повышенное внимание, поэтому совсем немудрено, что он именно ей посвятил всю свою жизнь.

Путь к заповедной самостоятельности

Заповедник «Шульган-Таш» был образован в 1958 году как Прибельский филиал Башкирского заповедника. *«Этот филиал возник по предложению выдающегося российского ученого-природоохранника Г. А. Кожевникова. Работая директором Зоологического музея МГУ, в 1928–1929 годах он организовал экспедицию в Башкирию, чтобы подобрать место под заповедник не испорченных цивилизацией бортевых пчел. Таким местом оказалась западная часть Бурзянского района. Процесс от идеи создания конкретной особо охраняемой пчелиной зоны до ее реализации занял*

20 лет. Историю рождения и становления государственного природного заповедника «Шульган-Таш» как самостоятельного учреждения я пережил сам и хорошо помню.

Демобилизовавшись из армии в апреле 1981 года — самое весеннее бездорожье, — наш герой, чтобы побыстрее оказаться в родных Иргизлах, последние полсотни километров от райцентра преодолел с туристами на байдарке. Пока он служил, Главохота РСФСР затеяла в Прибельском филиале Башкирского заповедника грандиозные реформы, поэтому вчерашний старший сержант отдыхал недолго: Михаил вышел на работу 5 мая, в далеко не самый спокойный период работы учреждения. В конце 1970-х годов наблюдалась самая жестокая естественная депрессия популяции бурзянской бортевой пчелы. Засухи, морозы и бескормица в сочетании с обострившимся хищничеством медведей привели к тому, что от максимума в 181 заселенную борть осенью 1977 года Прибельский филиал шагнул в июне 1980 года к минимуму в 18 бортевых пчелиных семей.

Главохота РСФСР, которой тогда подчинялись заповедники, и райком партии стали искать виновных и пути выхода из сложившегося кризиса. Уволили директора филиала, запланировали перенос центральной усадьбы, расширили штаты, решили организовать отделение бортевого пчеловодства, направили на должности техников-бортевиков целую бригаду выпускников пчеловодческого техникума из Татарии.

В июне 1981 года руководителем Прибельского филиала заповедника был назначен Ирек Юсупович Шарафутдинов.

«Он был эмоционален и артистичен, умел зажигать людей, обрисовал мне грандиозные перспективы развития нашей территории. Отработав год помощником лесничего, я перевелся на должность старшего научного сотрудника — ответственного за бортевое пчеловодство. Это самое сложное направление деятельности филиала. Жизнь была чрезвычайно интересной. До 130 дней в году я пропадал на полевых работах: на лошади, мотоцикле, снегоходе, в лодке, пешком. Самое главное — было много свободы.

За последующих полтора года свежий коллектив многое сделал для улучшения и стабилизации работы филиала: были расширены штаты и организовано два лесничества, появилась техника, начались необходимые стройки, ремонты и реконструкции. При этом создавались новые пасеки, стал изучаться и обновляться бортевой фонд, достраивался музей, было остановлено хищничество медведей, «специализирующихся» по бортевому меду. К тому же доклад молодого ученого Косарева, посвященный анализу устройства, расположения и заселяемости бортей, был неожиданно особо отмечен на всесоюзной конференции молодых ученых в НИИ пчеловодства. Но внезапно Шарафутдинов из филиала перевели на должность директора Башкирского заповедника.

Ирек Юсупович, который много сделал для укрепления Прибельского филиала и первым заговоривший о необходимости его преобразования в самостоятельное юридическое лицо, став директором заповедника, вдруг резко изменил курс, свернул автономность филиала, стал готовить перенос централь-

ной усадьбы в райцентр. Правда, вскоре он заболел, в 1984 году ушел в инструкторы райкома, а чуть позже повторно стал директором Южно-Уральского заповедника. Этот уникальный человек в 1975–1992 годах успел по три раза (!) поработать директором Башкирского и Южно-Уральского заповедников и один раз — директором Прибельского филиала заповедника. Такие возможности давала советская система подбора и ротации кадров, у которой были свои плюсы и минусы.

После ухода Шарафутдинова работа филиала перестала быть упорядоченной и результативной. И не мудрено: местные дороги находились в отвратительном состоянии, связь работала с перебоями, единоначалие отсутствовало, оперативность принятия решений и снабжение ухудшились, в повседневную практику вошли склоки и жалобы. Все это усугублялось кризисом управления всем Башкирским заповедником, где за 10 лет сменилось шесть директоров: человек, рекомендованный райкомом КПСС, сменялся ставленником Главохоты, затем круг повторялся.

«В августе 1984 года, отработав три года по направлению после вуза и устав от передряг, от нас уехала Х. А. Садыкова — грамотная, исполнительная и перспективная научная сотрудница, которая тянула ляжку начальника научного отдела пчеловодства и секретаря парторганизации Башгосзаповедника. Меня перевели исполнять ее обязанности, хотя профильного образования я не имел. За 1984–1986 годы мне удалось набраться опыта работы с проверяющими, нечаянно утопить при сплаве партбилет и понять, что это

такое, а также в качестве неформального лидера, молодого и относительно грамотного, сгруппировать вокруг себя здоровую часть коллектива.

Крепло убеждение в необходимости реорганизовать Прибельский филиал в самостоятельный заповедник. Летом 1985 года я рассказал о наших проблемах директору НИИ пчеловодства Г. Д. Билашу, который вполне представлял специфичность и важность работы единственного в мире пчелиного заповедника. Мы с ним вместе побывали у заместителя начальника Главохоты РСФСР А. В. Нечаева, тот внимательно нас выслушал и твердо пообещал: «Прибельский филиал будем отделять». Прошло еще полтора года, мы уже перестали надеяться на перемены к лучшему».

И вот наконец-то, после долгих ожиданий и мытарств, 6 января 1986 года вышло постановление Совета Министров РСФСР, регламентировавшее учреждение самостоятельного заповедника «Шульган-Таш»!

В 1986 году, после избрания Михаила Косарева первым по счету (как оказалось, и последним) секретарем парторганизации нового заповедника, он был назначен заместителем директора заповедника по научной работе. За счет переведенных из Башкирского заповедника и вновь принятых специалистов за короткое время был сформирован нормальный научный отдел. Собственными силами сотрудники отдела отремонтировали помещение в Иргизлах, пополнили оборудование и снаряжение и уже вскоре подготовили первую «Летопись природы», а также освоили работу по хоздоговорам.

Река Белая на фоне Южно-Уральских гор. Как не влюбиться в эти места!

Директорская мудрость

В заповеднике Михаил за 12 лет, начиная с 1981 года, прошел все возможные должностные ступени: был помощником лесничего, лесничим, старшим научным сотрудником, заведующим отделом пчеловодства, заместителем директора по научной работе. Не опробованной оставалась только должность директора. Между тем Россия с развалом СССР начала новый отсчет своей истории, и тучи над заповедником сгустились.

«В начале 1990-х годов в стране запахло большими переменами, все труднее стало купить самые обыденные товары. Ощущалось,

что в условиях объявленного Башкортостаном суверенитета, которого с подачи руководителя страны у нас проглотили слишком много, министерство теряет контроль над нами. Глава района на этом фоне даже вышел с предложением упразднить заповедник «Шульган-Таш», и в кураже даже напечатал районные лицензии на добычу лосей, — правда, эту его инициативу через суд остановило региональное охотуправление».

Природоохранное руководство вновь обратило пристальное внимание на пчелиный заповедник, и наконец-то в столице стали понимать, что даже в период разрухи происходящее не может продолжаться. Предыду-

щий директор был снят с должности и, согласно подсказанной жизнью логике, в 1993 году Михаил Николаевич Косарев стал директором заповедника.

Администрирование на первых порах, естественно, захлестнуло нового директора, но о любимых пчелках он не забывал — да и не мог забыть, если бы даже захотел, ведь состояние местной пчелиной популяции лежало в основе заповедной концепции этой территории. Поднабравшись опыта и подтвердив его солидными теоретическими изысканиями, Косарев в 2000 году без отрыва от директорства защитил кандидатскую диссертацию, связанную, что вполне естественно, с сохранением генофонда бурзянской пчелы. И это правильно, потому что директор должен быть серьезным специалистом в той области, которая соответствует основному направлению работы вверенного заповедника.

Директором заповедника «Шульган-Таш» Михаил Николаевич служит непрерывно уже почти четверть века. Вполне достаточный срок для того, чтобы не просто прикопить мудрость, но и отшлифовать ее о жизненные камни. И прежде всего подобная мудрость нужна, чтобы правильно сформулировать свое персональное жизненное кредо.

«Директор заповедника должен любить свое дело, любить природу и, что очень важно, уважать людей, с которыми работает. Все люди разные, у каждого в голове что-то свое, но я всегда считал, что каких людей судьба подарила, с теми и надо вместе работать. Единственное условие, которое я понял для себя: нужно сторониться тех, кого сразила денежная болезнь, кто одержим

желанием заработать любым путем сразу и много. Таким следует устраиваться не в заповеднике, а в какой-нибудь иной сфере. А у нас миллионером не станешь — правда, и с голоду не помрешь».

«...Если говорить о заповеднике «Шульган-Таш», то при работе здесь обязательно нужно учитывать местные особенности. У меня в этом смысле все получилось удачно, без каких-либо шероховатостей. Во-первых, я родился и вырос в деревне Иргиэлы, что рядом с заповедником. Во-вторых, я потомственный лесовод, искренне люблю эти края. В-третьих, что очень здорово, директором я стал не сразу. За годы работы на разных должностях я лично облазил все заповедные борти и близко познакомился со всеми лесниками-бортевиками. Так что к роли директора я оказался неплохо подготовлен».

Жизнь показала, что Михаил Николаевич в своих суждениях прав.

Нужен ли пчелам турист?

Когда речь идет о развитии туризма на территории заповедника «Шульган-Таш», подразумевается, что территориально туризм расширяться не будет, для рекреационных целей будет использован лишь малюсенький кусочек заповедной территории.

Название заповеднику дал природный памятник мирового значения Капова пещера, (Шульган-Таш — второе название пещеры, переводится как «ушла вода под камень» или «умерла под камнем»).

Эта пещера стала уникальным объектом

На конференции в США

исследования и рекреации благодаря наскальной живописи эпохи палеолита. Рисунки, обнаруженные в пещере 1959 году, оказались самыми древними наскальными изображениями в Восточной Европе!

Капова пещера всегда интриговала людей впечатляющими размерами входа, таинственностью и загадками. С ней связана добрая треть богатого башкирского эпоса, в народе ходит множество поверий о чудодейственных свойствах спелеокомплекса. Паломничество сюда происходило с незапамятных времен, и открытие палеолитической живописи придало ему новый импульс. Однако из-за большого потока посетителей утрачены многие натечные образования, облик ряда полостей обезображен любителями наскальных автографов. Запрет на посещение пещеры и строительство в двухкилометровой зоне, подвод коммуникаций и благоустройство окрестностей, регламентированные постановлениями Совета Министров Башкирской АССР от 1964 и 1971 годов, были реализованы лишь частично.

Для остановки и временного размещения

В гостях у шульган-ташцев Юрий Горшков и Евгений Прохоров из Волжско-Камского заповедника

многочисленных паломников вблизи границы заповедника районные власти организовали рекреационный участок местного значения «Мурат Тугай». И так удачно совпало, что как раз в этом месте по границе заповедника протекает река Белая, популярная среди водных туристов. И подумали сотрудники заповедника во главе с Михаилом Николаевичем некоторое время назад: а почему бы малюсенький краешек заповедника, где расположены самые его главные естественные достопримечательности, не обустроить под туристов? И те будут довольны, и заповеднику их действия будут подконтрольны. Но для начала нужно было определиться с тем, не противоречит ли это внутренней заповедной приверженности. Убеждать себя долго не пришлось.

«Опыт работы последних лет убеждает в том, что экологический туризм — не миф, а дело нашего будущего, хотя и не такого близкого, как хотелось бы. Заповедник создает музейно-экскурсионный комплекс, сеть маршрутов около своих границ, туристические приюты на пасеках, подде-

Родина может быть спокойна - Шульган-Таш на замке!

рживает бортничество и другие народные промыслы, сотрудничает с туристическими фирмами. Отснят рекламный фильм об агротуризме для немецкого телевидения. Заповедник и его окрестности посещает немало гостей, и это уже можно назвать экологическим туризмом».

Так и появился музейно-экскурсионный комплекс, куда в качестве рекреационных объектов включены колодная пасека, музей-гостиница «Пчелиный лес», смотровая площадка, учебно-демонстрационная пасека, музей природы, экологическая тропа. Здесь же предусмотрены и необходимые элементы инфраструктуры — гостевые дома, кухня, баня, туалеты, причалы и т.п. Весь музейно-экскурсионный комплекс, занимающий всего лишь 0,2% территории заповедника (22 га), расположен

рядом с Каповой пещерой, куда заповедник также организует экскурсии.

Министерство культуры и национальной политики Республики Башкортостан обеспечило после соответствующей научной проработки минимально необходимое охранное и экскурсионное обустройство Каповой пещеры. Изготовлены копии живописи в зоне переменного микроклимата и прекращено массовое посещение залов с оригиналами древних рисунков.

Упомянутый комплекс позволяет существенно снизить антропогенную нагрузку на популярную пещеру и локальный участок природы заповедника, а также в необходимой степени регулировать поток посетителей, которых с каждым годом становится все больше. Например, в 2012 году заповедник посетили 36 тысяч человек, но это далеко не предел: по расчетам ученых, ежегодный рекреационный лимит этой территории составляет примерно 130 тысяч человек!

Конечно, в течение года туристские потоки распределены весьма неравномерно: зимой здесь народа почти не бывает, зато летом приходит до 1200 человек в сутки.

«В пиковые дни для паломников физически невозможно организовать нормальные экскурсии даже при полуторасменной работе — возникают очереди, как в Мавзолей. Учащаются попытки несанкционированно проникнуть в пещеру, порою фиксируются сдвиги микроклимата, сопредельная с заповедником территория стихийно застраивается и деградирует».

Постепенно пещера стала самым узнаваемым символом региона, а музейно-экскурсионный комплекс заповедника — наиболее заметным

объектом паломничества и познавательного туризма. Однако реальных угроз для благополучного развития этого направления работы заповедника более чем предостаточно.

Стихийный туризм может привести к деградации Каповой пещеры и ее окрестностей — по сути, главного экскурсионного объекта Республики Башкортостан. Летом 2009 года заповеднику приходится ограничивать посещение музейно-экскурсионного комплекса.

Спелеокомплекс необходимо оснастить специальными автоматическими контрольными приборами с выводом сигналов на центральный пульт охраны и директора, но необходимые средства не удастся изыскать ни в Минприроде России, ни в регионе. На входе в музейно-экскурсионный комплекс необходим современный визит-центр, где посетители могли бы в интерактивной форме получать информацию о башкирской земле, о древнейшей пещерной картинной галерее и первой Красной книге России на камне. Нужны новые альтернативные экскурсионные маршруты за пределами заповедника.

Пора ставить проблему проектирования искусственного экскурсионного грота с копиями древней живописи на сопредельной территории. Рост посещения невозможен без более сложной регламентации работы с гостями и увеличения затрат на обустройство и охрану. Важно прекратить начавшуюся стихийную застройку незаповедных окрестностей Каповой пещеры: емкость территории имеет пределы.

В случае с Каповой пещерой необходимо и дальше консолидировать усилия заповедника «Шульган-Таш» и властей региона,

Под винтом вертолётта спит Шульган-Таш

совместно придавая окрестностям выдающегося комплексного памятника достойный вид и прогнозируя перспективы его использования, особенно с учетом нарастающего паломничества.

Однако власти в конце 2016 года вдруг решили, что пещера «Шульган-Таш» и одноименный заповедник несовместимы. Официальное правительственное сообщение гласит, что «для сохранности объекта культурного наследия федерального значения «Капова пещера с живописью эпохи палеолита» и объекта культурного наследия регионального значения «Земля Урал-батыра» в республике создают историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш». Соответствующее распоряжение уже подписал премьер-министр правительства Башкирии. Документ

предполагает разработку устава государственного бюджетного учреждения, проведение государственной регистрации и обеспечение финансирования музея-заповедника, который будет находиться в ведении Министерства культуры Башкирии.

Получается, теперь рядом будут располагаться одноименные заповедник и музей-заповедник. Непонятно, чем будет заниматься музей-заповедник, ведь сама пещера расположена на территории заповедника, который, к тому же, находится в ведении совершенно другого министерства.

Распоряжение правительства республики санкционирует межведомственные распри, которые можно спрогнозировать заранее с большой степенью вероятности. По замыслу правительства, «проект привлечет к природному объекту дополнительный поток туристов, а также позволит лучше изучить уникальные особенности заповедника «Шульган-Таш». Благое намерение, но известно, куда выслана дорога подобными намерениями. Речь должна идти вовсе не об увеличении потока туристов и, как следствие, не об извлечении из их посещения дополнительной прибыли, а о сохранности уникального памятника и заповедного природного комплекса.

Планов громадьё

Страсти по Каповой пещере — далеко не единственная проблема, волнующая в настоящее время Косарева как руководителя государственного природного заповедника, выполняющего весьма специфическую задачу.

С дочерью Светланой в день её совершеннолетия

Например, Михаил Николаевич, будучи высококлассным специалистом по пчелам, не без оснований считает, что для эффективного сохранения генофонда дикой пчелы, то есть для выполнения основной задачи заповедника, требуется расширение последнего за счет присоединения сохранившейся в нетронутom состоянии территории у его северо-западной границы. В свое время даже мощные леспромхозы не смогли сюда добраться из-за изрезанного рельефа — благодаря этому обстоятельству природа здесь и остается до сих пор в первозданном состоянии. К тому же это места исторические, ведь здесь имеется много заброшенных бортей, которые в прошлом были заселены пчелами, и местные

жители из них получали ароматный и целебный бортевой мед.

Проект, получивший название «Сохранение биоразнообразия и популяции бурзянской бортевой пчелы на Южном Урале путем расширения территории заповедника «Шульган-Таш», продвигается с 1999 года. Отрадно, что идея заповедания 37 тыс. га не используемых в хозяйствовании старовозрастных широколиственных лесов встретила широкую поддержку общественности, но пока остается лишь проектом.

Бурзянская бортевая пчела — ценнейший генофонд для селекции в пчеловодстве. Суровые условия Урала сделали ее зимостойкой, сформировали способность отпущать много роев, в короткие сроки собирать много меда. Гибриды проигрывают бурзянке в зимостойкости, устойчивости к болезням и хозяйственной ценности. Изучение биологии бортевой пчелы показало, что территориальные параметры заповедника не в состоянии обеспечить чистоту генофонда бурзянки. Спаривание медоносных пчел происходит в полете на удалении до 17 километров от родного гнезда, что превышает среднюю ширину заповедной территории. Для сохранения генофонда аборигенной пчелы нужна реально контролируемая область ее расселения в 200–250 тысяч гектаров. Расширение ареала бортничества всегда рассматривалось заповедником как приоритетная задача.

Успехом в развитии экологической сети региона вполне можно было бы считать учреждение в 1997 году государственного природного заказника республиканского значения «Алтын Солок» («Золотая Борть»). Иници-

атива его создания исходила от заповедника, она была поддержана президентом Республики Башкортостан М. Г. Рахимовым при бурном одобрении общественности и местных властей. Режим этого заказника ориентирован на сохранение бурзянской бортевой пчелы и бортничества. Причем, помимо сохранения природных ландшафтов и создания 50-метровых охранных зон вокруг бортей, при создании заказника был предусмотрен запрет на ввоз метизированных и инопородных пчел, разорение пчелиных жилищ, рубку нектароносных деревьев, а также некоторые ограничения в технологии промышленных рубок леса.

«В положении о заказнике указано, что он «может быть охранным зоной заповедника». При таком статусе заказник охранялся бы госинспекцией «Шульган-Таша». Но этого не случилось. Министерство лесного хозяйства региона исправило в проекте документа слово «является» на «может являться». Заказник оказался под управлением Бурзянского лесхоза (ныне — ГУ «Бурзянское лесничество»), который не нашел ни кадров, ни средств для организации особой охраны. Заповедник пользуется правом на развитие бортничества в «Алтын Солоке», работающие по контрактам бортевики обустроят бортевые угодья. Бортевики по мере становления бортничества в заказнике становятся частными предпринимателями, между ними зарождается конкуренция на использование свободных бортевых угодий.

Между тем с улучшением дорог и ростом цен на липовый мед район стал привлекательным для кочевого пчеловодства.

В экспедиции по исследованию участка, планируемого для присоединения к заповеднику

Многие пасечники-«кочевники» из Приуралья и Зауралья культивируют карпатских и кавказских пчел, и это усугубило проблему сохранения аборигенных пчел. Появилась угроза утраты генофонда уникальной бурзянской пчелы. И вновь мы соприкасаемся с непостижимой логикой чиновной мысли. Выяснилось, что в Министерстве лесного хозяйства республики некоторое время тайно готовятся проекты документов об отмене статуса государственного природного заказника «Алтын Солок»! И это при том, что гибкий режим заказника учитывает интересы местного населения! Более того, он полностью соответствует этим интересам, позволяя бережно использовать леса в зоне бортевого пчеловодства — рентабельного перспективного промысла, способствующего развитию этнографического, экологического и сельскохозяйственного туризма.

Чтобы заказник «Алтын Солок» обрел второе дыхание и раскрыл свой экологический и социально-экономический потен-

циал, необходимы организационные перемены. Существует несколько вариантов. Получение статуса охранной зоны ГПЗ «Шульган-Таш» позволит улучшить охрану заказника силами хорошо оснащенной оперативной группы заповедника. Режим заказника можно пересмотреть в части возможности развития туристической инфраструктуры, решения иных формальных проблем. Оптимальным решением была бы передача заказника в ведение дирекции ООПТ при Минэкологии РБ с выделением штата реальной охраны не менее трех человек. И, наконец, можно придать заказнику «Алтын Солок» статус федерального заказника — структурного подразделения заповедника «Шульган-Таш». Подобную работу Минприрода России в настоящее время приветствует и финансирует в связи с утратой реальной охраны заказников во многих регионах».

Между тем под влиянием заповедника «Шульган-Таш» в существенной степени у местного населения возрождается интерес

к бортничеству. При содействии специалистов заповедника стало развиваться бортевое пчеловодство в НП «Башкирия». Работает общественное экологическое объединение пчеловодов «Алтын Солок» и школа лесного пчеловодства. То есть восстановление бортничества как массовой профессии заботит не только руководителя заповедника и его сотрудников!

Существуют и важные международные приоритетные программы заповедника.

В июле 2012 года заповедник «Шульган-Таш», наряду с национальным парком «Башкирия», заказником «Алтын Солок» и природным парком «Мурадымовское ущелье», вошел в состав комплексного биосферного резервата «Башкирский Урал». Участие в программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» раздвигает горизонты деятельности заповедника и ставит перед ним новые задачи.

Работа по единой программе позволит поднять природоохранный и научный потенциал ООПТ, повысит международный авторитет республики. Для устойчивого развития региона это большой плюс: сотрудничество с местным населением, поддержка щадящего природопользования для биосферного резервата — приоритетные задачи. Главный акцент в политике резервата будет сделан на сохранении генофонда бурзянки, развитие пчеловодства на ее основе и различных форм туризма.

Руководство региона на очень серьезном уровне сотрудничает с ЮНЕСКО в части внесения заповедника «Шульган-Таш» в список Всемирного наследия по редкой для ООПТ номинации «культурный ландшафт».

Мемуарная пора — не повод лечь на печку!

В 2017 году Михаилу Николаевичу Косареву исполнится 60 лет. Юбилей важный, но далеко не критичный для мужчины, особенно если он живет среди горной природы и ежедневно потребляет экологически чистый башкирский мед. Приступать к завершающим жизнь мемуарам Косареву еще очень рано. Тем более что Михаил Николаевич всегда был оптимистом и остается им донныне, считая, что даже самые сложные проблемы заповедника вполне разрешимы. *«Хочется верить, что нас поймут правильно, и будет найдено решение, которое не даст угаснуть бортничеству и бортевой пчеле».*

Верить в лучшее надо обязательно, иначе зачем нужно было в свое время начинать благородное, но очень сложное дело по сохранению в отдельно взятом заповеднике редкой разновидности пчел — важного компонента природы, столь нужного человеку?

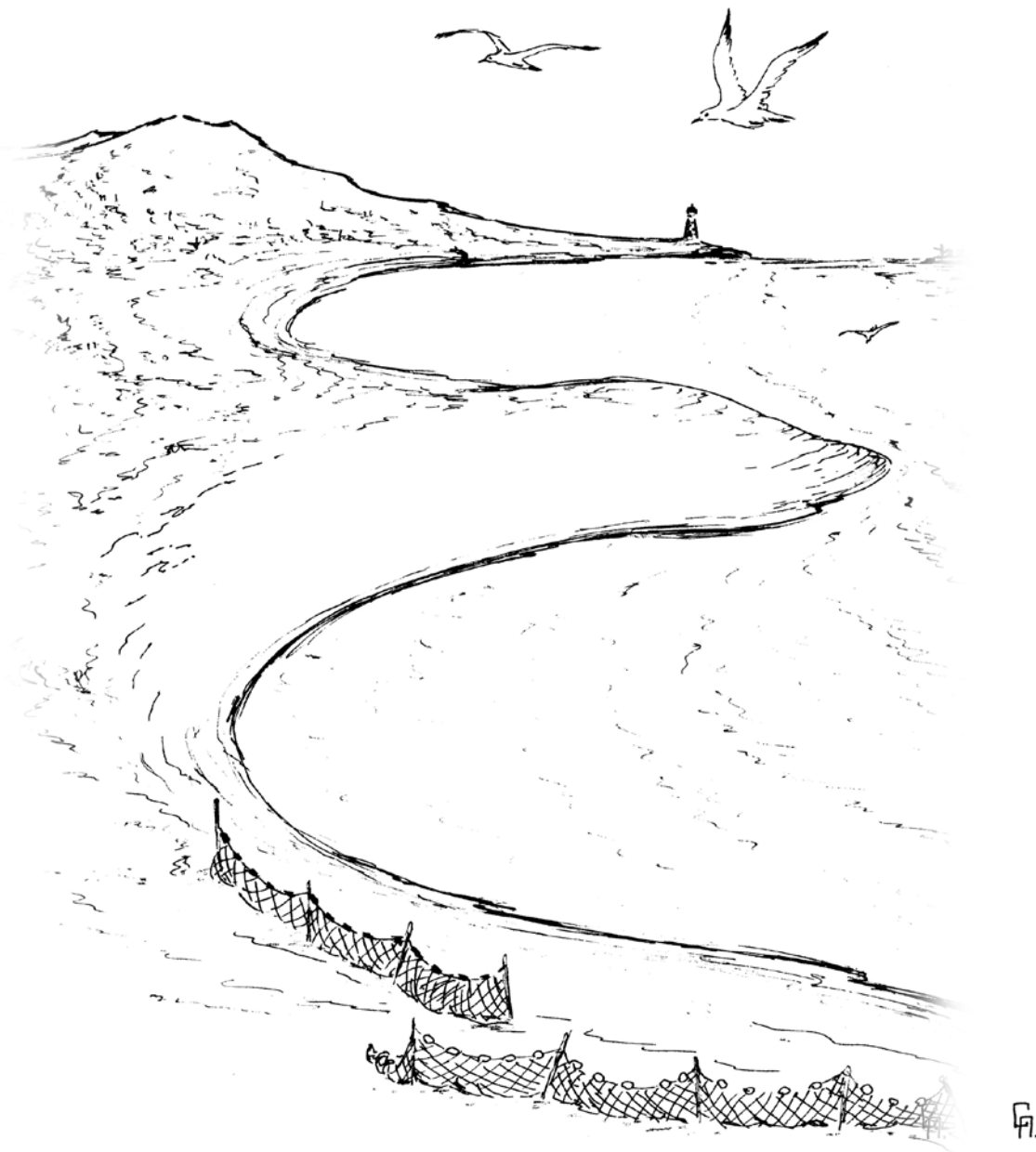
«У нас редкая, благородная и непростая миссия — сохранить, демонстрируя безопасными способами, небольшой уголок Земли с минимумом следов деятельности самого распространенного и разумного ее обитателя. В том числе и для того, чтобы Человечество, увлекшееся победами над Природой, могло иметь эталоны и поводы хотя бы иногда задумываться о своем будущем».

Евгений Богданов

В статье использованы материалы Сергея Сокольского (редактора журнала «Заповедные острова» в 2010-11 гг.)

— СЛУЖЕНИЕ ИДЕАЛАМ — БЕСКОРЫСТНОЕ И РАССУДОЧНОЕ —

Нина Литвинова

Исповедальное интервью

Приводимое ниже интервью я взял у Нины Александровны в конце 2015 года. «Страсти по Литвиновой» к этому времени несколько улеглись, и наша

героиня без лишних волнений смогла ответить на вопросы, касающиеся ее работы в системе и отлучения от таковой, и поведать свою жизненно-заповедную сагу.

— В каких условиях Вам пришлось расти, кто и какое оказал влияние на Ваше становление и выбор Вами будущей профессии?

— Детство у меня было счастливым. Родилась я 21 февраля 1951 года в азербайджанском городе Ленкорани. С одной стороны — песчаные пляжи Каспия, с другой — старейшие Талышские горы с их третичной флорой. Красивейшие места!

Родители были инженерами. Отец — инженер-гидролог, мама — архитектор, долгое время работала инженером-строителем. Жили небогато, но все необходимое было. Лет с четырех отец начал брать с собой в поездки по гидропостам, а чуть позже, убедившись, что старший сын предпочитает поездкам сидение дома с книгой, брал меня всюду. Тогда же пришло увлечение и рыбалкой.

О работе на природе задумалась лет в 13–14. К концу школьного обучения я твердо знала, что буду поступать на биофак, но колебалась между ботаникой и зоологией. Попытки поступления сначала в Ленинградский, а затем в Московский университеты закончились неудачей. После этого я отправилась во Владикавказ (тогда Орджоникидзе), где проживала моя тетушка. Так я оказалась в Северо-Осетинском государственном университете имени К. Л. Хетагурова. Это был чудесный университет. Потрясающие педагоги, интереснейшие лекции, а уж о практике и говорить не приходится. Я до сих пор помню латинские названия растений, растущих на Кавказе. Ни одного дня я не пожалела, что поступила в этот университет.

В 1972 году меня перевели на биологический факультет Ленинградского универ-

ситета, который я и закончила по кафедре зоологии позвоночных в 1974 году. Замечу — с красным дипломом. Сказать, что мне повезло, это ничего не сказать. Моими учителями были Георгий Александрович Новиков и Елена Константиновна Тимофеева. Думаю, что эти имена говорят сами за себя. Темой моей дипломной работы было изучение экологии зубров на основе первого свободно живущего стада чистокровных зубров, выпущенных на волю в горах Северной Осетии. Работа эта проводилась нашим корифеем, стоящим у истоков возрождения зубрового стада, М. А. Заблоцким. Именно он давал мне наставления перед моей первой экспедицией на Кавказ. Сейчас это трудно себе представить, но в те времена, получив командировочные, я в одиночку отправилась в экспедицию. Пришла в республиканскую охотинспекцию, дали мне местного лесника в проводники, поселили у него же в доме, и в течение нескольких недель день за днем я тропила стадо зубров, изучая поведение, маршруты, питание. В экспедиции я ездила трижды, чтобы охватить больше сезонов. Материал получился очень интересный. В Кавказском заповеднике тоже выпускали зубров, и Г. А. Новиков предполагал отправить меня туда после окончания вуза.

— Как складывалась Ваша работа в системе ООПТ до прихода в Астраханский заповедник?

— Я получила свободный диплом, то есть без распределения к месту работы. Место зоолога в Кавказском заповеднике было занято специалистом, окончившим вуз на год раньше меня. Пришлось ехать в Минсельхоз, при котором находилось управление по заповедникам. Из предложенных мест выбрала то, что поближе к

Таким образом - 5 месяцев любого из 15 лет в Кызыл-Агачском заповеднике!

На практике. Кавказ, 1970 г.

Сбор материала для диплома. На зубровой лёжке, 1973 г.

На съёмках фильма на колонии птиц в Кызыл-Агачском заповеднике. 1989 год, Нина Литвинова - крайняя справа

дому. Так я попала в Кызыл-Агачский заповедник. Так что в системе ООПТ я с 1974 года.

Вся последующая жизнь была определена Кызыл-Агачом. Уникальное место. Крупнейшая зимовка водоплавающих птиц. Лаборатория в природе, где сложилась уникальная система «хищник — жертва» из животных, попавших в замкнутую систему и приспособившихся к существованию рядом друг с другом почти в равновесном состоянии. Но браконьерство там процветало почти в промышленных масштабах. Вот тогда и началось противостояние сложившейся системе. Юношеский максимализм и незнание жизненных реалий позволили ринуться в бой без оглядки на последствия.

Именно там было получено боевое крещение, отработаны формы и методы борьбы за сохранение ООПТ. Было все — угрозы, попытки подкупа, уголовные дела, административное воздействие. В условиях тоталитарного режима мы заставили власти считаться с научным отделом! Апофеозом противостояния была наша позиция по запрету строительства канала, который должен был пройти по заповеднику и стать компенсационным сооружением для уже

построенного второго по величине в Азербайджане водохранилища. Мы, три научных сотрудника, стояли перед солидными дядями, прилетевшими на вертолете из Баку, причем из десяти присутствующих четверо были в ранге замминистров. И мы смогли настоять на альтернативном варианте трассы! Но надо сказать, что мы никогда не смогли бы противостоять местным властям без поддержки сверху. При всех недостатках системы управления заповедниками (союзного подчинения) своих в то время не сдавали. Нас поддерживали, приходили и приезжали на помощь, вытаскивая из местных разборок авторитетом союзного министерства.

Основное время все же занимала научная работа. Териологом мне стать не удалось, место было занято, пришлось переквалифицироваться в орнитологи. Работа интересная, но сожаление о несбывшемся все-таки осталось.

В заповеднике я встретила и своего будущего мужа, с которым мы прожили почти 30 лет. Блестящий полевик, человек с креативным, как бы сейчас сказали, мышлением. Если бы не политические события начала 1990-х годов, то мы вряд ли уехали бы из Кызыл-Агача.

— В Астраханском заповеднике Вы тоже не сразу стали директором. Кто сыграл в этом назначении определяющую роль?

— После 1990 года в Азербайджане началась политическая, административная и национальная перестройка. Мы держались до последнего. Когда угрозы членам семьи стали серьезными, мы задумались и поняли, что противостоять и помешать начавшемуся развалу не сможем. В то время я была в должности заместителя директора по научной работе. Встал вопрос о переезде. Было решено перевести наши ставки в Астраханский заповедник, директором которого в то время был А. Г. Конечный. Должность зама по науке была занята, и решили, что я подожду, пока должность освободится.

Большинство, кто помоложе, приняли нас доброжелательно, кто постарше — настороженно. Поскольку мы никого не ущемили ни в ставках, ни в окладах (прибыли со своим), вхождение в коллектив прошло довольно легко, тем более что с большинством сотрудников мы были знакомы.

После кончины А. Г. Конечного директором стал Г. А. Кривоносов, который и назначил меня

замом по научной работе. После того как Кривоносов ушел в 1998 году на пенсию, я исполняла его обязанности. В тот год на очередном совещании директоров А. М. Амирханов предложил мне занять должность директора. Назначение варягов директорами заповедников в то время как-то не приветствовалось. Преимущество было за людьми, как минимум, знакомыми с работой системы. Да и заповедники к тому времени находились в достаточно плачевном состоянии, так что желающие со стороны в очереди не стояли. Вот так я и стала директором заповедника.

— Женщина — директор заповедника. Это принято считать исключением из правил. Влияло ли это обстоятельство на Ваше равновесие и рабочий уют в душе?

— Ничего особенного в том, что женщина может быть директором заповедника, я не вижу. Десятки женщин работают научными сотрудниками в заповедниках наравне с мужчинами. Это никого не удивляет, а ведь это тяжкий труд, в том числе и физический. Уверенности в том, что все получится, не было, но у меня был свой опыт: если я очень старалась во что-то вникнуть

В своём кабинете в Астраханском заповеднике. 2002 г.

и что-то сделать, у меня обычно получалось.

Всем заповедникам было нелегко, но я уверена, что Астраханскому — особенно. В системе союзного подчинения было 27 заповедников, при этом 50% финансирования шло на три из них, среди которых был и Астраханский. Поэтому практически полное отсутствие финансового обеспечения деятельности в постсоветский период переносилось очень тяжело. Когда я приняла заповедник, на счету было 20 тысяч рублей, которых могло хватить на 1–2 недели работы.

Надо было работать, а о равновесии и рабочем уюте как-то не думалось. Заповедник тонул. Не было средств даже на действенную охрану, да и часть сотрудников, особенно в инспекции, не слишком рвалась эту охрану осуществлять. Многие местные руководители всех рангов, их

помощники, родственники и прочие «друзья» заповедника считали заповедные угодья своей как бы дачей, куда можно приехать на шашлыки, где можно расслабиться, половить рыбку и даже поохотиться. Пьянство было обычным делом не только на участках, но и на центральной базе в Астрахани. Где уж тут думать об уюте.

— Как к Вашей работе относились в семье, был ли дом для Вас в известном смысле крепостью? Явилась ли Ваша работа в природоохранном деле примером для кого-нибудь из семьи, то есть есть ли смысл говорить о преемственности поколений?

— Семье доставалось больше всех. Вряд ли я долго продержалась бы, если бы не супруг. Первые годы я не вылезала с работы, ему приходилось зачастую сопровождать меня в ночных рейдах и брать на себя большую часть домашних забот. Наверное, от моего директорства больше всех в семье пострадал именно муж, к которому зачастую я была несправедлива. Обходила повышением по службе, да и премию он получал, как правило, меньше, чем другие. Все успехи и неудачи обсуждались в семье. Так уж было заведено, что дети находились рядом с нами и знали все особенности нашей работы, имели право голоса при решении домашних проблем.

Несмотря на то что первые годы жизни дети провели в Кызыл-Агаче на «вольном выпасе», отношение к природе у них разное. Младший на маршрутах расспрашивал про все, что видел, а видел он порою даже то, на что и мы не всегда обращали внимание. Старший, несмотря на то что постоянно сопровождал нас в поездках и ассистировал отцу при обработке полевого материала, относился ко всему без фанатизма.

С Натальей Данилиной в Кенозерском национальном парке, 2007 г.

В результате хотя и получил два образования, одно из которых касается экономики природопользования, тем не менее работает по финансовой части в одной из компаний. Младший по специальности ихтиолог, сейчас работает заместителем директора по научной работе в Астраханском заповеднике.

— Астраханский заповедник — лакомый кусок для браконьеров и иных любителей поживиться природными богатствами. Удалось ли Вам с коллективом изменить темпы вмешательства человека в жизнь природы?

— Думаю, что да. Удалось в корне изменить отношение к заповеднику. В последние годы

прекратились просьбы «отдохнуть» в заповеднике, да и вообще попытки попасть на территорию. Охрана территории сейчас ведется практически круглосуточно. Это не рейды по охране, а постоянное пребывание инспекторов на границах заповедника. Удалось привлечь интерес к теме сохранения водно-болотного угодья «Дельта реки Волги» и к проблемам неконтролируемого туризма в дельтовой части. Мнение заповедника зачастую становится решающим при обсуждении экологических проблем региона. В настоящее время даже трудно себе представить, как сильно изменилась ситуация в лучшую сторону.

— Многие природоохранные проблемы дельты Волги можно решить только во взаимодействии с региональными и местными властями. Удавалось ли Вам достичь такого союза во имя природы, хотя бы временами?

— Такое взаимодействие было для меня самой большой проблемой, поскольку я человек не местный, а для периферии очень важны личные знакомства. Практически все местные руководители знакомы друг с другом по вузам, бывшей работе, совместным мероприятиям. Даже когда находилась в должности замдиректора, до общения с местной «элитой» Г. А. Кривоноговым допущена не была. В командировки и на совещания он ездил сам, а научных конференций в те годы практически не было. Вхождение в круг местных «руководящих товарищей» было сложным, учитывая тот факт, что многим из них приходилось отказывать в посещении заповедника.

Моей главной опорой был тогдашний губернатор области Анатолий Петрович Гужвин. Светлая ему память! Еще во время нашей первой встречи, при согласовании моего назначения на должность директора, он обещал во всем оказывать мне поддержку при условии, что это «все» будет направлено на благо заповедника и не будет касаться финансовых затрат. Естественно, отношение первого лица области к заповеднику и его директору помогло сформировать подобное отношение и его подчиненных и приближенных.

Потихоньку понимание важности экологической составляющей все более возрастало. В качестве примера: именно заповедник настоял на выносе трассы трубопровода с месторождений Северного Каспия на материк, то есть

за пределы водно-болотного угодья «Дельта реки Волги».

— Даже самый сильный профессионал, поставленный во главу коллектива, один горы не свернет. Нужна надежная команда специалистов. В заповеднике под Вашим руководством работал ряд сильнейших профессионалов. Несколько слов о них, их работе и о Вашей опоре на этих людей и сотрудников вообще.

— Команда — это моя самая большая гордость. Если оценивать свою работу в заповеднике, то, как мне кажется, это лучшее из того, чего мне удалось достичь. Текущая кадровая ситуация в первые годы была очень большой. Люди шли в надежде на левые приработки, но оставались лишь те, для кого проблемы заповедника становились личным делом. Не раз из-за низких зарплат уходили достойные работники. Кто-то из них потом возвращался, признавая, что в заповеднике остро ощущаешь свою нужность, видишь плоды своего труда. В полевых условиях люди проявляются очень быстро. Подбирались не только специалисты, но и сотрудники низшего звена. Зачастую от работы водителя зависело больше, чем от научного сотрудника. До каждого сотрудника надо было донести всю важность его работы. Стоит сказать, что многие сотрудники Астраханского заповедника корнями своими выросли в него, здесь работает уже их третье поколение, целые семейные кланы. Очень важно, чтобы они гордились своими родителями и старались их не опозорить. Люди остро чувствуют справедливость, поэтому я считала необходимым относиться ко всем одинаково, невзирая на свои симпатии и антипатии. Главное мерило — профессионализм и отношение к заповеднику.

С Фаиной Захаровой на 10-летию ЭкоЦентра «Заповедники»

Когда я приступила к работе, моей опорой были два человека — Алексей Николаевич Гребенчиков и Виктор Юльевич Пенке. Первый — бывший вертолетчик, после выхода на пенсию перебравшийся с севера на юг, долгие годы работал в заповеднике инженером-картографом и начальником отдела кадров. По-житейски мудрый и рассудительный, он часто помогал мне принять то или иное решение. Виктор Юльевич — легендарная личность, инженер с большой буквы, работавший долгие годы директором ряда предприятий в Астрахани. В заповеднике он был заместителем директора по общим вопросам. Именно благодаря его умению, знанию и золотым рукам работало все запущенное и износившееся хозяйство заповедника. Сейчас кажется невероятным, как могли в принципе работать трактора, которым было «за двадцать», автомобили и лодочные моторы, котельные и электролинии.

Галина Викторовна Замятина поразила меня дотошностью, умением дойти до сути проблемы и поразительно аккуратной работой с бумагами. Начав работать в отделе охраны госинспектором, она привела в полный порядок многолетние залежи беспорядочно

С коллегами - орнитологами

сложенных документов. Галина Викторовна знает всю территорию заповедника, с закрытыми глазами ориентируется и на местности, и в картах. Она прекрасно разбирается в законодательстве, в земельных отношениях. Это большой профессионал. Хорошая работа заповедника — огромная ее заслуга.

Александр Константинович Горбунов — ученый. Именно на нем лежала ответственность за работу научного отдела. Работа нелегкая, особенно учитывая плохое финансирование. Исследования базировались на энтузиастах, образно говоря, работавших за спасибо. Однако именно поддержка таких ученых, как А. К. Горбунов, Г. М. Русанов, Д. В. Бондарев, позволила бороться за дельту. Благодаря их научным исследованиям можно было аргументированно отстаивать интересы природы.

Слова о том, что коллектив — это одна семья, в полной мере относятся и к нашему коллективу. Я знала и жен, и мужей, и детей, и семейные проблемы своих сотрудников. На, как сейчас говорят, корпоративы собирались не только сотрудники, но и члены их семей.

Не буду кривить душой и говорить, что все

На таких тростниковых пожарах директор шёл на огонь в общем строю

было благополучно и прямо все были за меня. Были и те, кто откровенно или тайно работали против. Однако, поскольку это было не против заповедника, приходилось принимать как данность. А уже если против заповедника, то принимались все меры, чтобы от такого товарища избавиться.

— Как Вы считаете, что должно преобладать в заповедном человеке: бескорыстное, безоглядное служение идеалам или же рассудочное служение «от и до»?

— С годами я больше склоняюсь к мысли, что служение идеалам должно быть бескорыстным, но рассудочным. Служить от и до идеалам невозможно. Тут все просто: или служить, или нет.

— Считаете ли Вы свою личную миссию заповедного руководителя реализован-

ной или чего-то не удалось достичь? Каким должен быть заповедный руководитель: просто выполнять круг обязанностей, очерченных инструкцией, и волю вышестоящих руководителей или он имеет право на собственную стратегию и самостоятельное принятие решений?

— Достичь не удалось многого. Где-то просто не хватило упорства. Так, до последнего года работы я пыталась на всех уровнях власти доказать, что деятельность нефтяников на Северном Каспии является незаконной. Не сумела.

Но главная причина — отсутствие средств. Хорошо руководить, когда есть деньги! Иногда теперь думаю: мне бы такое финансирование, как последние два года без меня. Да уж ладно, лишь бы на пользу дела.

Круг обязанностей, очерченных должностной инструкцией, руководитель выполнять обязан. Волю вышестоящих руководителей — нет, если только это воля не облечена в соответствующие приказы и распоряжения вышестоящей организации. Ну и, конечно, разработка стратегии и самостоятельное принятие решений — это прерогатива руководителя учреждения, если это не противоречит законодательству. Если же руководитель не приемлет политики, проводимой вышестоящей организацией, то выходов два — уйти или подчиниться, даже если это противоречит вашим убеждениям. Я выбрала первое.

— После Вашего ухода заповедник хоть как-то задействует Ваш драгоценный опыт? Правда ли, что было распоряжение уволить из учреждения всех, кто работал с Вами? Как Вы считаете, почему было отдано такое распоряжение?

— Заповедник со мной не контактирует. Учитывая, что новый директор приступал к работе на следующий день после моего увольнения, я думала, что он, по крайней мере, придет познакомиться, чтобы обсудить проблемы да заодно хотя бы узнать, что такое заповедник. Не пришел. Мне кажется, это показатель того, что игра была нечестной. К слову, с этим человеком я до сих пор не знакома, даже в лицо не знаю.

По словам сотрудников, о том, что новому директору «посоветовали» убрать всех моих замов и главного бухгалтера (одного из наиболее компетентных в системе). К чести нового директора, он всех оставил на местах, заменив лишь зама по общим вопросам. Честно говоря, я плохо представляю, куда

бы скатился заповедник без Замятиной. Для нашей команды важным было и остается одно — нормальное функционирование заповедника. Для всех нас это важнее всего другого. Собственно, и меня сломали на том, что объявили: пока я директор — финансирования заповедника не будет.

— Когда-то Вы занимались только наукой, даже защитили кандидатскую диссертацию. Став руководителем, сохранили ли Вы научные устремления или они растворились в обилии иных дел и вынужденных пристрастий?

— Конечно, наука отошла на второй план. Хотя я продолжала участвовать в мониторинговых исследованиях, проводила учеты, анализировала полученные материалы, писала статьи и отчеты по НИР, вела курсовые и дипломные работы студентов. Это же самое интересное, даже для руководителя!

— Идеалы молодости — помнятся ли они или с возрастом превратились в дым? Интересно, насколько трансформировалось с годами Ваше понимание заповедности?

— Идеалы молодости, конечно, помнятся. Я и тогда старалась приблизить реальность к тому, что считала правильным, понимая, что вряд ли это удастся в полной мере. Но, если появлялась возможность что-то изменить, шла до конца.

Отношение к понятию «заповедность» у меня двоякое. Пытаюсь противостоять развитию туризма на заповедных территориях, я в то же время не приемлю установки на абсолютную заповедность. В современных условиях это невозможно. В Кызыл-Агачском заповеднике, где я начинала свою работу, вмешатель-

ство в природу было подчинено сохранению зимовочной емкости угодий, без этого птицы давно лишились бы возможности останавливаться здесь на долгие зимние месяцы. Относительно Астраханского заповедника — и здесь не может быть абсолютной заповедности, ведь измененный человеком характер стока Волги активно влияет на гидрологический режим угодий заповедника, тем самым изменяя протекающие в нем процессы.

Это можно отнести практически к любому из наших заповедников. В отсутствие копытных меняется состав растительности на заповедных территориях Приволжской лесостепи. Дубравы замещаются на кленовые леса в Воронежском заповеднике. С началом охоты на копытных в охотхозяйствах увеличивается их плотность в Приокско-Тerrasном заповеднике, гибнет подрост. Мне кажется, это настолько интересная проблема, что ее чисто теоретические аспекты давно надо бы обсудить.

Но уверенность в том, что заповедник — это в первую очередь научное учреждение, все равно никуда не исчезло!

— *Мы трудимся и живем не ради званий и наград. И все же, какими официальными знаками внимания Вы удостоены на протяжении своей долгой и нелегкой работы?*

— Давайте говорить в целом о людях нашей системы. Мне всегда было обидно, что мало внимания уделяется тем, кто так тяжело работает. Это и инспекторы, и научные сотрудники, лесники и водители. А ведь это и трудно физически, и опасно, и они ничем не защищены. По моему мнению, если где-то и остались настоящие мужчины, то заповедники — одно из немногих мест, где их можно найти. Да и

женщины в системе боевые. Я лично считаю, что День защитника Отечества имеет самое непосредственное отношение к сотрудникам заповедников. Простите за пафос, но это тоже одна из форм защиты Отечества!

— *Заповедная система приближается к своему знаменательному столетнему юбилею. Вы скажите Ваши пожелания.*

— Еще и еще раз повторю: заповедники в первую очередь — это научные учреждения со всеми вытекающими последствиями. Огромные массивы научных данных, которые лежат невостребованными — это нонсенс. Не туризм в заповедниках надо развивать, а научные исследования финансировать! Заповедники — это же составляющая безопасности нашей страны!

— *Никто толком не знает, что такое счастье. И все же, ощущаете ли Вы себя счастливой?*

— Мне кажется, что счастье — это быть нужным, делать что-то нужное, видеть плоды своего труда. Что касается меня, то я — счастливый человек. Я до сих пор не понимаю, как можно (хотя и нужно) работать просто ради заработка или ходить на работу, которую терпеть не можешь. Мне повезло: моя работа была моим образом жизни, это и была моя жизнь. Честно говоря, очень трудная жизнь. Мой муж не просто разделял мои убеждения — он сам был точно таким же. Такими же выросли и сыновья. Это так здорово — готовить статьи и совместные доклады с детьми, сидеть рядом на конференциях, обсуждать проблемы, соглашаться с их видением и понимать с гордостью: а дети-то тебя переплюнули!

Евгений Богданов

— ДВЕ ПОЛОВИНКИ ОДНОГО ЦЕЛОГО —

Ольга Макарова и Анатолий Хохлов

Говорят, что истинное счастье человек обретает, если дело, которому он служит, становится его страстью, увлечением, жизненной привязанностью.

Помня о правилах приличия, совсем не хочется напоминать читателям о возрасте нашей героини, но в данном случае обойтись без этого никак не получится. Уж без малого восемь десятков годовых циклов успела она одолеть, но так и не привыкла обращать серьезное внимание на это обстоятельство. Как молоденькая, одержимая идеей познания природы студентка, отправляется и

сегодня наша неугомонная героиня в отнюдь не прогулочные вояжи в те места, где порою ни бытовых удобств, ни диетической пищи, ни элементарного домашнего уюта днем с огнем не сыщешь!

Еще три года назад надежную и верную компанию во всех исследовательских и иных жизненных начинаниях нашей героине составлял ее супруг — человек с виду степенный и даже медлительный. Но на самом деле он был под стать спутнице жизни — быстрым на подъем, не придающим серьезного, точнее — первостепенного значения быту, если речь идет о важном деле. Увы! Он нынче

призван в иные миры, и отныне нашей героине приходится одолевать в одиночку семейный заповедный подряд.

Не буду томить читателя. Речь в этом очерке идет об Ольге Акиндиновне Макаровой, в настоящее время главным научном сотруднике заполярного заповедника «Пасвик». И о ее главном коллеге, единомышленнике, муже Анатолии Михайловиче Хохлове. Писать о каждом из них в отдельности не получается — до того монолитной по ходу жизни стала эта пара.

«Мы два берега у одной реки»

Так называется одна из книг Ольги Акиндиновны Макаровой, известного биолога-охотоведа, кандидата биологических наук, заслуженного эколога России. Этим названием автор книги хотела подчеркнуть единство людей, живущих на разных берегах реки Паз, где в приграничной полосе России и Норвегии был создан заповедник «Пасвик». Однако мне вспомнилось песня «Два берега» Майи Кристалинской, откуда, собственно, и берет начало это выражение.

Ольга Акиндиновна Макарова и Анатолий Михайлович Хохлов. Вот уж действительно два берега одной общей жизненной реки! А быть может, берега здесь и вовсе ни причем: однажды две небольшие речки с именами Ольга и Анатолий слились в одну, придав общему потоку мощь и стройность. И на многие годы нашли они себя в достаточно редком и сложном деле — охране природы.

Знакомство наших героев, переросшее в

Студенты в лесу на практике. Слева направо - Анатолий Хохлов, Александр Кубенко, Ольга Макарова

семейную жизнь, произошло в институте, где они были обычными студентами. Позже они занимали разные должности, но никогда в их замечательном тандеме не было разделения: вместе продумывали охотоведческую работу, вместе управляли заповедниками, вместе осваивали научные горизонты... Для кого-то это нелегко — десятки лет постоянно быть на глазах друг у друга. А Хохлов и Макарова не то что мелькали — буквально маячили друг перед другом: в лесу, тайге и тундре; в городской квартире, на зимовье и в палатке. Делили вместе все — и трудности, которых было хоть отбавляй, и скупые радости и удачи. Словом, в этой крепкой семье, насквозь пропитанной любовью, сложились редкая по нынешним временам атмосфера взаимопонимания и

Май 1963 г. После утиной охоты. Слева - Фидель Кастро, справа - Анатолий Хохлов

доверия. Так было вплоть до марта 2012 года: Анатолий Михайлович не дожил всего двух дней до своего 75-летия.

Завидное Завидово

Будучи молодыми супругами, Ольга и Анатолий защитили дипломные проекты: он — по охотничьему хозяйству Калининской области, она — по бобрам, и по окончании института в 1959 году стали полноправными биологами-охотоведами. После некоторых мытарств супруги все же были приняты на работу в Завидовское охотхозяйство, хотя на первых порах Ольге Акиндиновне, поехавшей в Калинин по распределению вместе с мужем, пришлось поработать в областном обществе охраны природы.

Работа в образцовом охотхозяйстве под руководством опытейших егерей позволила чете молодых специалистов приобрести драгоценный опыт, который очень пригодился им впоследствии. Именно в период работы в Калининской области в их семье появилось двое детей.

Ольга Макарова в Завидово. 1960-е гг.

Лапландские годы

В конце 60-х годов Хохлов и Макарова прошли тщательный отбор в число экспертов по охотничьему делу для работы в ООН от СССР. Но потом что-то не сложилось, и вместо длительной зарубежной командировки в 1970 году Анатолий Хохлов поехал укреплять Лапландский заповедник.

На посту директора заповедника Анатолий Михайлович проработал десять лет. В эти годы практически заново была построена Чунозерская усадьба, в пять (!) раз был увеличен штат работников заповедника, укреплен материально-техническая база, построена главная заповедная контора в Мончегорске, обновлена и отстроена сеть кордонов, налажена научная работа, опубликовано большое количество научных статей и развернута широкая просветительская и природоохранная работа. Одна беда: начало не на шутку беспокоить здоровье, и это заставило Анатолия Михайловича из директоров перейти в старшие научные сотрудники заповедника, где он проработал еще два года.

Анализируя прошедшее, Анатолий Михайлович невольно сравнивал то, свое директорское время в Лапландии с современными реалиями: «...*Нелегко было работать. Зарплата у заповедных людей всегда была маленькая, сплошная бытовая неустроенность, транспортные проблемы, тяжелый климат и сложные, трудные характеры... Люди, как правило, постоянно недовольны всем и вся, ссорятся, жалуются. К тому же неустроенность, удаленность, замкнутость заповедников рождали особую психологическую атмосферу. Нередко в них работали, да и сейчас работают не только энтузиасты, но и люди со сложными характерами, с проблемами не только для общения, но и для выполнения самой обычной работы. Текучесть кадров была фантастической.*

Заканчивается первое десятилетие XXI века. Что-то изменилось в нашей заповедной жизни? Увы! Энтузиазм заповедных людей слишком долго эксплуатировался в нашей стране: он если совсем не иссяк, то поток его гораздо уменьшился. Белопольские, Крепсы и Семеновы-Тян-Шанские, сделав свое для науки и заповедного дела, ушли, а жизнь заповедная продолжается».

С норвегами и финнами в обнимку

В 1982 году Анатолий Михайлович Хохлов перешел на работу в Мурманск, на должность начальника управления охотничьего хозяйства Мурманской области Государственной охотничьей инспекции Мурманского облас-

полкома. В эти годы он инициирует создание в регионе семи новых заказников, организует охотустройство области. Жить семье было непросто, поскольку Ольга Акиндиновна еще на шесть лет осталась работать в Лапландском заповеднике.

Наконец в 1988 году ее пригласили возглавить один из отделов в Комитете по охране природы Мурманской области, и Ольга Акиндиновна окончательно переехала в Мурманск. Ее переход на другую работу опечалил прежних коллег: многие сотрудники Лапландского заповедника говорили, что вместе с Хохловой «из заповедника ушла его душа». Действительно, солнечный характер, работоспособность и научная компетентность Ольги Акиндиновны объединяли коллектив, но в целом от ее перехода в Мурманск заповедное дело в целом немало приобрело! Благодаря активной работе Макаровой были налажены устойчивые добрые связи с норвежскими специалистами в области охраны природы, а в 1992 году был создан государственный природный заповедник «Пасвик», граничащий сразу с двумя государствами. Позже, в результате активного сотрудничества экологов России, Норвегии и Финляндии, в долине реки Паз был создан уже трехсторонний трансграничный парк «Пасвик-Инари», в состав которого вошли приграничные охраняемые природные территории этих трех стран.

Директором нового заповедника был назначен Анатолий Михайлович Хохлов, а Ольга Акиндиновна Макарова стала его заместителем по науке. Сначала вдвоем, а позже — вместе со всеми набранными в

В Лапландском заповеднике

заповедник сотрудниками они проделали колоссальную работу. В сложный период становления и развития заповедника, на который пришлось организация научной и международной деятельности, в непростых пограничных условиях, плечом к плечу стояли два сильных и мужественных человека, бесконечно преданных друг другу и своему делу.

Как написала Бенте Кристиансен, руководитель отдела охраны окружающей среды норвежской провинции Финмарк, «за каждым успешным мужчиной стоит, как правило, не менее успешная женщина. Так было и в этом случае. Только Ольга стояла не за мужем, а рядом с ним, и они прекрасно дополняли

друг друга. Организаторские и стратегические навыки Анатолия и обширные профессиональные знания Ольги оказались весьма полезными для нашего сотрудничества в долине Пасвик».

Этот международный проект привлек внимание природоохранной общественности на самом высоком уровне. Достаточно сказать, что в 1995 году открытие орнитологической вышки (казалось бы, рядовое для заповедника событие!) посетил принц Филипп — представитель королевской семьи Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, супруг королевы Великобритании Елизаветы II и в ту пору почетный председатель Всемирного фонда дикой природы (WWF).

Анатолий Михайлович руководил заповедником «Пасвик» с 1992 по 2007 год. Затем здоровье его начало ухудшаться, и он, будучи чрезвычайно ответственным человеком, понял, что уже не может в полную силу руководить учреждением, и оставил пост, однако до осени 2011 года продолжал заниматься в заповеднике научной работой, разбирал архивы, создал обширную фототеку и передал ее заповеднику, писал мемуары. В это же время Анатолий Михайлович написал ряд научных статей и часто публиковался в периодической печати: сферу его интересов

по-прежнему составляли проблемы охраны природы Севера, заповедное дело, охотничьи ресурсы, зоология.

В авторском предисловии к книге «Вспоминания «Завидово» Анатолий Михайлович писал: «Со студенческих, возможно, и со школьных лет была и остается вера только в хорошее, что жить нужно честно и по совести, добросовестно работать. Вот именно — работать! Работа спасала меня от всяких разочарований, депрессии, не давала скатиться в пропасть, всегда держала на плаву. Других увлечений как-то не осталось, работа — это все».

Ольга Макарова на презентации своих книг

На Шпицбергене, в ресторане «Марианна»

Работа как смысл жизни

Часто бывает так, что Родина, растерявшись в людском обилии, за повседневными делами не успевает отметить своих героев при жизни. наших героев, слава богу, заметили. Работа Анатолия Михайловича Хохлова в 1997 году была отмечена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, а Ольге Акиндиновне Макаровой в 1996 году указом Президента РФ было присвоено почетное звание «Заслуженный эколог России», а кроме этого, она награждена почетным знаком Министерства природных ресурсов «За заслуги в заповедном деле».

Вот что говорит Ольга Акиндиновна: «Если бы мы остались работать в Твери, то и там было бы славно. Дело не в том, какая природа, а в том, какая задача, какие люди. Тут конгломерат всего. Например, для Анатолия Михайловича пустыни и тундры были не очень хороши, ну а если лес, то все нормально. Мне понравилось на Севере — очень хорошая вода везде, и еще — есть полярный день, и круглые сутки можно

работать. Отдохнул немного, попил чаю, и можно дальше идти. Такие мы странные люди».

Научные пристрастия

Удивительно, насколько разнообразными, в конце концов, оказались научные пристрастия Ольги Акиндиновны! Будучи специалистом по копытным, она внесла значительный вклад в изучение дикого северного оленя, ею создана большая остеологическая коллекция по крупным млекопитающим Кольского Севера (более 700 единиц хранения). Не отставал от супруги и Анатолий Михайлович со своими разнообразными научными пристрастиями. Супруги часто писали совместные работы, касавшиеся кабана, россомахи, бурого медведя, дикого северного оленя, лося и других животных.

Сейчас, одновременно с работой в заповеднике, Ольга Акиндиновна Макарова занимается и педагогической деятельностью. Она доцент кафедры биологии и биогеографии естествен-

В учебном классе заповедника «Пасвик»

но-экологического факультета Мурманского государственного педагогического университета, ведет спецкурс «Основы заповедного дела». Макарова — автор свыше 200 научных публикаций, в том числе более 20 книг и брошюр, множества статей, учебных пособий для учителей и студентов.

Какой должна быть заповедная наука? У Ольги Акиндиновны свой ответ на этот вопрос.

«Заповедник — организация своеобразная: люди здесь всегда особые, как и природа. Думаю, что неосознанно, а может быть, и сознательно людей, особенно в советское время, тянул в заповедник тот элемент свободы, который отсутствовал в других организациях. Ты стараешься как можно больше

осмотреть, записать, торопишься, но все-таки более свободен. Настоящий научный сотрудник даже без утвержденного плана будет стремиться пойти в нужное время для учета или осмотра. Таких людей пока еще много».

«Несомненно, нужно модернизировать нашу научную работу в заповеднике. Делить науку на заповедную и незаповедную — вредно и плохо. Всегда Академия наук смотрела на нас свысока, разговаривала через губу: дескать, какая это наука в заповедниках? И, надо сказать, профукала заповедники. Готовые мониторинговые площадки, которые могли бы стать и могут стать вечными для слежения за изменениями природы, не используются на полную катушку. По моему мнению, Летопись

Анатолий Хохлов с сыном и внуками

природы — наиважнейшая работа заповедника, и она должна быть практически одинакова для всех ООПТ, чтобы было возможно оценить изменения по всему ареалу, по всей стране. Специалисты есть, они могут разработать программу для всех, собрать за 5 лет материал по всей стране и вести этот вид в рамках Летописи природы, а потом, лет через 10, повторить. То есть мы имеем колоссальные возможности и не используем их».

«Вроде бы система есть, но и как будто нет. Толком ею никто не занимается. Присылают «сверху» довольно сложные письма, в которых просят все сделать срочно, как говорится, на вчера: срочно отослать ответы на вопросники об охотничьих и других зверях, о редких

и фоновых видах. Мы стараемся ответить вовремя и полнее, содержательнее. Но кто нам выделяет средства на такой развернутый мониторинг? Научные программы для заповедников нужно рассмотреть заранее, утвердить и, оценив возможности заповедников, обеспечить их соответствующими средствами, чтобы они могли выполнить программу. Нам потомки не простят, если мы не оставим живые картины. Нужно внедрять все новейшие методы слежения за природой, отобрать точки для регулярного фотографирования, сканирования и т. д. И все это должно соответствующим образом храниться».

Спектр научных интересов Ольги Акиндиновны чрезвычайно широк. Биолог-охотовед,

специалист по копытным, ученый-эколог, прекрасный натуралист, природовед-краевед, педагог и эксперт по организации особо охраняемых природных территорий... Она курировала создание «Красной книги Мурманской области» и была соавтором «Красной книги Восточной Фенноскандии», книги «Птицы «Пасвика», презентовала написанную в соавторстве с Анатолием Михайловичем Хохловым книгу «Вспоминая «Завидово» и собственное сочинение «Мы два берега у одной реки». И новых проектов и планов у Ольги Акиндиновны не счесть.

Заповедная наука и экопросвещение с туризмом

У нашей героини, при более чем серьезной научной занятости, находилось время и для экологического просвещения. В период 1982–1988 годов она вела на областном телевидении передачу «Край морошковый», пропагандировала среди населения природоохранные идеи, выступала на многочисленных конференциях и съездах.

Что же думает Ольга Акиндиновна по поводу экологического туризма, который охватывает все большее число отечественных ООПТ? «В большинстве наших заповедников нет практически никакой туристической инфраструктуры — редко на какой ООПТ есть приличные условия для проведения экскурсий, лекций; не все имеют нормальные музеи, тропы и т.д. Все это пора уже делать по госстандарту, с определенными условиями. Буквально по каждой ООПТ должно быть

принято специфическое решение: где, что и как можно делать. Посещение заповедника, с учетом его специфических функций, не должно быть дешевым и легкодоступным. Нужно учитывать массу факторов, например занос нежелательных видов растений и животных».

Не стареют душой ветераны

Есть ли у Ольги Акиндиновны рецепт вечной молодости? «Рецепта долголетия у меня нет — наверное, предки передали свои гены да Бог сберег. Но что обязательно — надо стараться быть более доброжелательным, даже если не хочешь; не жадничать и не зазнаваться, ведь каждый хочет быть здоровым и счастливым. Вот и желаю всем здоровья и счастья».

Среди записей Макаровой я нашел фразу, которую, видимо, в первом приближении можно рассматривать как жизненное кредо этой интеллигентной, мужественной и уважающей себя женщины: «Если «держат» цель, не унывать, не жадничать, то как-то все проходит...»

Что ж, многая лета всеми нами уважаемой и обожаемой Ольге Акиндиновне Макаровой — безо всякого уныния, но с прежним хорошим каждодневным настроением!

И пусть будет долгой наша память об Анатолии Михайловиче Хохлове, внесшем весомый вклад в отечественное природоохранное дело!

Евгений Богданов

— СЛУЖИТЕЛЬ ЗАПОВЕДНОГО КУЛЬТА —

Наталья Марченко

Я все больше укрепляюсь в мысли, что заповедное дело — это разновидность некоего культа (от латинского *cultus* — «почитание»), и все искренне причастные к нему составляют пожизненную заповедную касту. В особенности это относится к тем, кто на охраняемых природных территориях в сложных условиях развивает науку.

В восточной части Воронежской области течет во многих отношениях примечательная река Хопер. В ее долине располагается одноименный с рекою заповедник, образованный еще в 1935 году. Биологическое разнообразие здесь восхищает. Но и здешний человеческий ресурс, как говорится, держит марку. Героиня этого очерка Наталья Федоровна Марченко на момент написания этих строк несет здесь заповедную вахту в течение уже 43 лет.

разие здесь восхищает. Но и здешний человеческий ресурс, как говорится, держит марку. Героиня этого очерка Наталья Федоровна Марченко на момент написания этих строк несет здесь заповедную вахту в течение уже 43 лет.

Детство, Волгою подсвеченное

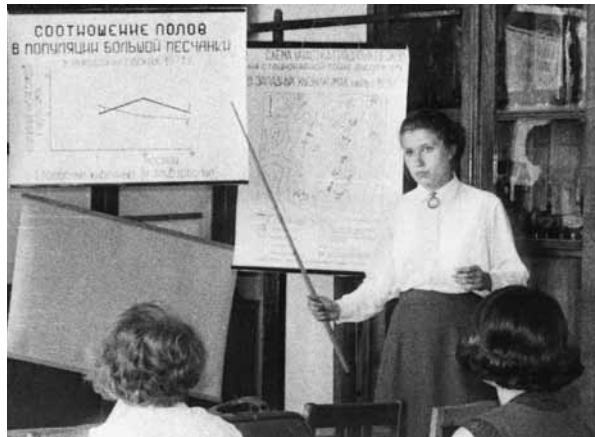
Наташа Марченко родилась в 1949 году в славном волжском городе Саратове. С детством нашей героине, несомненно, повезло.

Хочу быть зоологом! 1-й класс, 1956 г.

«Мое детство можно назвать классическим счастливым советским детством. Поскольку мои родители успели пожениться и развестись еще до того, как мама окончила медицинский институт, то, после получения ею диплома с распределением в Кзыл-Орду, я осталась у бабушки с дедушкой, которых долгое время и считала своими родителями. Меня все любили, и отношения со всеми у меня были хорошие».

Дедушка, бабушка, соседи, дворовое окружение — все это у каждого из нас в детстве бывает разным, и влияет на детей по-разному. Именно это влияние и формирует юные характеры.

Защита диплома. Май 1972 г.

Хоперский заповедник, начало. 1973 г.

«Мой дед Федор Иванович — человек незаурядный. Он был родом из Астраханской губернии, куда его предки переселились еще во времена Екатерины I, когда встал вопрос об освоении Астраханского края.

Закончил дед Саратовский пединститут и всю жизнь проработал в сфере образования, главным образом директором школ. В годы послевоенных сталинских репрессий он вызвал пристальный интерес «компетентных органов». Основания нашлись: сам с этими органами сотрудничать отказался, а тут еще два его двоюродных брата отбывали наказание по печально известной 58-й статье. Из этой щекотливой ситуа-

ции деду вывернуться помогла лишь смерть «отца народов».

Ученики деда любили. Помню, заходила я иногда в руководимый им одно время интернат и заставляла такую картину: у Федора Ивановича на коленях сидят первоклашки, другие обнимают его за шею и что-то шепчут в уши, а он гладит их по головам. Сейчас я понимаю, что этим детям, оторванным от своих, пусть и неблагополучных, родителей просто не хватало ласки и внимания».

Мир маленького человека не ограничивался только близкими родственниками. Развитие шло рука об руку с познанием и требовало ответа на множество вопросов. Что-то в окружающем мире казалось особенно притягательным, и эта притягательность уже тогда ложилась в основу серьезных пристрастий.

Какой Наташа была в те годы? Вспоминает Ольга Уразова (Федотова), подруга детства.

«Когда Наташа Марченко, переведясь из другой школы, вошла в наш 5-А класс, все мы отнеслись к ней настороженно. Дело в том что ее папа раньше был директором в этой школе. Наташа и так училась очень хорошо, но учителя, бывало, ставили ей пятерки, памятуя о должности, которую занимал ее отец. Однако новенькая стояла за справедливость:

— Я на пятерку не отвечала, зря вы мне ее поставили! — решительно заявила она математичке. Учительница смутилась. В этот день Наташа покорила весь класс.

Мы быстро с ней подружались и приняли ее в свою компанию. Но мы, как и все в этом возрасте, старались казаться разбит-

ными, а она всегда оставалась спокойной, деликатной, воспитанной.

Наташа Марченко уже тогда имела склонность к биологии. В химической посудине у нее жил большой необычный паук, в клетке обитали попугайчики. Все бродячие кошки двора были Наташиными подопечными. Будущий биолог не только заботилась о них, как могла, но и изучала психологию животных».

Хочу быть зоологом!

Как правило, маленький человек, вырастая, становится далеко не тем, кем мечтал быть в детстве. Правда, бывают и исключения, когда детская мечта все же совпадает с взрослой реальностью.

«Интерес к животным, по-моему, был у меня врожденным. Сколько себя помню, все, что с ними связано, притягивало меня, как магнит. Я не знала тогда слова «зоолог» и спросила у деда, как называется человек, который изучает животных. И далее, запомнив его ответ, на вопрос «Кем ты хочешь быть?», который взрослые обожают задавать маленьким детям, я всегда отвечала коротко: «Зоологом!»

Мне повезло с детским садом. Там был живой уголок, и мы с интересом наблюдали за белкой в клетке с колесом, ручной крысой, юрким ужом и серой жабой. Еще там была большая клетка с парой белых мохноногих голубей, огромный аквариум, в котором плавали золотые рыбки, и даже экзотические фазаны, которые жили в клетке во дворе.

Моя бабушка Галина Геннадьевна окончила лесотехнический институт по специальности «инженер лесного хозяйства», и названия деревьев, которые росли на улицах города, я знала еще до школы. По пути в садик бабушка показывала мне, чем одно дерево отличается от другого.

Жили мы в центре города, на тихой улице. Дворик бабушка засаживала цветами, к которым слеталось множество стрекоз. На кленах можно было найти лохматых гусениц, а на солнечной стороне завалинки грелись пауки-сенокосцы. Часто я находила и разных жуков — бронзовок, жужелиц, носорогов. Разнообразие энтомофауны в центре города объяснялось большим количеством зеленых насаждений».

Наша героиня записалась в животно-водческий кружок при областной станции юннатов.

«Теоретические занятия вели руководители кружка и специально приглашенные преподаватели сельскохозяйственного и зооветеринарного институтов.

В кружке был птичник, где содержались куры, цесарки и индюшки, кроликоферма, нутрии и загон с бассейном для уток. Нам рассказывали о породах животных, учили составлять рацион питания, знакомили с условиями содержания и разведения. Под руководством наставников мы ставили опыты, изучая влияние рационов на рост молодняка. Это была взрослая нужная работа, мы занимались ею с энтузиазмом, получая зоотехнические навыки и обретая основу для ведения научной работы.

Осенью вся мясная и растительная

продукция реализовалась, а часть ее получали юннаты как поощрение за хорошую работу. Это было ценно, ибо в Саратове в то время некоторые продукты питания были в дефиците».

После такой тотальной наработки знаний и практической подготовки сомневаться в выборе будущей профессии нашей героине уже не приходилось.

Образование с прицелом на заповедное дело

Закончив в 1966 году школу с золотой медалью, Наталья поступила в Саратовский госуниверситет — естественно, на биологический факультет. Ее курсу повезло с преподавателями: удалось застать истинных университетских профессоров — носителей опыта и традиций, они служили примером отношения к выбранной специальности.

Благодаря тому что студентов биологического факультета направляли на практику именно в заповедники, они уже в университете смогли получить полноценные практические знания и навыки. Дальнейшее вхождение в заповедную систему у Натальи после таких практик произошло плавно и без эксцессов.

Вспоминает М. Мокиева (Ахвердова), сокурсница Н. Марченко: «После третьего курса летом, по окончании общей практики, мы в составе группы вместе с Наташей отправились в Воронежский государственный заповедник. Уже тогда она вполне профессионально подходила ко всем заданиям, определенным нам руководителем практики. На ее

На полевых. Чай на троих. 1978 г.

Александр Золотарев и Леонид Семаго наблюдают за журавлями

Лекция в школе. 1981 г.

фоне мы казались такими юными натуралистами с нашим довольно абстрактным интересом к зоологии, сентиментальной любовью к животным и наблюдению за ними. Мы сразу признали ее авторитет и выполняли вспомогательную работу. И во второй

свой приезд в Воронежский заповедник мы под ее руководством оформляли свои наблюдения и написали вполне приличный отчет».

После воронежской практики Наталья поняла, что хочет работать в заповеднике.

«Приближалось распределение; всем нам светила должность учителя в сельской школе. Это меня решительно не привлекало, и я по собственной инициативе поехала в Москву, в Главприроду. Возглавлял этот главк легендарный Василий Васильевич Криницкий. Разговаривал он со мной недолго, потом предложил на выбор несколько заповедников, где были вакансии. Я почему-то выбрала Хоперский заповедник».

Тогда Василий Васильевич одобрил устремление нашей героини и пообещал оформить запрос в университет. Обещание свое Криницкий, слышавший в заповедном мире человеком слова, сдержал. Он вообще был уникалом, имел феноменальную память, помнил по фамилии, имени и отчеству многих сотрудников заповедников и знал важнейшие события в их жизни. Через несколько лет он приехал в Хоперский заповедник. Встретив Наташу на улице, он сказал своему попутчику: «Это моя крестница. Я ее в заповедник принимал».

Заповедные дали в пределах одной территории

По признанию Натальи Федоровны, ей были интересны все заповедные дела и процессы. Она с удовольствием занималась выхухолью; учитывала в плане летописи природы

мышевидных; не брезговала рядовой работой во всех учетах, где нужны были исполнители, и так далее.

Заповедная зрелость приходила постепенно. Не обошлось у нашей героини и без обескураживающих, но правильных выводов: *«Встречаясь со своими научными предшественниками, я наивно надеялась, что они дадут дельный совет, скажут, как надо строить дальнейшие научные исследования. Но этого не произошло. Переживания породили своеобразный кризис в моих мозгах. И тогда я вспомнила фразу Криницкого при нашем знакомстве: «Не думай, что кто-то будет решать за тебя. Все свои проблемы тебе предстоит одолеть самой!» Позже я поняла, что такой кризис переживает каждый человек, начинающий свою научную деятельность в заповеднике».*

Это был первый, чрезвычайно важный урок, который Наталья усвоила в начале занятий наукой. Урок был усвоен как должно, и отныне со всеми своими закавыками, как научными, так и жизненными, она старалась справляться сама.

Между тем чем больше заповедная жизнь увлекала нашу героиню, тем реже она думала о жизни вне заповедной территории. На чем она специализировалась все долгие годы работы в заповеднике? Как настоящий зоолог, она любит всех диких животных почти как родственников, но для нее есть приоритетные виды. Один из главных объектов повышенного внимания Натальи — легендарная выхухоль, или хохуля, занесенная в Красную книгу, потому что находится на грани вымирания. В Хоперском заповеднике

этих животных насчитывают около полусотни.

Выхухоль ведет водный образ жизни, строит норки в поймах реки, где достаточно насекомых для прокорма, и для ее сохранения нужны специальные меры. Наталья Федоровна занимается изучением биологии, поведения и среды обитания этого редкого животного уже несколько десятков лет:

«Выхухоль выступает в роли своеобразного индикатора. Пока она жива, мы можем быть уверены, что поймы рек функционируют нормально. Но численность выхухолей сокращается, даже с учетом запрета ее добычи. Кроме браконьерства, на ее численность негативно влияет воздействие человека на среду обитания. Изучать выхухоль сложно. Ее даже увидеть непросто: малых размеров, на сушу выходит редко, по следам не найдешь. Всплывет она, разбеги — подсчитанная или другая? Окольцевать-то не за что — ушей нет, за хвост кольцо не повесишь. В неволе не размножается. Но мы уверены, что можно восстановить популяцию до 1500 зверьков, если этим заниматься. И тогда брендом области может стать выхухоль, а не разработка никеля!»

Что касается никеля. В Новохоперском районе, где расположен заповедник, шла подготовка к разработке никелевых месторождений. А ведь, по оценке ЮНЕСКО, Хопер — самая чистая река Европы! Как долго эта славная река сохранит свой статус, с учетом никелевых страстей? Наталья Федоровна относится к ярким противникам никелевой славы региона: *«Месторождение находится на глубине 300 метров, при добыче никеля*

будут вскрыты водоносные горизонты, сильно упадет уровень грунтовых вод и Хопра. Значит, высохнут пойменные водоемы — место обитания выхухолей». Президент России дал команду не отягощать воронежские земли добычей полезных ископаемых. Теперь на них планируется укрепить собственную продовольственную базу.

Друзья-товарищи, коллектив и коллеги

Недавно в литературе наткнулся на интересный афоризм: «У меня нет времени ненавидеть тех, кто ненавидит меня, потому что я слишком занят, любя тех, кто любит меня». В ответ на мой вопрос об отношениях с коллегами Наталья Федоровна ответила, что с коллективом у нее все в порядке. Что касается того, уважает ли ее начальство, она полагает, что, учитывая ее достаточно прямолинейный и независимый характер, это самое начальство скорее предпочитает не связываться с ней.

О коллегах, с которыми она трудится бок о бок немало лет, у Натальи Федоровны, считающей себя коллективистом, иное мнение: *«Я не исследователь-одиночка. Мне нравится работать в команде. Обстоятельства сложились так, что приходится работать одной, — не потому, что понятия или интересы моих коллег слабы, просто вопросы, которыми я занимаюсь, не входят в круг интересов моих коллег. Кстати, понятия «коллеги» и «друзья-товарищи» не обязательно совпадают. Друзья — это те, кого*

мы выбираем. Коллег мы не выбираем — это данность, с которой приходится считаться. Я могу найти общий язык практически с любым человеком — главное, чтобы он был увлечен своей работой. Вообще со мной очень трудно поспорить. Если все-таки это удастся, то и помириться со мной бывает трудно».

А друзья — это несколько человек, главным образом, из моего детства и юности. Еще это мои дети. Если, повзрослев, дети признали в тебе своего друга — это высший пилотаж для родителей».

О том, насколько коммуникабельна Наталья Федоровна, свидетельствуют воспоминания кандидата биологических наук Игоря Воробьева, который служит заместителем директора Воронежского заповедника. Студентом в 1985 году он проходил практику в Хоперском заповеднике, и его кураторами были Наталья Федоровна и ее супруг — орнитолог А. А. Золотарев. Игорь считает, что этот эпизод определил его судьбу: *«Хоперский заповедник тогда поразил меня не только необыкновенной природой, но и особым стилем мышления его сотрудников. Яркие студенческие впечатления не давали покоя, и в 1992 году я стал научным сотрудником этого заповедника. В рабочем кабинете мы оказались визави с Натальей Федоровной Марченко. Большой исследовательский опыт, широкий круг интересов, философический склад ума, чувство юмора, общий позитивный жизненный настрой — о таких качествах коллеги по работе можно только мечтать. Возможность поделиться с коллегой своими наблюдениями и мысля-*

ми, обсудить какие-то методические вопросы, подискутировать на общенаучные темы была жизненно важна для меня.

На ученом совете Марченко часто принципиально отстаивала позицию, не совпадающую с мнением большинства, и служила мне примером человека, имеющего свое мнение. Особую роль сыграла Наталья Федоровна в систематизации первичных материалов заповедника, здесь ею проделана колоссальная работа. Для молодого исследователя было чрезвычайно важно чувствовать, что ты наследуешь труд нескольких поколений твоих предшественников. Это то, что называется передачей традиции, за что я особенно благодарен Наталье Федоровне. Я отработал семь лет в Хоперском заповеднике, а потом еще по семь — в двух других заповедниках, но до сих пор с теплотой вспоминаю Наталью Федоровну Марченко как первого заповедного наставника».

До чрезвычайности Наталью Федоровну волнует вопрос преемственности поколений, ведь речь идет о том, кому, когда и как придется передавать дело всей своей жизни: «Обеспечение преемственности поколений — важнейшее условие для решения задач, стоящих перед заповедником. В идеале возрастной состав научного коллектива должен подчиняться нормальному распределению, то есть четверть — молодых, половина — среднего возраста и еще четверть — ветераны. Тогда сотрудникам, вновь приходящим на работу, не пришлось бы тратить годы на то, чтобы должным образом принять эстафету. На деле, к сожалению, никто этим вопросом

никогда не занимался. Когда я пыталась обсудить этот вопрос в компании специалистов из Академии наук, мне было сказано примерно следующее: «Да что вы волнуетесь о своем научном наследстве? Будет хорошее наследство — наследники найдутся! Работайте!»

Теорию формируют личности

Подчас рядовой научный исполнитель, которому назначено заниматься узкими и конкретными исследованиями, вдруг обнаруживает в себе не по должности компетентные мысли, касающиеся вопросов управления и стратегического развития. Обнаружив в себе способность мыслить выше планки, даже самый рядовой сотрудник не захочет отказываться от подобного права, причем его размышления и предложения, достойные нерядового заповедного теоретика, будут вполне соответствовать реалиям.

Уникальные многолетние ряды наблюдения за компонентами природы Наталья Федоровна считает одной из основ российской заповедной науки и с упоением пропагандирует это положение всюду, где и когда это только возможно. Об этом она говорила на пресс-конференции «Заповедное наследие, или Как сохранить бесценное», организованной в 2013 году в Москве.

«Главной особенностью заповедного исследования является долговременность. Академии наук не нацелены на такие длинные исследования. Полноценно исследовать жизнь природы в течение доволь-

но долгого периода времени может только заповедник. В Хоперском заповеднике сегодня есть десятки наблюдательных площадок, где в течение длительного времени добываются бесценные сведения».

Более чем актуальна и мысль Натальи Федоровны о том, что основные кадры в заповедники для успешного достижения общей цели необходимо подбирать тщательнее: «Небольшие коллективы заповедников в идеале стоило бы подбирать по целевой совместимости. Каждый должен ясно понимать, что мы решаем одну общую задачу — изучение природного комплекса, который развивается без вмешательства человека, или как он противостоит этому вмешательству, как залечивает раны, нанесенные ему человеком. В конечном итоге мы коллективно стремимся получить контрольную территорию, с которой необходимо сравнить то, что имеем вне этой территории».

Есть у Натальи Федоровны и четкое представление о том, каким должно быть экологическое просвещение не вообще в ООПТ, а именно в заповедниках: «Целью создания и функционирования заповедника является сохранение природно-заповедного фонда (ПЗФ) с целью получения контрольной информации о динамике природных процессов при минимально возможном антропогенном вмешательстве. Для достижения этой цели заповедник использует три метода работы: охрана, изучение, экопросвещение. Эти методы взаимосвязаны и позволяют достигнуть поставленной цели только вместе. Исключение любого из них приво-

дит к тому, что деятельность данного учреждения становится неэффективной. Под экопросвещением для заповедников, в отличие от национальных парков, я подразумеваю только связь с общественностью и населением. В национальных парках просвещение населения имеет целью формирование у него природоохранного сознания, а в заповедниках это, в первую очередь, реклама научной деятельности с целью поиска потенциальных партнеров, инвесторов и покупателей научной продукции. Отсюда разница и в целевой аудитории. И здесь уже уместнее говорить не о методистах и специалистах по экологическому просвещению, а о пресс-секретарях или специалистах по связям с общественностью».

Воистину актуальна и колоссальна мысль Натальи Федоровны о формировании некоего заповедного научного сообщества, которого уже давно и явно не хватает отечественной системе особо охраняемых природных территорий.

«Имеются все предпосылки для формирования заповедного научного сообщества. В заповедниках сосредоточены специалисты, среди них много профессионалов, обладающих свободой мышления, сформированной многолетним самостоятельным исследованием природных процессов. Научное сообщество способно привлекать новых членов и контролировать их профессиональное поведение. Почему бы, скажем, не создать научное общество по образцу энтомологического или ботанического общества, но при этом занимающееся теоретическими вопросами заповедного дела? Его главной

Учет копытных

задачей было бы формирование единого мнения по вопросам заповедной науки.

Исследования в заповедниках носят настолько долгосрочный характер, что ни один нормальный частный инвестор или грантодатель не будет вкладывать деньги в научные исследования заповедников. А другого места, где подобные многолетние исследования могут быть проведены, просто нет. Значит, это может сделать только государство. Но не нужно обольщаться — финансировать науку в заповедниках наше правительство не будет. Поскольку никто до сих пор ему внятно не объяснил, зачем это нужно. Объяснить это может только организованное заповедное научное сообщество.

Основная задача заповедного научного сообщества на современном этапе — изменить образ заповедника как благородного нищего с протянутой рукой на образ учреждения, являющегося основой научно-технического и социального прогресса, который ведет к улучшению условий жизни людей».

Учёт выхухоли на озере Шипшиновое, декабрь 2009 г.

Учет выхухоли

Важный вопрос, на современном этапе развития заповедной системы вдруг ставший камнем преткновения, — различие между заповедниками и национальными парками. Эти категории ООПТ во многом разные, но некоторые начальники самого высокого ранга их порою путают, объединяя их между собой, причем часто делают так специально. По этому поводу у Натальи Марченко есть важные и интересные соображения.

«Создается впечатление, что в последнее время и в руководящих структурах, и в обществе, и в СМИ сознательно не хотят видеть различий между заповедни-

ками и национальными парками. Наблюдается стремление оценить деятельность заповедников по экономическим показателям, основанным на эксплуатации охраняемых природных ресурсов. Поэтому наши руководящие органы взяли курс на развитие так называемого экологического туризма не только в российских национальных парках, но и в заповедниках. Но, даже разбиваясь вдребезги в заманивании посетителей, туризмом не прокормишься. Администрации природных территорий вынуждены искать источник доходов в охоте, ловле рыбы, рубке леса, иногда даже в добыче полезных ископаемых. Продолжение такой политики ставит крест на российских заповедниках как научно-исследовательских организациях».

Совсем высший пилотаж для простого сотрудника заповедника — позволить себе задуматься о значении совокупности заповедников для России и о перспективах этой самой совокупности.

«Я уверена: заповедники в их российском варианте — это наше национальное достояние, их нужно холить и лелеять, а не уничтожать или превращать в национальные парки по зарубежному образцу только потому, что нигде в мире подобных научно-исследовательских организаций нет.

Руководители, в чьем подчинении находится заповедная система, не верят в нее и с большим упорством пытаются бездумно копировать зарубежную (главным образом американскую) систему ООПТ (резерваты и национальные парки). Такая политика

говорит об остром комплексе национальной неполноценности.

В конечном счете, проблема сохранения заповедной системы России лежит не в финансовой, а, прежде всего, в социальной, политической и философской области. Все начинается с мечты, а не с зарабатывания денег, как сейчас принято думать, и уже на основе мечты рождается стратегия развития».

Сопричастная ответственность, или «За державу обидно»

Как настоящий сотрудник, Марченко искренне переживает за систему, частичкой которой однажды стала. В этой системе ей до всего есть дело! Будучи совестливым и справедливым человеком, она чувствует свою сопричастность ко всем важным заповедным делам и проблемам. Что-то в системе делается не так — ей обидно. Дошло где-то дело до нарушения закона — ей стыдно за систему. Все это в сумме и можно назвать сопричастной ответственностью. По своей сути Наталья Марченко — человек идеального общества, а не такого, где каждый по себе и за себя.

Казалось бы, ну какое ей дело до чьих-то не востребуемых архивов? Ан нет, для нее это очень важный вопрос заповедной деятельности.

«Сохранность личных архивов тех сотрудников заповедников, кто собирается выходить или уже вышел на пенсию, — это проблема. Далеко не все накопленные

материалы сдаются ими в архивы заповедников, и далеко не все заповедники гарантируют сохранность этих материалов. В результате из научного оборота оказываются выведенными научные материалы, на сбор которых иногда уходили годы работы и которые невозможны, поскольку отражают природную ситуацию тех лет, когда они собирались. К тому же воспоминания тех, кто работал в заповедниках в разное время, ничем заменить нельзя. Рассказы этих людей дополнили бы наши знания о том времени, когда они трудились в нашей системе.

Задача формирования собственных архивов старым заповедникам не ставилась. Например, в Хоперском заповеднике первичные научные материалы и отчеты сотрудников за предвоенные годы практически не сохранились, поскольку Комитет по заповедникам требовал все отправлять в Москву. Приходя на работу в заповедник, каждое поколение начинает с чистого листа, не имея возможности опереться на то, что оставлено старшим поколением. Важны ли накопившиеся в заповеднике документы, зачастую решают люди, мало в этом разбирающиеся, часто ассоциирующие «старое» с «ненужным». Скорости, с которыми мы теряем все, что касается истории заповедников, заставляют торопиться с поисками решения».

Или, скажем, где Марченко, а где финансирование заповедной науки и ее перспективы в целом? Но, оказывается, мнение нашей героини и в общем теоретическом поле вовсе не выглядит неким инородным пятном!

«Инвестиционная политика относительно заповедной науки никогда не будет проводиться для каждого заповедника в отдельности. Здесь на первый план должен выступить общий для всей заповедной системы инвестиционный фонд, который объединит усилия заповедников в этом направлении. Но работа этого фонда будет целесообразной при едином понимании и направленности научных исследований во всех заповедниках.

Управление научной деятельностью заповедников потеряно. Теоретические работы в области заповедного дела как не велись, так и не ведутся. А ведь оценить деятельность того или иного заповедника, не имея теоретической основы, невозможно! Мы имеем дело с сотней отдельных заповедников, не связанных друг с другом и потому совершенно незащищенных перед попытками любого воздействия на них. Начинать надо с выработки единого мнения и единых подходов по основным вопросам деятельности ООПТ...»

Работая на своем заповедно-научном поприще с максимальным коэффициентом отдачи, Наталья Федоровна не «молчит в тряпочку», реализуя право умных сотрудников на самоопределение собственных мыслей! Она будоражит своих коллег и общественность неудобными вопросами, а также печатными заявлениями типа: «Идея о невозможности влияния отдельного сотрудника на процесс формирования заповедников как научно-исследовательских учреждений — это фиговый листочек, которым мы прикрываем срам своей трусости, лени и конформизма».

Таким, как Марченко, награды особо и не нужны, поскольку они привыкли вкалывать за идею, даже не обращая внимания на то, что эта идея все чаще дискредитируется самым явственным образом.

О сокровенном, или крепкий тыл на личном фронте

Когда говорят о чьей-то личной жизни, то почему-то частенько применяют фразы с использованием таких далеко не мирных слов, как «тыл» и «личный фронт». Почему в семейный быт вошли выражения, напоминающие

Александр Золотарев, 2000 г.

театр военных действий, трудно объяснить, но если говорить о судьбе нашей героини, то в ней никогда не было ничего, что напоминало бы фронттовую обстановку. *«Что касается семейных отношений, то мы с мужем счастливо прожили чуть больше 40 лет. Нам всегда было интересно друг с другом, мы всегда все делали вместе. Мы ни разу не ругались — в это никто не верит, ссылаясь на то, что «в семье всякое бывает», но у нас этого «всякого» не было».*

Судьба мужа нашей героини, Александра Андреевича Золотарева, довольно необычна: он стал авторитетным заповедным орнитологом, будучи местным жителем. Для системы характерен другой расклад: родился в одном месте, учился в другом, а служить довелось в заповеднике, расположенном в третьем месте. Для Золотарева все его звезды сошлись на участке неба над Воронежской областью.

Родился он в 1948 году в селе Русаново Новохоперского района, в семье коренных новохоперцев. Вырос в селе Алферовка, расположенном на правом берегу Хопра, на границе с заповедником. Среднюю школу закончил в Новохоперске, после школы служил срочную службу в десантных войсках. Затем вернулся в Алферовку и устроился на работу в Хоперский заповедник помощником лесничего. Параллельно поступил на заочное отделение биофака Воронежского госуниверситета. Учиться на очном отделении не получалось: мать к тому времени серьезно болела, и за ней нужен был уход.

Наталья Федоровна познакомилась с ним в 1972 году, вскоре после распределения в Хоперский заповедник. В этом же году

Золотарев ненадолго уехал работать в Окский заповедник, а после его возвращения в Хоперский заповедник в 1974 году они поженились.

Учась в Воронежском государственном университете (ВГУ), Александр Андреевич всерьез заинтересовался связью сообщества птиц с условиями их местообитания. На эту тему была и его дипломная работа. По окончании ВГУ Золотарев, будучи младшим научным сотрудником, в составе небольшой группы обитания выхухоли. Материала было собрано много, но до серьезной обработки дело не дошло: компьютеров в ту пору не было и в помине, а вручную делать это было непродуктивно. Группа распалась.

Золотарев продолжил изучать пернатое население заповедной территории и знал его досконально. Он не без оснований считал, что заповедник — рай для орнитологов, и его любимым рабочим занятием были полевые наблюдения за птицами. А дело это не такое простое и легкое, как может показаться на первый взгляд. Рассказывает супруга:

«На полевые наблюдения орнитологи ходят ранним утром, с восходом солнца. Очень важно, чтобы наблюдатель имел хороший слух: птиц считают по звуку, по песне. Саша был замечательным слушателем, он был способен различить голос любой птицы — не только вида, но и подвиды, то есть не просто по пению, а по его оттенку.

Наблюдения — лошадиная работа! Встал до рассвета, напетлял по пробной площади, которую сам же нашел и разметил, много километров, и от птичьего пения, от напряжения в голове уже звенит. С

таких наблюдений придешь — и ложишься трупом».

Многолетняя напряженная работа не замедлила сказаться на здоровье Александра Андреевича. Частыми стали головные боли, возникли проблемы со зрением. После курса лечения и отдыха наступила ремиссия, но, к сожалению, период улучшения продолжался лишь несколько лет. Затем та же болезнь дала знать о себе уже более серьезными симптомами. В 1985 году врачи поставили страшный диагноз: рассеянный склероз.

Александр Андреевич не сдался — он еще мог самостоятельно передвигаться и потому продолжал научную работу. Обработав собранные материалы, он подготовил кандидатскую диссертацию и в 1990 году блестяще защитился по теме «Птицы Хоперского заповедника и сопредельных территорий: видовой состав, численность и экология сообществ». В общей сложности срок его активной работы в заповеднике составил 20 лет, так что исходных материалов для диссертации было более чем достаточно.

Однако состояние здоровья Золотарева продолжало ухудшаться, и в 1991 году он был вынужден выйти на пенсию по инвалидности. При этом через силу продолжал работу. В 1998 году Александр Андреевич свои материалы отправил на конкурс научно-исследовательских работ в области экологии, который был объявлен Фондом МакАртуров, и вошел в число победителей конкурса. Ему был присужден грант для продолжения исследований. Увы, более чем грозный диагноз никто не отменял, и с 2000 года Александр Андреевич уже не мог вставать с инвалидного кресла и с постели.

Быть может, окончательная развязка наступила бы гораздо скорее, если бы не забота любящей семьи и моральная поддержка друзей и коллег. Воронежские заповедные ученые А. Нумеров, П. Венгеров, Б. Ромашов, А. Масалыкин и другие заходили в гости к захворавшему коллеге, делились заповедными новостями, обсуждали профессиональные проблемы. Они поддерживали в коллеге уверенность, что он непременно встанет и опять займется любимой заповедной наукой.

Беспощадный диагноз, к сожалению, надежд не оставлял, и наш больной прекрасно это знал. Нужно иметь огромное мужество и силу воли, чтобы при таких обстоятельствах не просто не озлобиться и не потерять надежду, но еще и продолжать заниматься любимой работой.

В 2002 году, номинированный «братьями-орнитологами», А. А. Золотарев «за личное мужество, проявленное в области охраны живой природы, и большой вклад в изучение птиц» был удостоен международной премии Эндрю Сэйбина — редкой награды, лауреатов которой в России можно по пальцам пересчитать. Это была мощная поддержка, причем не столько материальная, сколько моральная. Но, как бы там ни было, в 2015 году Александр Андреевич Золотарев ушел из жизни.

«Я к вам пишу, чего же боле?»

Село Варварино считается столицей Хоперского заповедника, поскольку здесь расположена его центральная усадьба. Девять десятков дворов села раскинулись на берегу

озера Большое Голое, что протокой соединяется с Хопром. С одного бока село соседствует с заповедником, с другого подпирается сосновыми посадками Новохоперского мехлесхоза. До ближайшей цивилизации в виде райцентра Новохоперска — несколько десятков километров.

Любая деревня живет достаточно серо. Как говорила Гапуся в фильме «Свадьба в Малиновке», «ничего у нас не бывает! Одна только скука». Оно и понятно — дел у каждого деревенского жителя много, празднично шататься просто некогда. Тем не менее деревенские жители, под стать горожанам, порою просят хлеба и зрелищ. Хлеб растет на полях, а зрелища — где же их, разноцветных, в деревне-то взять?

«Однако бороться со скукой все равно надо!» — решила однажды Наталья Федоровна и придумала сельскую газету. Да не простую газету, а для своих односельчан! Подзаголовок газеты так и гласит: «Ежеквартальная газета села Варварино». А название — как у серьезной газеты большого города: «Варваринский вестник».

Свою идею о выпуске газеты наша героиня понесла в дирекцию заповедника, но услышала привычное: денег нет, да и особой нужды в газете тоже нет. Подумала себе: ладно, как говорил незабвенный Владимир Ильич, «мы пойдем другим путем». Подала заявку на грант в американский Фонд МакАртуров, и хоть иноземцами, но была-таки услышана — искомые денежки были выделены. Работники руководящего звена заповедника тут же возопили: да ведь совсем не так надо делать газету и не о том в ней писать!

Наталья Федоровна с достоинством ответила: а вот теперь не ваше начальственное дело — наблюдайте со стороны, издавайте свою газету, а лично я буду свою линию гнуть. Так и гнула она эту линию — в свободное от работы время, во имя и на благо односельчан. При этом — прошу заметить — заповедник так ничего другого издавать и не стал. А газета ведь оказалась очень даже не лишней, хотя бы в смысле выстраивания отношений с местным населением!

М. Мокеева (Ахвердова): *«Наталью всегда отличала способность не только решать очерченный круг задач, но и находить все новые и новые задачи и проблемы. Выпуск газеты для жителей села — вот где в полной мере развернулся ее человеческий талант, интерес к людям и истории. Сколько сил было потрачено, чтобы убедить людей в том, что им нужна их история, что они могут быть интересны друг другу, что их дети должны знать о своих корнях. Так появилась газета для варваринцев и о них самих, которая, в том числе, знакомила население с повседневными делами и научными задачами заповедника, способствуя воспитанию экологического сознания. Между прочим, Наташа не только собирала материал, проводя опросы жителей и изучая историю края, — она эту газету сама верстала и печатала на компьютере. Глядя на Наташу, я понимаю, что заповедники всегда держались именно на таких людях-подвижниках».*

Удивительно вот какое странное обстоятельство. В каждом выпуске газеты было изрядно материалов о деятельнос-

Пресс-конференция по выхухоли, г. Воронеж, 2012 г.

ти заповедника, и под многими такими материалами стояли подписи руководителей заповедника. Несмотря на это, заповедник так и не отважился хоть чем-нибудь помочь газете. Даже напротив — запретил эту газету размножать на собственных технических устройствах. Мол, твоя инициатива — сама и выкручивайся, коллега. Вредничали заповедные руководители, как могли. Однако при этом в своих отчетах перед вышестоящими органами регулярно писали: мы, Хоперский заповедник, издаем свою (!) газету «Варваринский вестник».

О чем писала газета? О многом понемногу: «А вы слышали, что...» — коротко о главных событиях в жизни села. Статья заместителя директора Хоперского заповедника по охране А. В. Задорожного о работе отдела охраны заповедника. «Зачем?» — размышления по поводу уничтожения сада близ вивария. «Хоперский заповедник от А до Я» — подборка интересных сведений из жизни заповедника. Демографическая справка по Варварино. «В гостях у бабушки» — рассказ об убранстве типичной сельской хаты в прошлом. Поздравления односельчан с

На экскурсии в Музее природы

индивидуальными праздниками. «Шуточки» и «Кудрявые мысли». Газета с фотографиями, с заставками и прочими необходимыми атрибутами.

«Варваринский вестник» никогда не тяготел к гигантизму. Выходил ежеквартально, в черно-белом варианте, печатался в Новохоперске (не ближний свет, надо заметить!) на обычном платном принтере тиражом 100 экземпляров. Да больше и не нужно в наши дни! Это ведь до войны в селе Варварино проживало около пятисот человек, а теперь его население составляет лишь 160 человек, больше половины из которых пенсионеры.

О заповеднике газета повествовала с необходимыми подробностями, но его рекламы редактор сознательно не допускала.

На просторах Интернета я нашел впечатления одной туристки от посещения Варварино, в которых приводятся слова нашей героини, получившие красивый заголовок «Монолог Натальи Федоровны».

«Если мы разрекламируем заповедник и создадим условия, посетители, конечно, придут. Но вы же знаете наших людей — их не остановит ничто! И от заповедника

ничего не останется. Выухоль исчезнет, высшая водная растительность уйдет, равновесие нарушится. А заповедник — лаборатория природы. Никакое внешнее воздействие не должно влиять на развитие процесса. Заповедная зона — грань между природой, как она есть, и искусственной жизнью, созданием цивилизации — тонка и хрупка. Если мы ее уничтожим, нам негде будет черпать знания о том, как могло бы быть, если бы человек не испортил то, что было до него». Хорошее, кстати, резюме для разговора о том, кто кому больше нужен — заповедник туризму или туризм заповеднику!

Слухами, как говорится, земля полнится, и о необычном сельском средстве массовой информации в 2003 году написала московская газета «Русский курьер»: «Голубая и нереальная мечта всех издателей мира — чтобы их печатную продукцию ждали и читали в каждом доме. Так вот, «Варваринский вестник» получают в каждой хате хоперского села, и, таким образом, весь тираж в сто экземпляров зачитывается до дыр. Поскольку все в мире относительно и познается в сравнении, то можно смело утверждать, что в Варварино издается самая читаемая газета в России!»

Выделенные иностранцами деньги вскоре закончились, и газета стала «влачить». В смысле, вести не самое достойное существование. Увы, но это в нашем государстве в порядке вещей. Некоторое время «Вестник» еще продолжал выходить благодаря помощи нескольких частных лиц из разных городов России, но и эта финансовая струйка скоро иссякла. Всего на протяжении девяти лет

нашей героине удалось сделать 36 выпусков «Варваринского вестника».

Весьма любопытными для заповедного сообщества можно считать выводы, которые Наталья Марченко сделала по окончании своего сельского проекта: «В 2001–2002 годах я делала по гранту одну работу — «Сельская община и природный резерват: история взаимоотношений, современные тенденции и перспективы на будущее». То есть изучала сельское сообщество Варварино и его взаимоотношение с заповедником. Результаты получились весьма любопытными. Оказалось, что при достаточно долгом сосуществовании сельское поселение и заповедник становятся взаимосвязанными и взаимозависимыми и представляют собой части единой социо-экосистемы. Удалось показать стабилизирующее влияние заповедника на демографические показатели Варварино, повышение уровня образования и занятости населения, увеличение среди работающих доли квалифицированных работников, расширение профессионального спектра, возрастание роли женщин в сообществе. Кроме того, отмечено увеличение продолжительности жизни по сравнению как с соседним селом, так и с показателями по России в целом, и более низкий, чем в России, уровень заболеваемости. Правда, и социум оказывает на природно-заповедный фонд сильное, но пока обратимое влияние.

Нет слов, газета была замечательным способом общения с жителями села, и мне было интересно ее делать. До сих пор жалею, что пришлось прекратить ее выпуск».

Сухой остаток, или Жизнь продолжается!

Построить дом, посадить дерево, вырастить сына. Безвременно ушедший Александр Андреевич оставил после себя не только многочисленные труды, в том числе и немалое количество материалов, еще подлежащих серьезной обработке.

В 1976 году у них с Натальей Федоровной родилась дочь Анна, а в 1980 году — сын Максим. Примечательно, что дочь, продолжая заповедное дело родителей, сегодня работает в отделе экологического просвещения того же Хоперского заповедника, в котором она выросла. Чем не начало очередной династии? Сын выбрал иную дорогу. В 2007 году он переехал на родину своей жены, в Новороссийск, и уже там, работая в порту, закончил политехнический институт.

А у Натальи Федоровны жизнь течет почти как прежде. Разве что пенсию она себе оформила, но при этом, как ни в чем не бывало, продолжает трудиться в заповеднике. Ведь ни ее саму, ни ее коллег, пребывающих в том же, мягко говоря, зрелом возрасте, пока заменить просто некому. И когда достойная замена поспеет — Бог весть.

«А в общем есть ли ощущение, что огромный кусок жизни, а фактически — вся жизнь, проведенная в заповеднике, прожита правильно, то есть не зря?» — спросил я Наталью Федоровну, готовя этот очерк.

Ее ответ был продуманным, но отнюдь не пространным: «В целом я могу оценить свою жизнь как счастливую. Все отпущенные мне годы я занималась любимой работой и делала

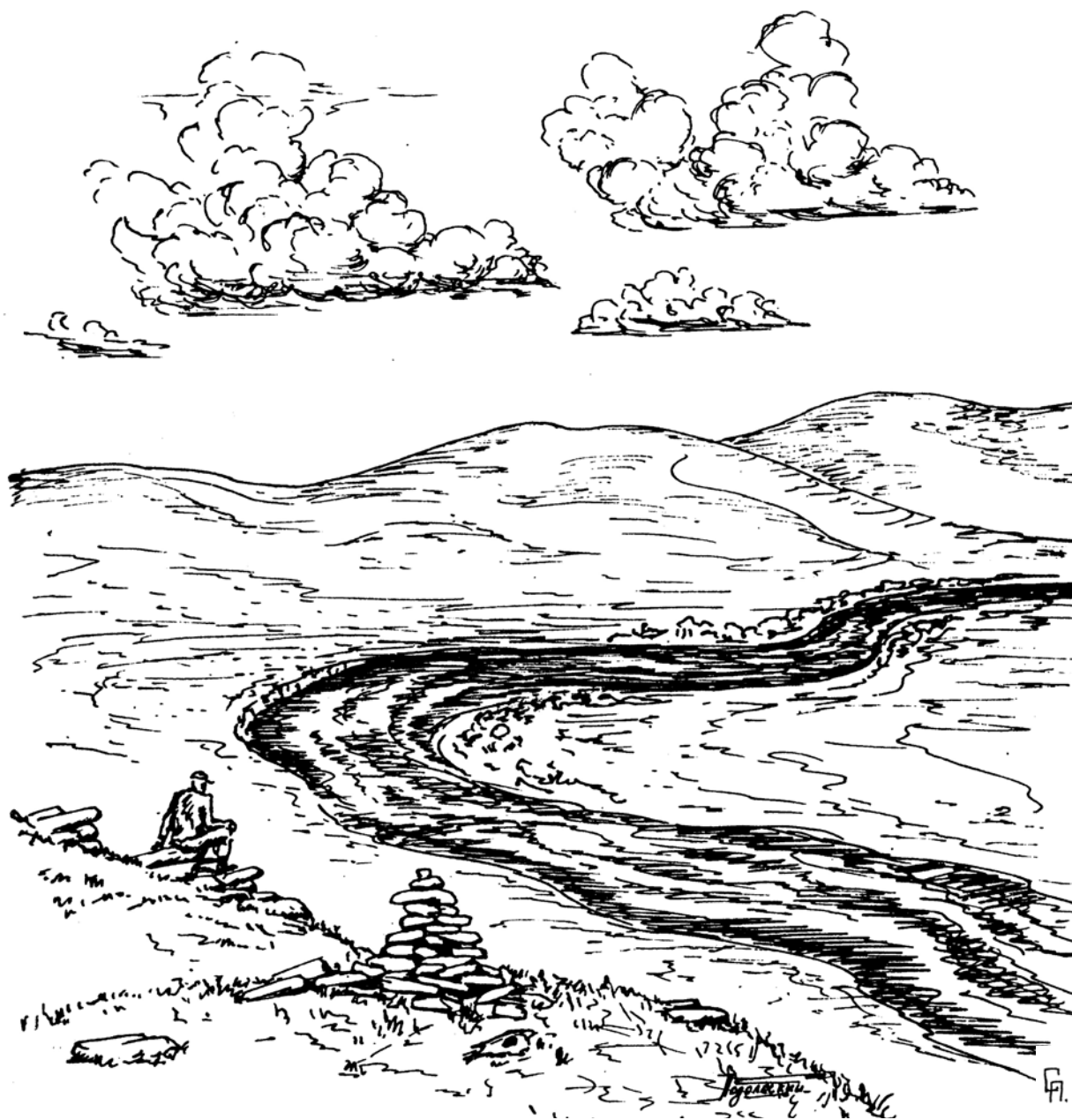
только то, что мне было интересно. Меня обожал муж, и я его нежно любила. У нас с ним прекрасные дети и внуки. Есть дом, где я живу и который очень люблю. Разве этого мало? Многие ли люди могут сказать то же самое о себе? Так что никакого сожаления нет».

Все, о чем мы рассказали, составляет только часть полезной, интересной и многогранной жизни Натальи Федоровны Марченко. Так пусть же не иссякают ее полезные инициативы и мудрые мысли. Пусть по-прежнему будет у нее много друзей и единомышленников. И пусть каждодневно будет у нее хорошее настроение — верный индикатор того, что жизнь — в порядке!

Евгений Богданов

— ОХРАНА ПРИРОДЫ С ГЕОЛОГИЧЕСКИМ УКЛОНОМ —

Валерий Новиков

Каждый человек поднимается к своей вершине по собственному пути. Одних обязывает «семейная профессия», предлагая проверенные горизонты. Для других счастливо складываются обстоятель-

ства — как говорят, повезло. Валерий Петрович Новиков, директор национального парка «Угра» с момента его основания в 1997 году и вплоть до 2013 года, относится к людям, которых по-английски называют self-made-

man — «человек, который сделал себя сам». Да, он всегда с уважением относился к советам других, даже очень близких ему людей, но при этом все же поступал только так, как считал нужным. Потому что, используя терминологию летчиков, в жизни он всегда был не ведомым, а ведущим. Да по-другому и быть не могло, учитывая несомненные лидерские качества и перспективное мышление Валерия Петровича!

В глубины земли с отвлечением на звезды

Валера Новиков, появившийся на свет в июне 1946 года в Украине, все же своей родиной считает Калужскую область. Учился он в одной из средних школ славного города Калуги и, безусловно, как личность начал формироваться именно на калужской земле. Валера очень хорошо учился. Да и со школой ему повезло — в ней работали опытные и сильные учителя, которые не только передали школьнику необходимые знания, но и научили достойному отношению к жизни.

Тогда Валере пришлось по душе походы на природу, которые позволяли лучше узнать родной край и крепко его полюбить. Он не только расширял свои географические и краеведческие познания, но и вместе с одноклассниками участвовал в раскопках древней калужской земли. Правда, больше мальчика занимали не находки, а среда, в которой они были сокрыты. То есть уже тогда на подсознательном уровне школьник отдавал предпочтение геологии перед археологией. Сколько было любопытных находок и нежи-

На съёмках фильма «Дорога к звёздам». 1958 г.
Валерий Новиков - слева

данных открытий — пусть и не мирового масштаба, но ведь в молодости все мы вновь открываем для себя уже давным-давно открытое другими, и это становится импульсом для нашего развития, для появления в жизни новых горизонтов.

Забегая вперед, отметим, что любовь ко всему связанному с геологией наш герой пронесет через всю свою жизнь. Не станем утверждать, что эта профессиональная любовь была главной в его судьбе, — в 80-х годах в Таджикистане Валерий влился в природоохранное движение, которое уже не отпустило его. Так что давайте условно считать, что у Валерия Петровича было в жизни два глобальных увлечения, ставших на разных этапах его профессией: геология и охрана природы.

Калужская область условно считается колыбелью космонавтики — этот регион был родным для Константина Циолковского. Пятиклассника Валеру Новикова киношники выбрали для участия в фильме «Полет к звездам», в котором Валера сыграл роль основателя космической феерии, когда тот еще был подростком. Есть там такой эпизод:

Семья в дворовом интерьере. Один из них - Валерий Новиков

маленький мальчик сидит на берегу реки и мечтает о далеких мирах — это и был Валера. Участие в фильме принесло не только первую славу, но и первый гонорар. На эти деньги родители купили Валере велосипед — предел мечтаний юного путешественника, краеведа и археолога. Как ни парадоксально, но «космическая» роль устремленного к звездам человека вовсе не вызвала у Валеры интерес, скажем, к астрономии или летному делу, а то и космонавтике — напротив, он все свои устремления по-прежнему направлял в противоположном

Школьный преподаватель Лидия Шевченко. У неё в своё время учился Никита Хрущёв. Валерий Новиков - слева

Кто не служил, тот не поймёт душу солдата!

от неба направлении, то есть в глубины земли.

Начались велосипедные экскурсии с друзьями, и это позволило значительно расширить географию странствий. Постепенно иные маршруты стали дотягиваться уже до неблизких Карпат. На дорогу ребята зарабатывали сами. Собирали, к примеру, раковины-перловицы и ведрами сдавали их в приемные пункты (тогда эти раковины шли на изготовление пуговиц).

Так постепенно крепла вера в себя и свои силы. Строгость к себе, требовательность как черту характера Валера получил от отца, который долгие годы служил в армии. Отца, как и деда, на калужской земле хорошо знали и уважали. Ну а от мамы, очевидно, к Валерию перешли аккуратность и щепетильность в делах.

В 1964 году Валера завершил общее среднее образование и, в отличие от многих сверстников, долго не раздумывал о будущей профессии: без колебаний решил, что будет геологом. Правда, родители, особенно мама, представляли будущее сына иначе — видимо, семейные традиции требовали более

обеспеченного существования и престижной профессии. И здесь, как говорится, нашла коса на камень. Наперекор родителям (в буквальном смысле слова: наш герой спустился по веревке с четвертого этажа, чтобы свои планы претворить в жизнь!) Валера уехал в столицу и поступил в Московский геологоразведочный институт (МГРИ). Его увлекала история Земли, и специальностью юноша он избрал литологию. На долгие годы главной путеводной звездой для Валерия Новикова стал известный советский ученый профессор С. В. Тихомиров.

К тому времени при МГРИ был организован так называемый школьный факультет, и в скором времени, во многом неожиданно для самого себя, Валерий Петрович стал его деканом. Началась педагогическая практика нашего героя, которая успешно длится до сих пор, так что, вероятно, профессию учителя вполне можно считать его третьей основной жизненной профессией.

Отметим, что в стенах МГРИ Новикова с благодарностью и любовью вспоминают до сих пор.

Таджикский период: время познания и разочарования

По окончании МГРИ в 1970 году была обязательная служба в армии, а уж затем, в начале тех же 70-х годов, Новиков распределился в Душанбе, в Институт геологии Академии наук Таджикской ССР. Более 20 лет он проводил исследования на Памире и Тянь-Шане, участвовал в экспедициях по Закарпатыю, Закав-

казью и Приуралью, а также в Каракорум и Гиндукуш. В 1980 году стал кандидатом геолого-минералогических наук, а в период с 1985 по 1991 год был заместителем директора по науке упомянутого Института геологии.

«По образованию я совсем не природоохранник. Более того: я принадлежу к той профессии, которая вынуждена разрушать природу. Минеральные богатства есть основа любой экономики, после изысканий геологов за ними идут горняки, которые роют карьеры и сооружают шахты, попутно обезображивая ландшафты. В первые десять лет своей профессиональной деятельности я занимался только геологией и об охране природы как-то даже и не задумывался. Напротив: я искренне радовался, что занимаюсь тем делом, которое мне по сердцу; я чувствовал себя на этом поприще очень уверенно и смотрел в будущее только с позиции геологии».

Основные научные интересы Новикова были связаны с палеогеографией позднего палеозоя и раннего мезозоя Альпийско-Гималайского пояса (в частности палеоокеана Тетис и прилегающих к нему частей праматериков Гондвана и Лавразия). За время работы по своей основной специальности ученый написал более 200 научных работ по стратиграфии, литологии и палеогеографии, истории естественнонаучных знаний и геолого-археологическим исследованиям в Средней Азии. Круг его научных интересов всегда был чрезвычайно широким. Обязательным элементом таджикского периода жизни Новикова было постоянное участие в самых солидных конференциях и симпозиумах, а также сбор материалов для докторс-

Обсидиановая жила... Вы даже не знаете, что это для геолога! 2016 г., Армения

кой диссертации, которую он решил посвятить любимой теме, касающейся палеоокеана Тетис.

Кроме сугубо научной работы, в свободное от институтской деятельности время он «для души» вел геологический кружок в душанбинском Доме пионеров. В этот период при непосредственном участии Новикова при Академии наук Таджикистана для «юношей, обдумывающих житье» была создана Малая Академия наук, по своей сути очень напоминавшая школьный факультет МГРИ, так хорошо знакомый нашему герою. Ну а по выходным дням Валерий Петрович ввел в практику поездки на различные памятники природы Таджикистана: делал их научное описание, составлял перечни.

Постепенно Новиков почувствовал интерес к истории местных природных достопримечательностей и, как итог, вышла в свет книга «Каменное чудо Таджикистана», идея и основное авторство которой принадлежали ему — Валерию Новикову. Если литология для Валерия Петровича стала к тому времени профессией и делом всей жизни, то памятники природы были долгосрочным увлечением — как оказалось позже, увлечением, не таким уж бесполезным для его хозяина и для природы.

«Я стал интересоваться разными уникальными явлениями, которые происходят в неживой природе, — карстовыми процессами, вулканизмом, угольными пожарами, следами динозавров и так далее. То есть меня увлекла геологическая экзоти-

ка. Занятия палеогеографией привели меня на Памир, где сошлись куски праматериков Лавразия (Северный Памир) и Гондвана (Южный Памир) — берегов палеоокеана Тетис. Такого нигде в мире более нет! Я как бы сравнивал, что происходило в далекие времена на разных берегах океана, рисовал эти процессы. Романтика, творчество!»

Словосочетание «национальный парк» в СССР начала 80-х было в природоохранной среде, что называется, на слуху, и вообще особо охраняемым природным территориям в ту пору в нашей стране начали уделять гораздо больше внимания, нежели прежде.

Валерий Петрович по ходу своих таджикских экспедиций постепенно влился в местное природоохранное движение и, во многом неожиданно для себя, в дополнение ко всем своим многочисленным научным занятиям в институте и преподавательской деятельности в Доме пионеров и на школьном факультете, занялся проектированием и организацией охраняемых природных территорий Таджикистана. Это занятие не было простым хобби: вскоре при активном участии Новикова был образован Ширкентский историко-природный парк (идея его создания целиком и полностью принадлежит Валерию Петровичу), а чуть позже — Памирский национальный парк, который еще называли «Терескеновым раем». Что касается Ширкентского ИПП, то в нем в 1990–1991 годах Новиков даже был заместителем директора по научной части. Конечно, по совместительству с основной работой в Институте геологии, которую он высоко ценил и ставил превыше всего.

Заместитель директора по науке Института геологии АР Таджикской ССР. 1985 г.

«Расплываясь» на всякую экзотику, я постепенно стал понимать, что все это непременно нужно охранять. К этой мысли меня подтолкнул великий палеогеограф и палеоэколог Роман Федорович Геккер. Вообще я в своей профессии встретил много мудрых учителей! В одной из своих книжек Геккер высказал совершенно замечательную мысль о том, что если бы не нашлись люди, которые сохранили для человечества найденные однажды уникальные древние окаменелости, из нашей общей истории выпали бы важнейшие страницы. То есть, по его мнению, эти люди совершили для потомков настоящий подвиг! Прочитав эту книгу и ей подобные, я примерно начал понимать, что важны не только природные явления и процессы, но

и охрана свидетельств о них. Я понял, что это именно то достояние, которое однажды может исчезнуть — и тогда все...»

Когда рухнул Советский Союз, русские на фоне вспыхнувшего национального движения оказались в Таджикистане совершенно нежелательными инородцами, хотя еще вчера они пользовались всеобщим уважением. В корне поменялось отношение союзных республик к России — словом, межнациональная любовь кончилась. К тому же в Таджикистане начались боевые действия, всегда непредсказуемые.

«Развал Советского Союза помешал мне объять палеогеографию в том объеме, в котором хотелось. Подробно я планировал заняться этим в недалеком будущем, этой теме была бы посвящена докторская диссертация, которую я усиленно готовил. Однако вначале наступила перестройка, перепутавшая всё и вся, а потом республики начали отделяться друг от друга; эта надуманная «независимость» принесла много невзгод, и на их фоне я вынужден был отказаться от задуманного. Некоторое время я сильно переживал по этому поводу».

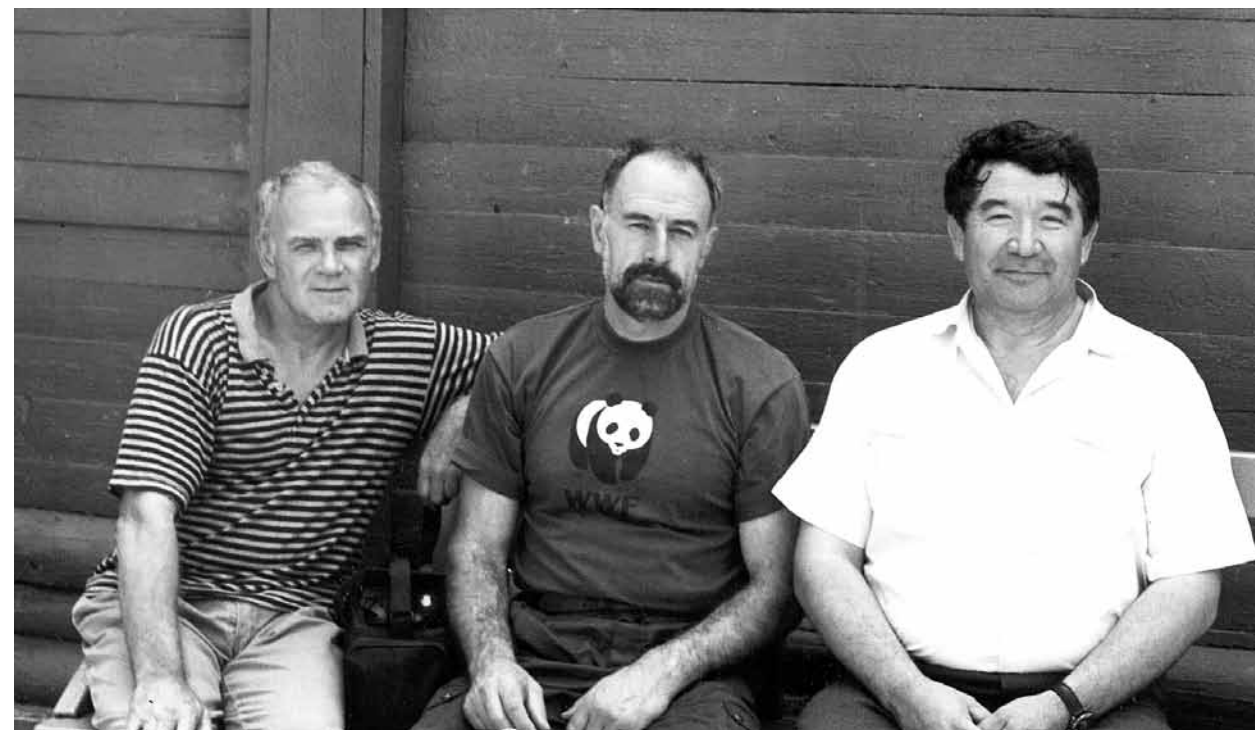
Новиковы мужественно держались до последнего момента, но, когда обстановка накалилась до предела, перед ними, как и перед другими русскими семьями, жившими в уже бывшей Таджикской ССР, на первый план выдвинулась совершенно иная задача, далекая от какой бы то ни было серьезной науки. Думалось: как бы вообще отсюда унести ноги и благополучно добраться до России! Денег, которые кое-как удалось выручить от продажи трехкомнатной квартиры, едва

хватило на то, чтобы заказать пару контейнеров для перевозки домашних вещей. В Россию Новиковы отправились нищими, а ведь ехать пришлось целым табором: Валерий Петрович навсегда увозил из страны, ставшей чужой, не только жену и ребенка, но и тещу.

В новой России

«Я очень хотел заниматься геологией и дальше, и, когда обстоятельства заставили меня с семьей переехать из Таджикистана в Россию, я метался и искал подходящие варианты. Предложений было много. Мне, например, предлагали кафедру геологии в Университете дружбы народов, престижную работу в ряде других вузов. Но... жить по-прежнему было негде, потому что квартиры «в одном флаконе» с работой не предлагал никто. Было и еще одно профессиональное обстоятельство, способствовавшее тому, что я вдруг решил обратить свое внимание в сторону, противоположную своей профессии. Дело в том что геологи обычно прирастают к тем регионам, где они длительное время работали. Я не очень хорошо знаю геологию Русской платформы, потому что я здесь никогда не работал. Моя вотчина — Средняя Азия, и, при возможности, даже живя здесь, в России, мне бы хотелось выезжать туда и там работать. Так, кстати, многие делали. Я мечтал именно о таком продолжении своего пути в геологии. Но, увы, не сложилось».

Новая Россия началась для Валерия Новикова в 1992 году с Водлозерского национального парка, где ему предложили занять уже знако-

С коллегами - директорами ООПТ Юрием Горшковым и Вильнюсом Хисамовым, где-то в Татарстане

мую и привычную для него должность заместителя директора по науке.

«Мне пришлось на фоне личной профессиональной трагедии круто переложить руль и направить свой жизненный вектор на тот курс, который еще в Таджикистане был отчасти обозначен моими параллельными интересами к ООПТ. Сыграл свою роль и телефонный разговор с В. Б. Степанищевым. Он узнал обо мне через наших общих знакомых и позвонил, когда я еще работал в Душанбе. Конечно же, его интересовала вовсе не геология, а моя предрасположенность к созданию охраняемых природных территорий. Уже зная о том, что я с семьей в скором времени собираюсь переехать в Россию, он предложил мне продолжить деятельность на природоохранном поприще, создавая новые ООПТ уже в России.

Помню, что тогда я ответил уклончиво: мол, все может быть, надо подумать. Тогда он конкретизировал. Вот, дескать, в Карелии только что создан новый национальный парк, и там надо поставить на ноги науку, то есть организовать процесс, уже в достаточной степени мне знакомый. Я поблагодарил за предложение, но до принятия окончательного решения посчитал нужным лично оценить обстановку на месте.

Вскоре я поехал в Водлозерский НП, где познакомился с его директором Олегом Червяковым. Несмотря на то что этот человек с людьми сходилась трудно, он очень заинтересовался моей кандидатурой и стал меня уговаривать занять существующую вакансию. Даже показал мне срубы трех строящихся домов, пояснив: «Один из этих домов будет твоим!»

В Березинском заповеднике с Александром Кочергиным

Я, что совсем не удивительно, соблазнился и природой, и возможностями формирования научного отдела с нуля. Тем более что совсем рядом, в Петрозаводске, находился крупный филиал Российской академии наук!

И я, организовав временное жилье для семьи в Москве, отправился работать в Водлозерский НП. На первых порах жил непонятно где и непонятно как, но работал активно и с интересом, достаточно быстро организовав первые научные программы. Параллельно наладил контакты с упомянутым филиалом РАН».

Надо же было так случиться, что едва Валерий Петрович приступил к обязанностям в Карелии, как ему аукнулся Таджикистан — правда, теперь уже приятным образом!

В годы работы Новикова в Душанбе американцы из штата Колорадо заново открывали

С Мариной Кулешовой. 2007 г.

для себя Восток, для чего в течение двух лет привозили в Таджикистан своих специалистов и студентов. Там познакомились с Валерием Петровичем, и он произвел на них неизгладимое впечатление, и вот в 1992 году они разыскали Новикова в России и пригласили его приехать в Америку.

В 1993 году эта поездка состоялась. Зная, что Новиков причастен к созданию некоторых ООПТ Таджикистана и увлечен подобными идеями, ему захотели показать, что собой представляют национальные парки по-американски. Так и сложилась длительная стажировка, в течение которой Валерий Петрович времени зря не терял и успел ознакомиться с ООПТ двадцати (!) штатов центральной части США.

«Моя американская командировка-стажировка длилась чуть ли не полгода. Меня

официально пригласили в Колорадский университет, чтобы я рассказал там о следах динозавров в Средней Азии, поскольку эти вымершие исполины тоже входили в сферу моих научных интересов. А в Средней Азии таких мест насчитывается двенадцать, и в каждом я побывал, так что рассказать было о чем!

Конечно, без выгоды для себя американцы ничего не делают, и потому их потаенной мыслью было использовать меня вместе с моими связями для подготовки американской комплексной экспедиции по среднеазиатским динозавровым местам. Государственных секретов здесь не таилось, и я согласился помочь в организации такой экспедиции, но при этом поставил одно серьезное условие: половину времени, которое отведено мне на посещение Америки, мы должны посвятить экскурсиям по национальным паркам США, находящимся в доступной близости.

Они согласились и организовали для меня экскурсии, в ходе которых действительно показали мне много национальных парков, при этом параллельно изучая вместе со мной многочисленные следы динозавров. Для меня это была замечательная школа. Когда я вернулся из командировки в Россию, то понял, что попал на новое поле, достойное серьезного отношения и творчества, причем поле благодарное, и что в дальнейшем я на этом поле, по всей видимости, и останусь».

Интересно, что после стажировки Новиков вполне мог остаться за океаном навсегда, а позже даже вызвать туда семью — статус беженцев из Таджикистана позволял сделать это. Однако такая возможность нашего героя

не привлекла, и он вернулся в Водлозерье. Все это время его жена и сын буквально на птичьих правах жили в чужой квартире в Москве и постепенно приучали себя к мысли, что им вскоре придется ехать в северные леса.

И все же не зря своей малой родиной Новиков считал Калужскую область! Тамашние природоохранники вспомнили о своем блудном сыне в 1993 году, когда стала близка к реализации идея создать регионе национальный парк, который бы взял под охрану места, наиболее интересные в природном и историческом отношении. Валерия Петровича срочно выписали в Калугу и подключили к работе инициативной группы. Да что там, не просто подключили — занимаясь проектированием будущей охраняемой территории, он четыре года возглавлял временную дирекцию парка, аккумулирующую все предложения ученых, экологов и краеведов, а также осуществлявшую многоступенчатую процедуру согласования решений, поиск компромиссов и обретение союзников. По сути, Новиков делал львиную часть всей необходимой работы.

«В Калужскую область меня пригласил губернатор с подачи инициативной группы ученых, краеведов и региональных общественных деятелей в области охраны природы. Эта группа была организована в 1992 году, некоторые ее участники меня знали через общих знакомых и сочли, что мое участие в реализации задуманного проекта может принести реальную пользу. Помню, что после первого разговора я, будучи знакомым с опытом создания национальных парков в США, Таджикистане, Карелии, был категорически против создания национального

Речное умиротворение. Польша, 2011 г.

парка в Калужской области, тем более рядом с Калугой. Я тогда резко сказал что-то типа: «Да вы что, ребята, никакого национального парка здесь не будет, и быть в принципе не может, это бред сивой кобылы! Территория здесь освоена от и до!» А они ответили, что очень хотят, потому что есть что беречь. И они меня убедили до такой степени, что я буквально зубами вцепился в проект.

Парк создавался очень сложно, и несколько раз судьба нашей затеи висела на волоске. Чтобы спасти положение, я выходил на самые влиятельные структуры вплоть до администрации президента России. Поэто-

му тот факт, что национальный парк все же удалось создать, я считаю огромной победой».

Ключевую роль в создании парка сыграл В. В. Сударенков, тогда председатель Законодательного собрания Калужской области, а затем — губернатор этой же области. Уже позже этот патриот калужской земли, будучи членом Парламентской ассамблеи Европы и Федерального собрания РФ, продолжал искренне, как мог, поддерживать «свой» национальный парк.

Отрадно, что на родной земле семье Новиковых, не имевшей никакого вида на постоян-

ное место жительства в России, наконец-то была выделена долгожданная квартира. Образовался крепкий тыл, и можно было слегка перевести дух, чтобы с новыми силами погрузиться в новую, полезную и невероятно интересную работу.

Теперь, по прошествии почти двух десятков лет, без ложной скромности и с полной уверенностью можно сказать, что именно Валерий Петрович Новиков был одним из главных организаторов национального парка в Калужской области.

И все-таки даже в период напряженной работы по созданию и становлению национального парка Новиков не забыл своего увлечения педагогикой и с большой отдачей с 1994 по 2012 год был доцентом кафедры географии Калужского госпединститута, а затем — университета, где преподавал геологические дисциплины и рекреационную географию!

Вся наша жизнь — «Угра»!

Национальный парк «Угра» был создан в феврале 1997 года. Расположенный в долинах рек Угра, Жиздра и Ока на площади чуть меньше ста тысяч гектаров, этот парк имеет сложную конфигурацию. Он состоит из подпиряющих Калугу с юга и северо-запада трех кластерных участков — Угорского (долины Угры и приустьевые части ее основных притоков), Жиздринского (нижнее течение одноименной реки) и Воротынского (часть долины реки Высса до ее впадения в Оку). Леса покрывают территорию парка примерно на две трети.

Территория парка отмечена превосходным видовым разнообразием. Здесь произрастает свыше 1140 видов сосудистых растений; среди животных отмечено 32 вида рыб, 10 видов земноводных, 6 видов пресмыкающихся, 215 видов птиц и 53 вида млекопитающих. Относительно хорошая сохранность природных комплексов парка стала базисом для развития экологического просвещения и познавательного туризма.

Наряду с замечательной природой, одним из главных ресурсов парка считается историко-культурное наследие. На территории выявлено, в том числе уже в годы существования парка, около 400 (!) памятников археологии, архитектуры, этнографии, науки и техники, истории природопользования, военной истории и т.д. По количеству и разнообразию объектов культурного наследия, степени их сохранности и уникальности НП «Угра» является одной из ведущих ООПТ страны. Учитывая, что вокруг парка — сплошная зона хозяйственно освоенного центра Европейской России, НП «Угра» выглядит неким историко-культурным оазисом, причем расположен он в доступной близости к столице страны, и это значительно увеличивает востребованность его территории для посещения, отдыха и культурного просвещения.

Особую значимость придают парку широко известные сражения и битвы, а также исторические пограничные рубежи, связанные с его территорией. В 1480 году здесь произошло Великое стояние на Угре, в ходе которого ратники князя Ивана III противостояли сотысячному войску ордынца Ахмед-хана. В конечном итоге это привело к завершению татаро-

монгольского ига на Руси, что, в свою очередь, положило начало новой эпохе в истории независимого Московского государства. Вновь рубежом военного противостояния река Угра стала в 1942–1943 годах, когда на ее берегах завершилась Московская битва, и фронт остановился у хорошо укрепленной немецкой оборонительной линии «Угра — фронт».

Не менее важным направлением работы специалистов парка можно считать восстановление остатков угасших дворянских усадеб (на территории парка расположено 22 усадебных комплекса XVIII–XX веков), возрождение монастырских комплексов, объектов традиционной русской культуры, исторических городов.

Известный журналист и писатель Василий Песков писал о национальном парке «Угра»: *«По течению Угры расположен один из самых интересных национальных парков России, где следы истории сочетаются с красотой и богатством природы».*

Постепенно национальный парк «Угра» занял значимое, достойное место в экологическом каркасе Калужского региона и в его социально-политической структуре. Новиков, руководивший этим природоохранным учреждением с момента его образования по 2013 год, был инициатором разработки основных программ развития парка, одним из главных кураторов и исполнителей большинства проектов, реализованных парком в области историко-культурного наследия. Среди этих проектов хотелось бы выделить Программу изучения и восстановления старовозрастных широколиственных лесов бывшей Засечной черты (Козельские и Перемышльские засеки право-

бережья реки Жиздры), Программу изучения территории и событий Великого стояния на Угре 1480 года, Программу изучения и музеефикации наследия Великой Отечественной войны, Программу изучения и сохранения традиционной народной культуры и материальной культуры исчезнувших поселений и дворянских усадеб.

Одним из первых в отечественной заповедной системе Новиков способствовал внедрению концепции культурного ландшафта в практику управления национальным парком. Под его руководством собран и опубликован полный кадастр «Памятники истории и культуры национального парка «Угра» — одна из первых и немногих работ подобного рода в заповедной системе России.

Как член экспертного совета по ООПТ при Министерстве природных ресурсов и экологии РФ, Валерий Петрович является куратором историко-культурного направления. Занимаясь проблемами историко-культурного наследия на ООПТ России, он принимал участие в подготовке Методических рекомендаций по сохранению и использованию объектов культурного наследия на территории национальных парков и написании Руководства по выявлению и сохранению объектов культурного наследия.

Заметное имя в заветном деле

Для отечественной заповедной системы Валерий Петрович Новиков — это уже давно, окончательно и бесповоротно есть ИМЯ. Его авторитет незыблем. Глубокие

знания, умение работать лично и организовывать работу коллектива, четкое осознание главной цели и способность держать в поле зрения достойные внимания детали позволяют считать Валерия Новикова профессионалом высочайшего класса. Не забывая о науке, он участвует в массе интереснейших заповедных, краеведческих и природоохранных проектов. Он чрезвычайно коммуникабелен и со всеми легко находит общий язык. Он интеллигентен, дружелюбен и вежлив, воспитан и тактичен, внимателен и ненавязчив. Надежен в семье, в работе, в дружбе, в жизни.

Все, за что бы ни брался Валерий Петрович в своей не самой короткой, но очень насыщенной жизни, он делал обстоятельно, ярко и так, что это было интересно не только коллегам,

но и всем причастным людям, пусть даже и не всегда посвященным в профессиональные детали.

В начале сентября 2016 года Валерий Петрович Новиков отметил свое 70-летие. К этой дате в его жизни «накопилось» так много людей, которых он без колебаний относит к своим друзьям (это серьезный показатель успешности!), что праздничные застолья пришлось устраивать несколько раз — в Москве, в Калуге, в родном национальном парке и, конечно же, в кругу семьи.

После выхода на пенсию Валерий Петрович оставил директорский пост, но не любимую работу: в должности главного научного сотрудника он по-прежнему остается важнейшим консультантом по историко-культурному

На самом юге Африки. Дурбан

Валерий Новиков и Валерий Сударенков

наследию НП «Угра». Его огромный научный багаж и практический опыт, энергичность, авторитет и личная заинтересованность в делах не имеют себе равных.

Труд Новикова отмечен почетными грамотами и знаками губернатора Калужской области, Минприроды РФ и других ведомств; в 2006 году он был победителем ведомственного конкурса «Директор года», а в 2009 году — победителем Всероссийского проекта «Эффективное управление кадрами». Валерий Петрович награжден медалями «Патриот России» и «В память о народном ополчении», а в 2010 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный эколог Российской Федерации».

Он признан и как хороший популяризатор охраны природы. Например, около 15 лет Новиков — член редакционного совета Всероссийского журнала о природе (для семейного чтения) «Муравейник».

Подводя к своему 70-летию некоторые итоги, Валерий Петрович отважился на монолог, существенно дополняющий наше повествование:

«При всей серьезности отношения к работе в национальном парке геологию я не забываю. Преподаю в университете, изучаю

и описываю геологические диковины, обнаруженные в парке, — это для меня отдушина, ведь в этой области накоплено приличное количество знаний, тем более что я владею техникой соответствующих исследований.

К сожалению или к счастью, мое честолюбие имеет ограниченные параметры. Скорее, мне свойственно внутреннее честолюбие на уровне удовлетворения: поставил себе задачу, выполнил ее и сам этим вполне удовлетворен. Это является побудительным движением к дальнейшей активности в деле. То есть в моем случае речь идет о нормальном здоровом честолюбии. Скажем, в том же Таджикистане я сделал достаточное количество значимых научных публикаций, впервые описал полторы сотни памятников природы, создал Ширкентский региональный природный парк, и от этого объема законченной работы испытал удовольствие.

Продолжили ли дети мои дела? Скорее всего, этого уже не получится. Моя дочь закончила геологический факультет Московского госуниверситета, она подавала большие надежды как палеонтолог. Да, она пошла по моим стопам, работала на Памире, но в аспирантский период вышла замуж.

Время было сложное — середина 90-х годов, они с мужем жили впроголодь, перебивались случайными дополнительными заработками, например, кройкой и шитьем на заказ. То есть как-то все не заладилось. К этому времени моя первая жена уехала в Германию и затем стала перетаскивать туда же наших с ней детей. Вначале дочь, потом сына. Там они просто живут и относительно довольны этим. От них у меня есть три внука.

Сыновья от второй жены живут со мной. Старший занимается полиграфией, причем, несмотря на то что он самоучка, котируется в среде полиграфических специалистов достаточно высоко. Кстати, более двух третей всей печатной продукции, производимой национальным парком «Угра», готовит к печати именно он! Ну а младший, несмотря на то что я по возможности стараюсь брать его в поездки по ООПТ, относится к моему делу без должного интереса — слишком многое другое интересует его в современной жизни! Так что профессиональной преемственности семейных поколений мне сформировать не удалось.

Сейчас иногда слышу от коллег: система развивается не совсем правильно. А что значит правильно? Кто это предписал, указал, определил? Ведь главное, что система развивается, что она не деградирует! В сравнении с тем, что происходит с ООПТ в странах бывшего СССР, наша заповедная система находится в очень приличном состоянии!

Конечно, любое развитие не может быть абсолютно правильным. Применительно к нашей заповедной системе необходимо,

скажем, совершенствовать систему управления. Именно совершенствовать, а не усложнять! Я, например, против тиражируемых у нас в настоящее время объединенных дирекций ООПТ. В этом, вероятно, есть какие-то определенные выгоды, но, как мне кажется, минусов гораздо больше.

В любом случае радует тот факт, что система расширяется. Главное, чтобы у руля в стране и в регионах были люди, которые хотели бы, чтобы создаваемые вновь и уже существующие территории жили, развивались и процветали. Конечно, порою бывает очень трудно держать марку, но никто легкой жизни не обещал с самого начала. Нужно не конфликтовать, а выстраивать конструктивное сотрудничество, искать единомышленников, в первую очередь в регионах, и вместе с ними делать заповедную жизнь привлекательной — как для посетителей ООПТ, так и для их сотрудников.

Даже в 70-летнем возрасте я не представляю своей жизни без работы, без увлечений. Мне интересно жить, интересно работать, у меня много планов и немало недоделанных проектов по национальному парку «Угра». Я не хочу себя позиционировать как человека, без которого парку будет трудно. Вовсе нет. «А без меня и солнце б утром не вставало» — это про кого-то другого. Но если я нужен, если меня терпят, буду трудиться, пока позволит здоровье и иные обстоятельства».

Пожалуй, к сказанному Валерием Петровичем Новиковым и добавить нечего. Счастливый человек! Остается белой завистью позавидовать его счастью и попытаться хоть в чем-то быть на него похожим.

— ПРИЗВАНИЕ НА ГЕННОМ УРОВНЕ —

Семья Олигер

Законы жизни, на которые человек не может повлиять при всем своем желании, упрямы. Есть вещи, изначально заложенные в наших генах и неизменные в течение поколений. В заповедной системе генетика периодически бралась и берется демонстрировать устойчивость наследственных связей в поколениях заповедных людей.

Одним из ярких примеров может служить история рода Олигеров, замечательный представитель которого — Алексей Иванович Олигер, сотрудник самых разных заповедников и руководитель Присурского государ-

ственного заповедника в течение 16 лет с момента его основания.

Зачинатель семейной зоологической славы

Фамилия Олигер редкая для Руси. Из старинных текстов явствует, что обладатели этой фамилии были знатными людьми из русского муромского дворянства, в XV–XVI веках они имели власть и соответствующие привилегии. В период правления Ивана Грозного эта фамилия была внесена в особый

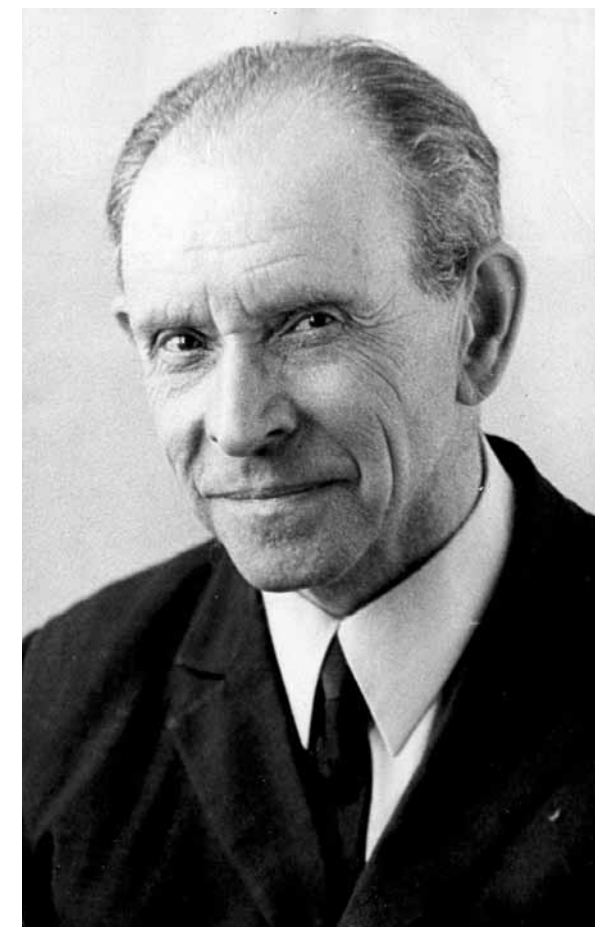
список знатных фамилий, которые даровались лишь в случае государственной похвалы.

Сегодня Олигер — фамилия, хорошо известная в Чувашии. Основу этой известности заложил родитель героя нашего повествования, Иван Михайлович Олигер, слава о котором в свое время распространилась далеко за пределы региона. Это был знаменитый ученый зоолог и энтомолог, писатель, автор учебных пособий, преподаватель, создатель зоологической школы. Ивана Михайловича совершенно справедливо считают старейшим ученым Чувашии и патриархом всех биологов Поволжья.

Родился Иван Олигер в Нижнем Новгороде в 1909 году, еще при царе-батюшке Николае II, то есть совсем в другой эпохе. Среди его родовитых предков, дальних и близких родственников есть очень знатные особы, известные врачи и инженеры, например изобретатель дизельной подводной лодки И. Г. Бубнов.

В 1939 году Иван Олигер окончил биологический факультет Ленинградского государственного университета, и с мая 1940 по 1942 год работал научным сотрудником в Мордовском заповеднике. С 1942 года он принимал участие в боевых действиях на Калининском, 1-м Прибалтийском и 2-м Дальневосточном фронтах Отечественной войны, а также в советско-японской войне. Был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Японией».

По окончании войны Иван Михайлович вернулся к научной работе и в течение пяти лет трудился научным сотрудником в Дарвин-

Иван Олигер, главный зоолог семьи

ском заповеднике. В 1950 году в честь Олигера был назван новый вид перьевых клещей — *Myialges oligeri*.

В 1951 году Иван Михайлович был приглашен на преподавательскую работу в Чувашский государственный пединститут имени И. Я. Яковлева (далее — ЧГПИ), где по 1979 год заведовал кафедрой зоологии. Все эти годы он не порывал с заповедным делом, активно организовывал студенческие практики в Астраханском, Дарвинском, Кандалакшском, Лазовском и Мордовском государственных заповедниках.

Долгие годы Иван Михайлович руководил республиканским Обществом охраны приро-

ды и был, наряду с сыном, действительным членом Чувашского отделения Русского энтомологического общества РАН. С 1995 года Иван Михайлович Олигер был научным консультантом заповедника «Присурский». В 2009 году «за многолетний добросовестный труд, большой личный вклад в развитие заповедного дела, системы особо охраняемых природных территорий и в связи со 100-летием со дня рождения» приказом Минприроды России Олигер награжден почетным знаком «За заслуги в заповедном деле».

Существенны педагогические и писательские заслуги Ивана Михайловича. Среди его учеников — доктор биологических наук М. А. Козлов и более десяти кандидатов биологических наук по зоологическим специальностям, в том числе министр образования Чувашии Г. П. Чернова. Олигер — автор нескольких учебных пособий для советских и российских школ, популярных определителей животных и десятков разнообразнейших статей.

Здоровью Ивана Михайловича можно было позавидовать даже в его преклонные годы. Вспоминаю, как весной 2006 года я, редактор газеты «Заповедные острова» и представитель ЭкоЦентра «Заповедники», был приглашен в Чебоксары на торжества по случаю 10-летия Присурского заповедника. По окончании официальных мероприятий директор заповедника зазвал меня к себе в гости, где я имел честь быть представленным его батюшке. Тогда главе семейства было «всего» 97 лет, однако он в бесподобной степени был ясен умом и великолепно владел словом. Мы вели с Иваном Михайло-

вичем беседу о заповедном деле, о зоологии, о многострадальной России. Потом он показал мне новенький том «Зоологической энциклопедии», в написании которого принимал самое прямое участие, а в конце нашего оживленного разговора по душам даже предложил выпить за знакомство по рюмочке коньяка! Интересно, что о своем возрасте тогда Иван Михайлович даже и не удосужился вспомнить.

Несколько позже, на праздновании своего 100-летия в октябре 2009 года, в стенах родного института юбиляр со сцены не только рассказывал о своей жизни, наполненной служением любимой науке, но и вдохновенно читал по памяти стихи!

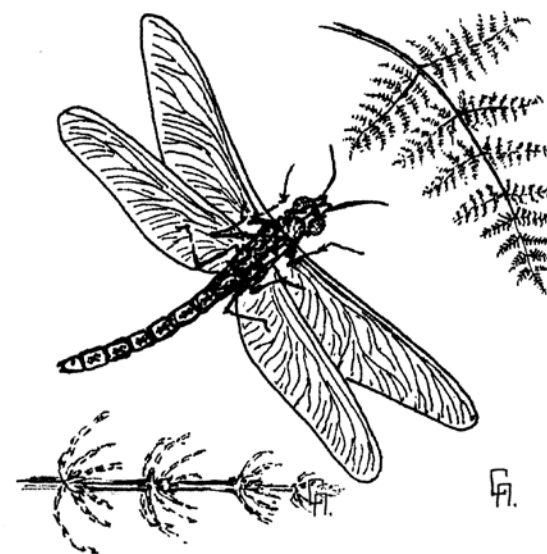
Даже начав отсчет своего второго столетия, Иван Михайлович продолжал работать с книгами, набирать текст на компьютере, готовить к изданию новые труды. Он до конца дней сохранял ясность мысли, был полон энергии и планов. Иван Михайлович Олигер ушел из жизни в 2012 году в Чебоксарах, начав сто третью свою весну.

«Итак, она звалась Татьяна...»

Следующим продолжателем славной биологической династии стала Татьяна Ивановна Олигер, старшая родная сестра Алексея Ивановича, известная в заповедном мире наряду с мужчинами своего рода. Родилась она в Мордовском заповеднике накануне Великой Отечественной войны, то есть в июне 1941 года.

Татьяна Ивановна — орнитолог, арахнолог, кандидат биологических наук. Окончив биологический факультет Горьковского госуниверситета, а затем аспирантуру в Биологическом институте Казанского филиала АН СССР, она в 1974–1982 годах работала зоологом широкого профиля в Лазовском заповеднике и внесла существенный вклад в открытие новых видов аранеофауны. С 1985 года по настоящее время Татьяна Ивановна трудится ведущим научным сотрудником в Нижне-Свирском заповеднике. Является автором более 100 научных работ, в том числе двух монографий. В 1998 году «за заслуги в охране окружающей среды и природных ресурсов и многолетний добросовестный труд» Т. И. Олигер было присвоено звание заслуженного эколога Российской Федерации.

О себе в 2010 году Татьяна Ивановна рассказывает так: *«Так уж получилось, что три четверти своей жизни я провела в заповедниках, при этом полжизни работаю зоологом по природным заповедникам. И это не считая*

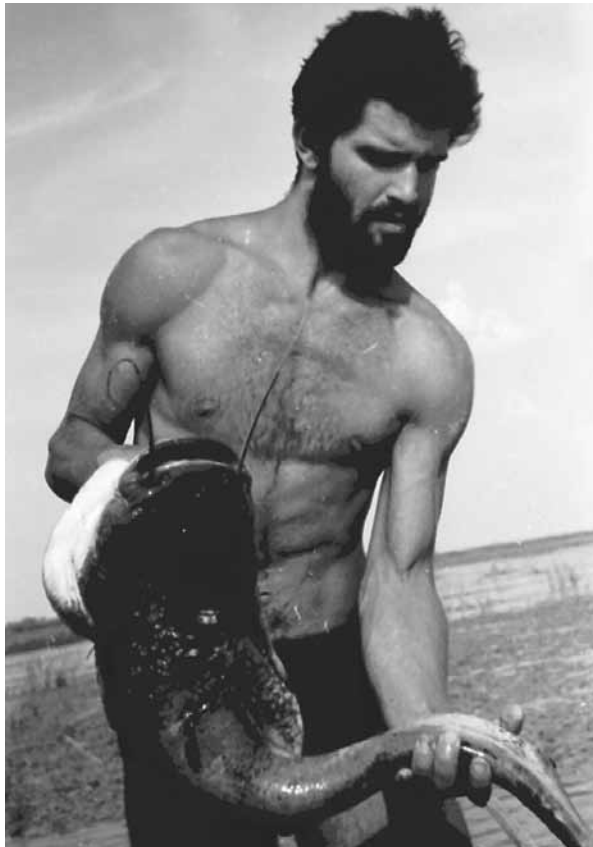

студенческих и аспирантских лет, когда я проводила в лесах, чаще в одиночестве, по четыре-семь месяцев в году».

Несколько лет назад мне посчастливилось пополнить свою личную библиотеку интереснейшей книгой «Присмотрись и прислушайся. Записки любознательного зоолога». Эта богато иллюстрированная фотоработами автора научно-популярная книга, написанная живым и сочным языком, изданная к 30-летию Нижне-Свирского заповедника, в 2010 году. Автор книги — Татьяна Олигер, а сама книга — это сборник ее наблюдений, богато иллюстрированный авторскими фотографиями. Жизненная философия Татьяны Ивановны опирается исключительно на те непреходящие ценности и взгляды, которые культивируются в этой семье уже много лет. Автор пишет в предисловии:

«Дикая жизнь выработала привычку общаться с объектами животного мира, как с равными. Я много хожу по лесам и болотам, но никого там не боюсь. От меня не исходят флюиды страха, сходные с электрополем агрессии, которое так хорошо ощущают животные.

Первая моя реакция при встречах с любыми животными — фотоаппарат. Я не навязываю своего присутствия, а только наблюдаю, стараясь никому не мешать. Мои родители с детства приучили меня не только по-доброму смотреть на окружающий живой мир, но и задумываться о причинно-следственных связях наблюдаемых явлений. Между человеком и животным не так уж велика разница. В принципе, она заключается лишь в нашей способнос-

На студенческой практике, 1967 г. Авандельта Волги, за границей Обжоровского участка Астраханского заповедника

ти абстрактно мыслить, а отсюда, нашим умением по-другому обустроить свою жизнь, усложнив ее целой кучей надуманных явлений и развлечений. А в остальном наши устремления остались теми же, что были миллионы лет назад и что можно наблюдать у животных в природе: обзавестись в собственном доме (гнезде, норе, логове) собственной семьей, кормить ее, поить и развлекать».

Так бывает нечасто, но, написанная научным работником, эта книга является готовым пособием для работников экологического просвещения, что подтверждает и сам автор: «Попробуйте присмотреться к окружающему миру природы. Как показала

Жаркий день. На берегу Суры в охранной зоне заповедника с Юрием Горшковым, директором Волжско-Камского заповедника

практика, большинство людей в природной обстановке оперируют лишь основными понятиями: трава, лес, бабочки — ничего конкретного. А ведь все растения, позвоночные и крупные беспозвоночные животные имеют русские названия! То есть раньше «необразованный, неграмотный, темный» народ во всем этом прекрасно ориентировался, знал повадки животных и пристрастия растений. Современное образование уклонилось далеко в сторону от естественного мироощущения, поэтому все призывы к охране природы никого не задевают: нельзя охранять то, чего не видишь, не слышишь, не понимаешь и не относишься, как к самому себе».

Выходец из среды «загнивающей интеллигенции»

Что касается Алексея Ивановича, то он, сделав новогодний подарок своим родителям, появился на свет в самый первый день 1947 года. Произошло это в селе Борок Уломского района Вологодской области. Село это является столицей Дарвинского заповедника, в котором в ту пору трудился батюшка Алексея Ивановича.

Свое детство Алексей Иванович помнит хорошо: «Рос я в среде «загнивающей интеллигенции» (ленинское определение), учился в школе по центру города (Чебоксары), когда в классе сидели бок о бок дети секретарей обкомов, министров и дворников, и никому в голову не приходило поинтересоваться, кем и у кого работают родители. И учителя были обычные, сильные и не очень. Например, незабвенная учительница биологии могла выразиться следующим образом: «этих козтей вымерших шивотных Тарвин снал, как своего карманна...». Времена были простые, и мы, мальчишки-школьники, пропадали в свободное время (весной и осенью) за Волгой, где начиналась зона хвойных лесов, идущая до самого Ледовитого океана. Лето мы посвящали Волге, напичканной водными клубами. Кроме того, практически в каждой семье имелась лодка. Зимой повальным было увлечение — на лыжах за Волгу. По воскресеньям даже трудно было влиться в вереницу лыжников — как нынче перестроиться в автомобильной пробке».

Отставим, однако, детские забавы в сторону и отметим, что в главном, что касается сущности Алексея Ивановича, гены скучковались абсолютно правильным порядком: «батькина порода» уже тогда проглядывала в этом человеке абсолютно очевидно. Соответственно, и чаяния юноши оказались хорошо в семье знакомыми. Институт для получения специального образования выбирался легко и без принуждения: «На биофаке пединститута спецпредметы преподавались основательно. Система обучения была построена с упором на максимальное получение студентами практических навыков для будущих педагогов, а возможно — ученых. Поэтому не особенно возбранялась досрочная сдача курсовых экзаменов и зачетов и отбытие на полевую практику загоя. Этим обстоятельством я не преминул воспользоваться, уезжая на полевую практику. После первого курса я уже 20 апреля был в Кандалакшском заповеднике, после второго и третьего — в Астраханском. Люди и условия проживания в этих заповедниках, прямо противоположных по природным условиям, сильно отличались, а ответственное отношение к своему делу и науке было одинаковым».

Постепенно к молодому человеку пришло твердое убеждение, что для него поработать в заповедной системе не просто возможно, а даже необходимо.

«Мой приход в заповедную систему, очевидно, объясняется рождением в Дарвинском заповеднике в семье научного сотрудника, имевшего прочные связи с биофаком Ленинградского университета и ЗИНОм АН СССР, в котором и мне неоднократно приходи-

лось бывать на консультациях у специалистов. В течение всей своей сознательной я жизни проникался классическими идеями о роли заповедников в обществе и, главное, в сохранении биосферы.

Этому в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что еще в студенческие годы я попал на практику к настоящим заповедным работникам. На первом курсе в 1966 году мне посчастливилось полгода поработать на Семиостровском участке Кандалакшского заповедника (Баренцево море) с заместителем директора по научной работе Всеволодом Николаевичем Карповичем, который преподал мне урок беззаветной преданности своему делу. Работая днем и ночью (полярным днем), лишь бы позволяла северная погода, он, уже солидный мужчина, облазил вместе со мной птичьи базары острова Харлов, где мы окольцевали около 10 тысяч чаек-моевок, и базары острова Кувшин с примерно таким же количеством кайр. Следующие два лета, 1967–1968 годов, я провел в авандельте Волги, на Обжоровском участке Астраханского заповедника, где моим куратором был Геннадий Андреевич Кривоносов, орнитолог и будущий директор этого заповедника. Его неоценимую помощь теоретического и практического плана забыть невозможно. Именно благодаря этой помощи я смог полноценно жить и собирать научный материал, месяцами не выходя из куласа (небольшой плоскодонки с высотой борта в одну доску).

Будучи аспирантом Донецкого университета, я бывал в небольшом заповедни-

ке «Стрелецкая степь», где передо мной раскрылись проблемы малых степных участков».

Конечно, на первых порах многое давалось не сразу, но все тогдашние обстоятельства для нашего героя в целом складывались вполне благоприятно. Да и сама заповедная обстановка тех лет располагала к успеху: «Мое становление в системе — это становление в другой системе, с другими возможностями и ценностями».

Околозаповедная синусоида

В заповедной системе служило и служит достаточно большое число личностей, которые, на заре своей профессиональной карьеры оказавшись в заповедной системе, остались в ней на всю свою жизнь. Что касается Алексея Олигера, то его принадлежность к заповедной системе во времени была весьма неоднородной, в этом смысле она, скорее, напоминает синусоиду: то наш Алексей Иванович оказывался в пределах заповедных просторов, то вдруг уже и где-то «на вольном выпасе». Судите сами.

В 1970 году наш герой, окончив биолого-химический факультет ЧГПИ, был определен на работу учителем в одну из средних школ Чебоксарского района. Педагогический стаж молодого биолога менее чем через год закончился, поскольку он вскоре оказался аспирантом Донецкого государственного университета, в стенах которого пребывал вплоть до защиты через несколько лет диссертации на тему «Эколого-фаунистическая характерис-

В Батыревском районе с представителями местной власти

тика стрекоз Донбасса». К середине 1970-х годов Алексей Иванович стал кандидатом биологических наук. В это время ему последовало приглашение Главприроды попробовать себя в роли заповедного ученого. В результате в 1974–1976 годах Олигер служил заместителем директора по науке Сары-Челекского заповедника, расположенного в далекой Киргизии.

Быть может, служил бы он там и дальше, но в 1976 году по ряду причин он решает продолжить педагогическую деятельность, только на более высоком уровне, и в результате оказывается ассистентом кафедры зоологии ЧГПИ. Педагогическое дело, сеющее вокруг себя зерна разумного, доброго и вечного, прекрасно, но кто, однажды в полной мере вкусив заповедных прелестей, позже не захочет вернуться в этот мир вновь и вновь? В 1977 году Алексей Иванович оказывается в Горном Алтае, где в течение пяти лет трудится заместителем директора по научной работе Алтайского заповедника.

«В те времена директора заповедников подбирались в соответствии с принципами профессионализма. Законодательная

С главным бухгалтером Присурского заповедника Ольгой Петровой

база охраны природы была не на высоте, поэтому руководители отделов заповедников Главприроды (В.В. Криницкий — «Сары-Челек») и Главохоты (А.М. Шалыбков — Алтайский) подбирали в заповедники кадры, в том числе заместителей директора по научной работе, весьма ответственно. В те времена заповедники в СССР относились к разным ведомствам и, естественно, условия работы и финансирования в них были различны. Однако — и это главное — вся работа строилась на принципах неприкосновенности и необходимости контроля природных процессов. В обоих крупнейших заповедных ведомствах, Главприроде и Главохоте, было принято ежегодно собирать совещания заместителей директоров по научной работе. На совещаниях заповедной науке, так что результатом явились создание ВНИИ Природы и появление Инструкции по Летописи природы, действующей и поныне. Здесь я вживую познакомился и с такими китами, как А. А. Насимович и О. И. Семенов-Тянь-Шанский, а также с молодыми замами, ставшими

На торжественном собрании, посвящённом 10-летию Присурского заповедника

впоследствии директорами (В. Н. Белянин) или работниками заповедного главка уже в новой России (А. М. Амирханов). Удалось, что называется, вживую посмотреть на работу Иссык-Кульского, Приокско-Тerrasного, Лазовского, Мордовского, Тебердинского заповедников. Все это укрепило меня на позициях классической заповедности».

После Алтайского заповедника судьба Алексея Ивановича сделала обратную полупетлю, и он вновь оказался в ставшей уже почти родной Чувашии, теперь в должности межрайонного инженера-лесопатолога Министерства лесного хозяйства Чувашс-

кой АССР. В этой должности он работал до 1991 года, после чего вплоть до 1996 года руководил лабораторией токсикологии Чувашского республиканского центра государственного санитарно-эпидемиологического надзора.

В Чувашии происходит заповедный прорыв: по инициативе руководства республики принято решение образовать государственный заповедник «Присурский». Постановление о создании заповедника появилось 27 декабря 1995 года. Директорскую вакансию открыли ровно через год — в декабре 1996 года. А земли Люльского лесничества Алатырского лесхоза (9025 га), которые в

итоге составили главный кластер создаваемого заповедника, передали в его ведение уже в январе 1997 года. И только в 2000 году к заповеднику были присоединены еще два крохотных участка — Батыревский (27,6 га) и Яльчикский (97,8 га). Встал вопрос: а кто будет руководить новым природоохранным учреждением? И тогда вспомнили о том, что Алексей Иванович Олигер — не пришлый, а свой, то есть чувашский заповедный специалист, к тому же побывавший в других заповедниках! Он сам по этому поводу замечает: «Назначение директором создающегося в Чувашии заповедника — счастливое для меня стечение обстоятельств, когда я оказался единственным в республике человеком, который знал работу и задачи заповедников изнутри».

В семье Олигеров вышло так, что после именитого во всех отношениях отца природа не сочла нужным отдохнуть на детях, поставившись над ними на славу.

Присурско-олигеровский сказ

Работа Алексея Ивановича в новом качестве началась с того, что он, по его словам, «получил рабочий стол и возможность работать на компьютере в отделе охраны природы и земельных ресурсов, возглавляемом Дмитриевым Александром Вениаминовичем». Кстати, работники именно этого отдела проводили всю предварительную работу по подготовке проекта создания заповедника в Чувашской Республике.

Трудно ли было создавать природоохран-

ное учреждение с нуля? «...Пришлось основательно засесть за бумаги (отмечу, что привычка готовить всю исходящую переписку самостоятельно на протяжении всех 16 лет работы в заповеднике очень выручала). Я довольно основательно знал принципы заповедного дела, к тому же 9 лет проработал старшим межрайонным инженером-лесопатологом Минлесхоза Чувашии, часто выезжая в лесхозы с проверками, так что вопросы лесного хозяйства на уровне главного лесничего лесхоза были мне хорошо знакомы. Помогло и то, что перед назначением в заповедник мне была поручена подготовка и организация первой в Чувашии токсикологической лаборатории санитарно-эпидемиологической службы, что позволило обрести неоценимый опыт работы хозяйственника, снабженца и организатора соответствующего коллектива.

В январе 1997 года мы с бухгалтером О. М. Петровой подписали акт приема территории бывшего Люльского лесничества Алатырского лесхоза, конторы в деревянном исполнении 1929 года постройки, просевшего здания ПХС, трактора «Беларусь-82» и ЗИЛ-131 примерно такого же возраста. В качестве довеска прилагалась кобыла Зорька, 1969 года рождения, на поверку оказавшаяся меринком по кличке Сынок. Бюджетное финансирование заповедника в тот период осуществлялось лишь по одной строке расхода: хочешь — на все средства карандашей накупи, хочешь — работников найми».

Настала пора выстраивать структуру нового учреждения, определять количественные и

качественные параметры его подразделений, нарезать им обязанности и многое другое. Эти параметры должны были стать такими, чтобы заповедник мог безотказно работать. В этом плане все срослось, как нужно.

«Следует отметить, что руководящий состав в заповеднике довольно быстро прониклся идеями общего дела и по мере возможности оказывал друг другу посильную помощь, не особо разделяя заповедные дела на свои и чужие.»

Пожалуй, ни в одном из направлений деятельности заповедника недочеты не имеют столь далеко идущих последствий, как ошибки или бездействие в деле охраны территории заповедника и его буферной зоны. За первый год работы удалось без лишних эмоций распрощаться с желающими проехаться по заповедным угодьям. К моменту моего расставания с заповедником по основным показателям отчетности отдела охраны «Присурский» твердо находился в первой десятке, а по некоторым — на вторых-третьих позициях.»

Науку заповедника с весны 1997 года возглавил А. В. Димитриев, перешедший к нам из Минприроды Чувашии. Энергия в нем была ключом, с выраженным издательским уклоном, так что скоро заповедник стал издавать научной продукции почти столько, сколько все остальные заповедники, вместе взятые. На втором месте стояло пристрастие к проведению семинаров и конференций разных уровней. Трудно встретить более фанатично отдающего себя науке работника.»

Эколого-просветительская и туристическая деятельность — новшество, появив-

шееся в 1990-х и расцветшее в 2000-х годах. Суть его заключается не столько в пропаганде идей охраны природы, сколько в попытке коммерциализировать заповедное дело путем расширения туристической и экскурсионной работы. Подобные идеи понятны, их реализация в национальных парках необходима, но в заповедниках они не более уместны, чем, скажем, посещение экскурсантами операционных во время хирургических операций. Понятно желание приучить дикую природу к присутствию человека, но она при этом перестает быть дикой.»

Заповедник готовил печатную продукцию экологического профиля, организовывал в вузах преподавательскую деятельность по спецкурсам «Заповедное дело» и «Природопользование», проводил эколого-просветительские мероприятия среди школьников и местного населения.»

Был создан Музей природы, ценность которого определялась не только и не столько эстетической составляющей, сколько научной достоверностью выставленных экспонатов. Музеи более высокого класса есть, скажем, в ЗИНе, Зоомузее МГУ, Дарвиновском музее, но в них работают творческие коллективы, а здесь все было создано одним человеком — Константином Ивановичем Арзамасцевым, блестящим экскурсоводом и непревзойденным таксидермистом.»

И, наконец, была обозначена экологическая тропа в окрестностях села Атрать, по которой никто никогда не ходил, но которая регулярно фигурировала во всех отчетах.»

Со старшим научным сотрудником Владимиром Балясыным

Подчеркну, что ни под каким соусом заповедник не пытался заработать на охране природы и принимал все меры к тому, чтобы ограничить приток посторонних (исключая студентов профильных специальностей) на свою территорию.»

«Первая встреча, последняя встреча...»

С Алексеем Ивановичем Олигером я познакомился уже в бытность его директором Присурского заповедника. Еще до нашего знакомства, на различных официальных совещаниях и околзаповедных тусовках

мое внимание почти автоматически концентрировалось на импозантном бородатом мужчине средних лет, весьма интеллигентного вида. Его умение держать свой корпус прямо и быть всегда в галстук поначалу даже озадачило меня: уж не из потомственных ли офицеров товарищ будет? Оказалось — биолог, и даже знатный. Заочно мне его представили: мол, Алексей Олигер, директор Присурского заповедника.

А потом состоялась очередная «цыганочка с выходом», предпринятая ЭкоЦентром «Заповедники». Имеется в виду волжское путешествие группы заповедных товарищей, включавшее, по очереди, посещение Волжско-Камского заповедника и национального

парка «Нижняя Кама» в Татарии, национального парка «Чаваш Вармане» и Присурского заповедника в Чувашии, национального парка «Смольный» в Мордовии и, на закуску, Керженского заповедника в Нижегородской области. В моем журналистском отчете об этом путешествии, сделанном для газеты «Заповедные острова», Присурскому заповеднику была посвящена отдельная глава, которая называлась «Алексей Иванович Сусанин, или Багамы на Суре». Привожу упомянутую главу в сокращенном виде.

«Не особенно веря в наши способности добраться самостоятельно до места расположения Присурского заповедника, Алексей Иванович Олигер вместе со своим замом по науке Александром Вениаминовичем Дмитриевым, «главным по суркам», прибыл на узике в Шемуршу, в контору национального парка «Чаваш Вармане».

Сурковый участок заповедника мы нашли легко и осмотрели его с удовольствием. Сурки по очереди выбирались из своих глубоких сурчин позировать, но близко к себе нас не подпускали. От этого мы их зауважали еще больше и в норы к ним решили не забираться. Тем более что нам бы этого все равно никто не разрешил.

Путь к райцентру Алатырь проходил сложнее. Алексей Иванович принял решение ехать не очень знакомым, но зато как бы самым коротким путем, чтобы не терять зря драгоценного летнего времени. Мы забыли истину, что самый короткий путь — тот, что уже известен, и потому смело двинулись в неизвестность вслед за машиной нашего проводника. Периодически наша малень-

кая колонна тормозила, потому что Алексей Иванович выходил к населению, чтобы, как он сам выражался, «брать информацию». Информация почему-то всякий раз противоречила предыдущим сведениям. Когда стало смеркаться, и одна и та же куча удобрений на поле в очередной раз предстала перед нашими глазами, стало ясно: нас заблудили темные силы. Тут же был объявлен конкурс на лучшее звание для лидера нашего движения по полям. Преимущественно обсуждались звания Че Гевара и Сусанин. Победил отечественный патриотизм, и в дальнейших разговорах вплоть до самого побережья реки Суры Алексей Иванович именовался соответственно. Но, в отличие от своего исторического предшественника, наш проводник, хотя и глубокой ночью, вывел-таки нас к намеченной цели!

Привезли нас в охранную зону лесного участка Присурского заповедника, на песчаный бережок Суры. Ужо отвели мы тогда душу на тех чувашских Багамах! Демонстрировались одиночные заплывы и сеансы синхронного плавания; а отдельные смельчаки даже переплывали Суру во всю ее ширину, хотя «редкая птица долетит»... Извините, это про другую реку.

Здесь, на Суре, хозяину положения и территории своими неторопливыми действиями удалось сбить бешеный темп нашей поездки: мы не жились на солнышке, купались и совершенно не хотели никуда торопиться, а он на этом фоне читал нам лекции об охране природы в Чувашии и величии вверенного ему заповедника. То есть проводил эколого-просветительскую работу среди профес-

сионалов этого направления заповедной деятельности. Честное слово, еще пару часиков, и мы дружно пошли бы к Олигеру сурками работать!»

А потом еще был 10-летний юбилей Присурского заповедника в Чебоксарах, уже упомянутый в начале этого очерка. Как говорится, «и я там был, мед-пиво пил...».

После воочию увиденного и собственными ушами услышанного на юбилее я утвердился в мысли, что этой заповедной территории чрезвычайно повезло как с директором, так и вообще с руководящим звеном.

Любить дело в себе, а не себя в деле!

В профессии, как и в личной жизни, Алексей Иванович, как правило, нетороплив, даже несколько медлителен — скорее всего, оттого, что всегда вдумчив и ответственен в своих суждениях. По всей видимости, именно таким и должен быть настоящий ученый, и заповедный научный специалист из этого правила исключением не является.

Ответственность Олигера чувствуется и в определении им заповедных приоритетов, конкретных и предельно ясных.

«Заповедник — это не только эталон, банк генофонда, хранитель геобиоценозов и биосферы, но и станция фонового мониторинга, нуждающаяся в своих профессионалах, хотя допустимо, учитывая принцип «никто не обнимет необъятного», привлечение сторонних специалистов — конечно, под контролем научного совета заповедника.

На территории (не в поселках) должны находиться только кордоны и заимки для ночлега работников в рейде или при полевых работах. А лозунг «Заповедники — для людей», так же как «Армия — для народа», не означает, что по территории военной части можно местному населению ходить и грибы собирать. Хотя, в силу необходимости жизнеобеспечения населения населенных пунктов, со всех сторон окруженной заповедной территорией, в каждом отдельном случае приходится решать вопрос о зоне ограниченного хозяйственного использования».

Закрадывается знакомый, набивший оскомину вопрос: но ведь и заповедники бывают разные? Те же «Столбы» или Тебердинский — там ведь уже солидные куски давно перестали быть предметом заповедания! Какие правила применимы для них? Быть может, пора заповедники расставить по неким полкам: этот должен быть абсолютно заповедан, а этот — лишь частично? Олигер в этом вопросе категоричен.

«Никаких полок! Сегодня не повезло одному, завтра — другому. Что, так их и переставлять с полки на полку? И так уж есть категории более любимых... Богу — богово, а быку — быково! Но! «Столбы», Долина гейзеров, водопад Корбу — это данность, исключение! А остальная-то территория зачем примазана к этим точкам?! Посмотрите на Телецкое озеро в пределах заповедника — за сердце схватишься! Что, на незаповедной стороне места не хватает?»

Пока шла работа над этим очерком, в садах министерства поспели изменения в

С замом по науке Александром Дмитриевым

Федеральный закон №33 «Об особо охраняемых природных территориях». Среди новшеств можно обнаружить и «порядок преобразования заповедников в национальные парки». В прилагаемый перечень заповедников для подвергания их указанному действию включены заповедники Тебердинский, «Столбы», Командорский и Гыданский. Скорее всего, расширение этого перечня не заставит себя ждать.

Мнение Олигера лишний раз подчеркивает, что мы имеем дело с человеком высокой компетенции, глубоко равнодушным к тому делу, которым ему было суждено заниматься по жизни. Оно и понятно: на дворе — время профессионалов!

Рассуждая о том, какими должны быть конкретные заповедные специалисты, Алексей Иванович, например, вскользь коснулся тех, кто занимается экологическим просвещением: *«Иной прекрасный специалист в своей области может так напрощивать, что потом внуки икать будут. Поэтому эколого-просветительская работа является особым талантом, и она далеко не каждому по плечу (сравним: бывают блестящие ученые, но они же — совершенно бездарные зануды-лекторы). Эколого-просветитель должен быть в первую очередь интересным собеседником».*

Право на собственную стратегию развития

Чувашия, или Земля Улыпов, как называют свой древний край по имени героев национального эпоса сами чуваша, — это небольшой приволжский регион, большая часть которого раскинулась в междуречье Суры и Свияги. Любители изящной словесности именуют Чувашию «краем прибрежных ив, могучих дубрав и сосновых боров». Но, если отодвинуть хотя бы на время поэтические эпитеты, то возможно и другое определение: Чувашия — весьма густонаселенный регион России. Сравним. Плотность населения Чувашии составляет 67,5 человека на 1 кв. км, а, скажем, в Смоленской области этот показатель составляет лишь 19,4. Поэтому создать в Чувашии практически одновременно национальный парк «Чаваш Вармане» (1993 год) и Присурский заповедник (1995 год) было очень непросто. Потому и площади под эти ООПТ были отведены более чем скромные — 25,2 и 9,15 тыс. га соответственно. Да и качество выбранных под чувашские ООПТ земель с точки зрения заповедания (для заповедника) и рекреации (для национального парка) были не самыми идеальными — особенно не из чего было выбирать, поскольку все самые вкусные земельные участки уже имели своих хозяев.

Если уж речь зашла о собственно заповеднике, то логичнее всего передать слово его первому директору.

«Заповедник «Присурский» создавался не под сохранение какого-то конкретного редкого вида флоры или фауны, а под охрану типичных биогеоценозов. Дальний прицел руководс-

тва заповедника — включить в состав его территории все географические элементы территории Чувашской Республики. Уже есть степные, южная тайга, а планируем нагорные дубравы, часть акватории Чебоксарского водохранилища и кусочек северной тайги. В сумме это и будет характеризовать всю республику. Видимо, в случае успешного претворения наших планов в жизнь в заповеднике будет около шести кластеров, ну а уж общая площадь заповедника будет зависеть от доброй воли. (Увы и ах! Ни присоединить к заповеднику новые кластеры, ни тем более расширить заповедную площадь руководству заповедника не удалось — слишком сильным было местное противодействие. — Е.Б.)

Вокруг заповедника расположено восемь достаточно крупных (по 2 тысячи жителей и более) населенных пунктов. Часть из них расположена в охранный зоне заповедника. Порою у заповедника возникает масса проблем с местным населением. Лес, сенокос, пастьба, сбор ягод и грибов. В сезон — спасу нет от желающих добраться до возжеленных заповедных угодий. Острой конфронтации нет, но от давней привычки забираться в заповедные угодья полностью отучить население пока не удастся.

И все же мы обдуманно не хотим, чтобы заповедник стал биосферным резерватом. На территории заповедника не проживает ни одна душа, какое-либо вмешательство в жизнь природы на заповедных участках мы стараемся исключать, чтобы постепенно приблизиться к абсолютной заповедности. К счастью, на территории заповедника все же нет никаких особенно привлекательных

для населения объектов, которые вызвали бы некий бум. Это упрощает нашу разъяснительную работу: зачем вам идти к нам и нарываться на конфликты, когда рядом в лесхозах — все то же самое, и к тому же законно! Да и неиспользуемых лесных и степных угодий рядом с территорией заповедника тоже хватает.

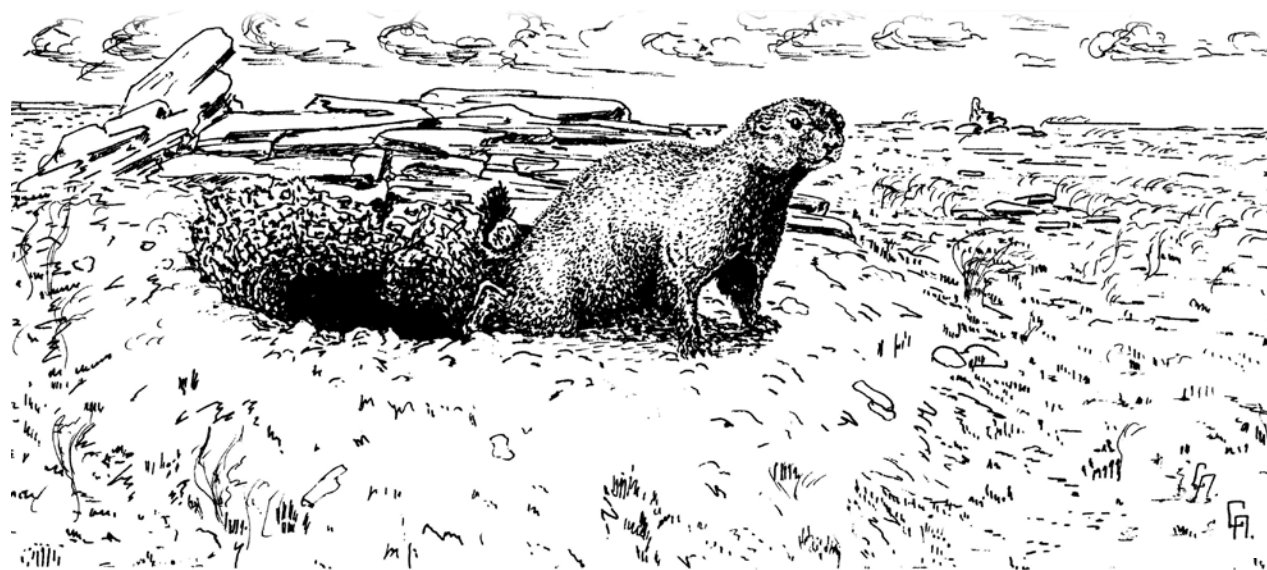
Опять же, к счастью, заповедник расположен вдалеке от туристических маршрутов, поэтому число желающих удовлетворить элементарное любопытство катастрофическим для нас назвать никак нельзя.

Научную работу в деятельности заповедника мы считаем приоритетной: собираем конференции, привлекаем ученых. Отрадно, что заповеднику удастся много издавать. Надо отметить, что вообще большая часть издаваемой в Республике Чувашии природоохранной литературы в настоящее время в силу ряда причин издается посредством заповедника. Вот такой издательский «уклон в заповедную сторону»...

Уточняя экономический потенциал заповедника, я, уже в другом интервью, в очередной раз нарвался на Олигерovu категоричность: «Государственные учреждения должны финансироваться государством, и финансироваться достойно!»

Искреннее служение природе

А ведь люди, «обслуживающие» заповедную систему, вовсе не работают в ней, а именно служат — как Природе, так и благородным заповедным идеалам. И, дополняя слова безошибочного в своих формулировках А. С. Пушкина о том, что «служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво», хотелось бы подчеркнуть, что служение величавой Природе подобной суеты также не терпит. И в этом плане совсем не будет лишним попытаться объединить тех, кто охраняет природные комплексы. Ведь есть, скажем, некая Служба судебных приставов, так почему бы не иметь

право на существование такому понятию как, скажем, Служба ревнителей природы? Создав такую, можно было бы позаботиться о том, чтобы принадлежностью к ней могли бы похвастать лишь достойные люди.

Алексей Иванович Олигер имел бы право принадлежать к такой службе по многим параметрам. Он был настоящим, крепким и правильным директором федерального учреждения, не лебезящим перед начальством и при этом имеющим свое мнение по всем служебным вопросам, и мнение это было ориентировано прежде всего на благо природы. Долг свой во все годы заповедного служения он исполнял исключительно добросовестно.

Уже сейчас, когда заповедник в биографии Олигера оказался проеденным этапом, он трезво оценивает то, что удалось сделать за эти 16 лет.

«Заповедник «Присурский» стал авторитетным федеральным научным природоохранным учреждением, присосшим двумя кластерными участками. Нам удавалось организовывать и проводить почти ежегодные международные, российские и региональные конференции с изданием трудов; были выпущены два тома Красной Книги Чувашии, книга «Животный мир», выдержавшая два издания, и масса иной научной литературы. Аппарат управления заповедником закрепился в столице Республики Чувашия, была сформирована база для полевой практики студентов и создан Музей природы».

Алексей Иванович твердо уверен, что его успехи не связаны с конкретным регионом. Как он выражается сам, «судьба случайно выбрала место и время для реализации

вложенных в меня возможностей». Удалось ли ему реализовать эти возможности в полной мере, безусловно, судить другим. Первое, что может сделать человек, оказавшийся на месте Алексея Олигера, так это, по его же мнению, постараться соответствовать теоретическим, практическим и нравственным критериям выбранной и назначенной судьбою профессии: «Убежден, что руководить научным учреждением должен человек с научным званием, желательно самостоятельно выполнявший полевые работы для его получения. И вообще директор обязан быть компетентным в любом из видов осуществляемой заповедником деятельности».

В своей не самой короткой жизни я неоднократно задумывался над словосочетанием «цельная натура». И теперь, работая над этим очерком, вдруг обнаружил: да вот же такая натура, по-хорошему предсказуемая и гарантированно надежная, с убеждениями, знающая, для чего ей было суждено появиться в этом мире.

В 2012 году настала известная контрольная пора, благодаря которой добросовестные министерские чиновники сочли, что достижение определенного возраста — главный критерий оценки деятельности нашего героя. Алексей Иванович Олигер был отлучен от официального заповедного служения. Такая же судьба постигла и его ближайшего соратника по Присурскому заповеднику, А. В. Димитриева.

Беспричинно увольнять руководителя, общий стаж работы которого в заповедниках составляет более 22 лет, который абсолютно здоров и полон сил и который самим увольняющим министерством был награжден Почетной

грамотой (2002) и почетным знаком «За отличие в службе» (2006), — это не только расточительство, но и, в некотором смысле, прегрешение перед природоохранной идеей. В системе давно уже нет (да, пожалуй, никогда особенно-то и не было) той пресловутой скамейки запасных, на которой теснились бы готовые специалисты в ожидании вакансии. Служебное долголетие — понятие индивидуальное. Примером может служить все тот же Иван Михайлович Олигер, который до 70 лет еще заведовал кафедрой зоологии в вузе.

Алексей Иванович по этому поводу высказался следующим образом: *«Присутствие формализма — прямое следствие отсутствия профессионализма у руководства системой»*. Этим все сказано. Или почти все. В чем причина нового крена системы? Вновь обнаруженный «приоритет развития» никто и не пытается скрыть: это деньги и еще раз деньги. Договорились уже до того, что не только «мы должны зарабатывать на природе», но и что «природа должна зарабатывать на себя!» К этому добавить можно только слова того же Алексея Ивановича: *«Охрана природы и поклонение мамоне — явления несовместимые»*.

К сожалению, из четырех птенцов Олигерова гнезда, составляющих следующее поколение после Алексея и Татьяны, не только по заповедной, но даже и по биологической линии не пошел никто. Правда, одна из дочерей Татьяны Ивановны имеет лесотехническое образование, но занимается при этом городским озеленением. Династия застопорила заповедный ход. Теперь у Алексея Ивановича с сестрой, в смысле продолжения заповедной службы, надежда осталась только на внуков.

«Ни единою буквой не лгу!»

В декабре 2015 года государственному заповеднику «Присурский» исполнилось 20 лет.

Алексею Ивановичу Олигеру, как первому директору этого госучреждения, в связи с юбилеем заповедника его нынешнее руководство предложило на страницах «Ежегодника заповедника» поделиться своими воспоминаниями о заповеднике и работе в нем. Так сказать, продекларировать «последнее слово невиновного». Воспоминания опубликованы, хотя и в сильно сокращенном виде. Очень жаль, что сегодня ни в науке, ни в эколого-просветительской деятельности Присурского заповедника колоссальный опыт Алексея Ивановича не задействуется.

Сам же Алексей Иванович благодарит тех, с кем в одной упряжке удалось поставить Присурский заповедник на ноги. *«Заповеднику образца 1996–2012 годов, видимо, в силу его специфики, везло на хороших людей, которые, может, и не всегда были профессиональными экологами, но зато всегда искренне отдавали себя природоохранной, зачастую не самой высокооплачиваемой, работе (редкие исключения лишь подтверждают status quo и не заслуживают упоминания). Я с благодарностью за самоотверженный труд вспоминаю всех работников, без каждого из которых один из самых обычных, типичных и небольших заповедников России по многим показателям не смог бы оказаться далеко не на последнем месте в системе»*.

Евгений Богданов

— ЗАПОВЕДНОСТИ ЗВЕНЯЩАЯ СТРУНА —

Семен Устинов

Среди тех, кто трудится на заповедных просторах, немало людей творческих, имеющих богатое воображение и яркий талант художника, рассказчика или фотографа. Некоторые из них творят для себя и своих близких. Есть среди них и такие люди, кого безо всяких преувеличений можно назвать Мастерами. Высокий уровень их творчества общепризнан, они известны далеко за пределами регионов, в которых

живут и творят. В этом очерке пойдет речь об одном из них — Семене Климовиче Устинове.

«Баргузинский заповедник», «Заповедник на Байкале», «В лесах у Байкала. Зарисовки эколога», «Год и вся жизнь медведя», «Загадочные тропы кабарги», «Волчья песня», «Вести от синих гор», «Эколог Леший и его соседи», «Заячье зеркало», «Как живешь, медвежонок?», «Добыть зверя», «Сказки и были о лесных жителях», «По Северному

Байкалу и Прибайкалью» (совместно с О. К. Гусевым)... Это далеко не полный перечень известных всем любителям природы книг, написанных нашим героем во время работы в российских заповедниках и других природоохранных организациях. Кроме этого, из-под его пера вышли три монографии в сборниках (медведь, лось, кабарга), более 100 публикаций в научных изданиях, несколько десятков проблемных статей в журналах, несколько сотен статей в периодической печати.

Потомок старообрядцев

Родился Семен (по-местному Самойла) Климович Устинов 1 сентября 1933 года в бурятском селе Унэгэтэй (с бурятского — «лисье место»). Большое старообрядческое село было вытянуто вдоль левого берега реки Курбы. Вот как описывает детские годы Семена Климовича его близкий друг Олег Кириллович Гусев, более 50 лет возглавлявший известный журнал «Охота и охотничье хозяйство»:

«Вырос Устинов в семье староверов-долгожителей. Клим Дорофеевич прожил 83 года, а Василиса Сергеевна, в девичестве Матвеева, — 96 лет. Родители воспитывали еще трех дочерей (семеро детей умерли от скарлатины). В старообрядческих домах Сибири строго сохранялись чистота русских истоков и священные заветы предков. Устоями быта были вера, опрятность, дисциплина, порядок. Курить запрещалось ультимативно, мясо есть — только «от раздвоенного копыта», а от «лапы» — боже упаси! Табу соблюда-

лось неукоснительно. В годы войны и после ее окончания Сеня ловил петлями зайцев, снимал с них шкурки, но, несмотря на частое недоедание и даже голод, ни разу зайчатины не пробовал. Отдавал освежеванные тушки школьным учителям.

Унэгэтэйскую среднюю школу Устинов окончил в 1951 году и всю жизнь с большой теплотой вспоминал прекрасный учительский коллектив. В школьные годы он активно участвовал в художественной самодеятельности и в спортивных соревнованиях».

С пяти лет Клим Дорофеевич брал сына в тайгу, но не лишал его и возможности ходить туда самостоятельно. *«Отец хотел, чтобы я был настоящим мужиком. У меня были и свои обязанности: напилить дрова, вынести навоз из стайки, летом сено готовить и многое другое»,* — рассказывает Семен Климович. Будучи школьником, он любил читать следы разных животных, даже мышей и полевок. В лес и на речку ходил не столько за добычей, сколько за впечатлениями.

Какие качества унаследовал Семен Климович от родителей? Отец, будучи опытным охотником-промысловиком, передал сыну немалые знания о природе, а вместе с ними — и любовь к ней. Он брал маленького Семена с собою в лес и там учил его лесному уму-разуму и уважению ко всему живому. Мать вела домашнее хозяйство, она передала сыну доброту и умение быть терпеливым. Большая, дружная и работающая семья жила тем, что давала земля и охота. В такой вот атмосфере сформировались характер и духовный мир будущего таежника.

Биолог-охотовед

Горы, тайга, река, рыбалка, охота были увлечением Устинова с самых ранних лет. Решающее влияние на выбор будущей профессии оказал, что вполне понятно, отец, «душа которого принадлежала лесу и реке, больше лесу». После окончания школы Устинов поехал в Красноярск, в Лесной институт. Вступительные экзамены сдал, но к занятиям приступить не успел: вдруг узнал, что в другом иркутском институте организуется подготовка охотоведов. Настырный Семен Устинов тут же поступил в Иркутский сельскохозяйственный институт на отделение охотоведения, вскоре ставшее факультетом. Закончив учебу, получил диплом биолога-охотоведа.

Трудовая жизнь нашего героя началась в 1956 году в Баргузинском заповеднике. В первом из российских заповедников в должности старшего научного сотрудника Семен Климович проработал 4 года. В 1959 году появилась его первая серьезная статья «В защиту медведя на северо-восточном побережье Байкала» в сборнике «Охрана природы России. Материалы Первой Сибирской конференции по производительным силам Сибири».

В заповеднике работа пошла, но уволиться пришлось по прозаической причине: директор отказался принимать на работу жену Устинова, а устроиться в другое место в такой глухомани для нее не представлялось возможным. Искать новый объект применения своих знаний и сил долго не пришлось: Устинова приняли на работу в Иркутский НИИ

эпидемиологии и микробиологии Минздрава РСФСР. Параллельно Семен Климович закончил очную аспирантуру в Московской ветеринарной академии. Ученую степень кандидата биологических наук Устинову присвоили в 1967 году, за исследование «Экология и промысел кабарги», признанное специалистами лучшим научным трудом, посвященным изучению карликового оленя. Многие специалисты до сих пор считают Устинова лучшим знатоком биологии и экологии кабарги в России.

В 1966 году представилась возможность перейти на работу в Восточно-Сибирское отделение Всесоюзного НИИ охотничьего хозяйства и звероводства. Здесь Семен Климович начал заниматься серьезнейшими исследованиями животного мира и выпустил по их материалам публикации «Об адаптивности поведения кабарги», «Оценка численности изюбра и медведя на Приморском хребте и наблюдения за их поведением», «Экологический контроль и охрана бурого медведя на Байкале» и т.д. Не заставили себя ждать и первые научно-популярные книги, мгновенно приобретшие известность, — «Год и вся жизнь медведя» и «Загадочные тропы кабарги».

В этом институте наш герой верой и правдой отслужил 22 года — вначале в должности старшего научного сотрудника, а затем и заведующего отделением. Но серьезную научную деятельность Семен Климович в 1988 году без колебаний променял на должность заместителя по науке директора Байкало-Ленского заповедника, образованного два года назад. Много позже он

На побережье Байкала у пади Енхон. 1988 г.

стал руководителем эколого-просветительского отдела, а затем и методистом этого отдела, занимаясь связями заповедника с общественностью и СМИ.

Вот и вся карьера нашего героя. Тот факт, что в трудовой книжке Семена Климовича за многие десятилетия значится только четыре организации, в которых он с полной отдачей трудился на благо природы и общества, говорит о многом.

Тайга — дом родной!

Семейное воспитание, учеба в профильном институте и работа в соответствующих учреждениях привели к тому, что Устинов стал своим человеком в тайге. В любой глухомани он передвигается неслышно и береж-

но, словно боясь потревожить растения, испугнуть зверя или птицу. Он выдающийся, штучный знаток прибайкальской природы, высококлассный специалист по экологии медведя, лося, марала и кабарги и слывет непререкаемым авторитетом в природоохранной деятельности

Чтобы стать специалистом такого уровня, Устинов добрый десяток лет из своего более чем полувекового заповедного стажа проходил «школу выживания» — в тайге, в зимовьях, в походных палатках или у костра под открытым небом. Почти пятую часть своей жизни Устинов провел в таежной глуши, исследуя животный мир Сибири! Делал он это как пешком, так и на всех видах транспорта: самолете и вертолете, лодке и плоту, вездеходе и снегоходе, намотав на свой личный спидометр тысячи таежных километров. В

регионе вряд ли найдется человек, который мог бы сравниться с Семеном Климовичем по количеству пеших походов по диким и нетронутым присутствием человека местам — причем в одиночку, даже без собаки! «Мой отец говорил: «По тайге ты должен ходить так, чтобы не слышать самого себя. Тогда ты никого не обидишь и не заденешь, но все увидишь и все поймешь». Вдумчивого человека тайга может научить многому: аккуратности, внимательности, наблюдательности. Особенно если ты один. Я никогда не любил в лесу компанию: один крикнул, другой запнулся, третий ветку сломал. А твоя задача — заметить, что происходит вокруг. В одиночку проще себя сберечь: никто и ничто тебя не отвлекает от встречи с каждой живой сущностью лесов».

13 лет он ежегодно участвовал в авиаучетах копытных, накопил около 700 часов полетного времени. Основываясь на личном опыте, Устинов даже разработал собственную методику учета численности копытных и медведя.

Родной край Устинов познал за годы работы более чем основательно. Не случайно он является автором сценариев и научным консультантом ряда научно-популярных фильмов о природе Прибайкалья и огромного количества литературы на эту тему. Писатель Валентин Распутин, с которым Семен Климович не просто знаком, но даже и совместно путешествовал, сказал об ученом: «Едва ли осталось что-нибудь на Байкале и в прибайкальской тайге, чего бы Устинов не знал. Читать его книги о медведях или лосях — одно удовольствие. Выхоженный

тайгой, в которой он пропадает не одно десятилетие, легкий на ногу, поднимающий и несущий себя без усилий, он остался в том немногочисленном экземпляре сибиряка, на котором природа не сэкономила». Для Устинова прошагать пару сотен километров по непролазной тайге — пустяк. «Как специалист-эколог, я шел по этим просторам в течение пятидесяти лет своей жизни».

Природу в своих книгах Семен Климович описывает такой, какой видел ее своими глазами, то есть живой и неприукрашенной. При этом Устинов никогда не причислял себя к покорителям природы: «Когда с должным пониманием достигаешь назначенной точки на карте, поднимаясь на вершину перевала, перед тобой открываются священные дали, и ты осознаешь их могущество... тогда высветляется душа, приходишь к пониманию того, что никакой ты не покоритель, а всего-навсего небольшое существо перед Матерью-природой». Быть может, в том числе и от такой философии Семен Климович всякий раз ходит в тайгу, как в некий священный храм.

Кто же позаботится о братьях меньших, как не Семён Климович Устинов!

Заповедная сущность

Слово «заповедник» по-старинному звучит, как музыка, — «божелесье». То есть это лес в таком виде, в котором его создал Бог; место, где соблюдаются его Заповеди. Семен Климович скоро начал осознавать правильность своего выбора, быстро понял, что заповедники — то направление деятельности, которым ему всегда хотелось заниматься.

«На земле стремительно идет процесс оскудения среды жизни. Как одно из логических следствий этого, идет грозный процесс в энергетике человеческого населения — душах людей, карме наций, как скажут экстрасенсы, зла и агрессии, порывов разрушения. Как остановить этот гибельный процесс, ведущий к скорым потрясениям Земли и землян? Один из путей — организация особо охраняемых (увы, от нас самих!) природных территорий. Их задача — дыханием лесов очищать над своей территорией воздух и посылать веяния ветров туда, где имеют место загрязнения. В родниках, реках, озерах своих рождают чистую воду и посылать людям в поселения, лежащие за его пределами. Сохранять ландшафты и оберегать все, что на них живет, уберечь души людей от скверны разрушения — святая миссия! Печально, что простая эта истина, понимание ценности заповедников большинством населения пока не понята и не принята...»

Со временем у Семена Климовича выработалось свое понимание заповедности и ее законов. *«Заповедность, заповедная этика, по-видимому, уже была во мне от отца — в генах, она*

явилась путеводной по жизни нитью. Природоохранное отцовское воспитание повело меня по жизни и дальше. Учась на факультете охотоведения в Иркутском сельскохозяйственном институте, после первого курса в составе группы летом 1952 года на практике я оказался в Баргузинском заповеднике. Наш незабвенный учитель профессор Василий Николаевич Скалон, организовавший эту практику, рассказывал о заповеднике, истории его организации, целях и задачах, стоящих перед ним, природоохране вообще, о необходимости развития природоохранного мышления. В душе многих из нас этот чудный край оставил яркие впечатления. Они и определили место следующей — зимней — практики, снова в Баргузинском заповеднике.

Новый энергичный зам по науке Олег Кириллович Гусев определил нам, студентам-практикантам, задание: пройти по территории несколькими группами на камасных лыжах, учесть следы соболя и лося. Учет численности животных по следам — дело, которым всю мою последующую жизнь пришлось заниматься.

Преддипломная практика в таежных угодьях юга Читинской области проходила под руководством Виктора Владимировича Тимофеева, непревзойденного полевика-исследователя, автора первой методики учета численности соболя, организатора расселения зверька в Восточной Сибири. Замечательно важным было общение с этим доброжелательным, глубоко порядочным человеком. Тем укреплялось мое «заповедное» состояние души и пока не осознаваемое решение посвятить себя природоохране.

На этом фото Семена Устинова - найденный им исток реки Лена

Получив диплом биолога-охотоведа в 1956 году, я направился в Баргузинский заповедник, где в научном отделе Олег Гусев держал

для меня должность старшего научного сотрудника. В пору этой практики мы много общались с Олегом Кирилловичем, он произ-

вел на меня сильное впечатление знаниями о природе заповедника и личными качествами широко образованного человека.

Подходы в наблюдениях, отработанные в БГЗ, я использовал при сборе материала по экологии копытных, будучи научным сотрудником Восточно-Сибирского отделения ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства. Длительные полевые работы в БГЗ во все времена года выработали навыки к длительной (1–2 месяца) автономной жизни, что пригодилось при работе в других организациях, связанных с полевыми исследованиями.

«Заповедность» души и дальше продолжала вести по жизни: в 1988 году я получил возможность перейти в только что созданный Байкало-Ленский заповедник, в

организации которого принимал некоторое участие. В Байкало-Ленском заповеднике, где я работаю уже более 25 лет, автономно пройдено немало познавательных маршрутов, сделано множество для себя открытий, собран материал о жизни заповедных обитателей. Теперь все это в моей памяти и моих книгах».

Семен Климович не устает повторять о том, что заповедная система России представляет собою огромную общечеловеческую ценность: «Первозданность земной поверхности, первородное биологическое богатство, здоровый наследственный аппарат растений и животных, чистые вода и воздух сохранились лишь на этих территориях, заслуживающих глубокого уважения, бережения, внимания. Природосберегающая роль их будет усиливаться по мере дальнейшего техногенного загрязнения человеком среды жизни, но уже сейчас в полной мере осознана благотворность воздействия тихих уголков природы на психику, мораль, нравственность людей... Особо охраняемые территории обладают, в ряду прочих, еще одним даром — дают страждущим условия для тишины и душевного покоя».

Наряду с почитанием заповедной системы России, Семен Климович совершенно справедливо сетует по поводу той странной ситуации, что сложилась в нашей стране вокруг охраняемых природных территорий: «История заповедников — в непрерывном преодолении трудностей от вечной нехватки финансов до бесконечного вразумления не желающих принимать их на дух разного калибра властей предрержащих

и хозяйственников. Да и федеральным властям нынче, похоже, не до заповедников, многие из которых в России стоят на последней ступеньке».

И еще, о поддержке заповедников со стороны: «Идея поддержки заповедников, находящихся в тяжелом финансовом положении, еще не овладела массами. Значимость особо охраняемых природных территорий для настоящего и будущего здоровья нации стремительно растет. Похоже, раньше нас в массе люди это поняли за рубежом, поскольку наши заповедники там почитаются за великое национальное богатство, и пытаются построить у себя нечто подобное».

Охота охоте рознь

Давний щепетильный вопрос, дискуссии по которому периодически разгораются в обществе, — это совместимость охраны природы и охоты. Вполне могу понять тех, кто ратует за разумное разрешение охоты — конечно, в специально отведенных для этого местах. В конце концов, звери и птицы являются таким же биологическим ресурсом, как, скажем, лес. Если же мы в принципе против охоты, то будем последовательны, давайте и рубку лесов запретим!

По убеждению С. К. Устинова, именно благодаря охоте как основному средству добычи пропитания человек и выжил в далеком своем прошлом в дикой враждебной природе. «Все это теперь в наших генах. Охота с ружьем (не автоматическим!) останется

и всегда будет настоящим занятием для настоящих мужиков, условием существования малочисленных народов». Но, как в любом деле, в охоте нужны разумные ограничения, которые будут лежать в основе этого человеческого занятия. «Мне приходилось много охотиться на разного зверя, но «заповедность» души всегда определяла природоохранительную меру добычи».

Устинов признается, что без увлечения охотой, целью которой далеко не всегда была добыча зверя, он не узнал бы и сотой доли о жизни каждого отдельного зверя: «Охота звала меня в лес, в горы и для того, чтобы еще повидать у дымящегося костерка звездные ночи, алые закаты, розовые рассветы. Послушать шелестящую тишину ночи, когда ты один во всем этом мире, и все, что видишь, принадлежит только тебе...»

Охота в жизни Семена Климовича началась с отца. Видя стремление сына к познанию таежных премудростей, на тринадцатилетие отец подарил ему дробовичок 24-го калибра. Вот радости-то было: свое ружье! Но главным достоянием была бесценная наука. То, чему отец учил, было на уровне заповедей и запомнилось на всю жизнь. «Никогда и нигде не добывать никакой редкости и не стрелять по неведомому зверю-птице, зачастую они исполняют важный закон природы — расширяют свой ареал». Или: «Тишина — главное; ты должен видеть и слышать в лесу все, тебя — никто. Тогда ты охотник».

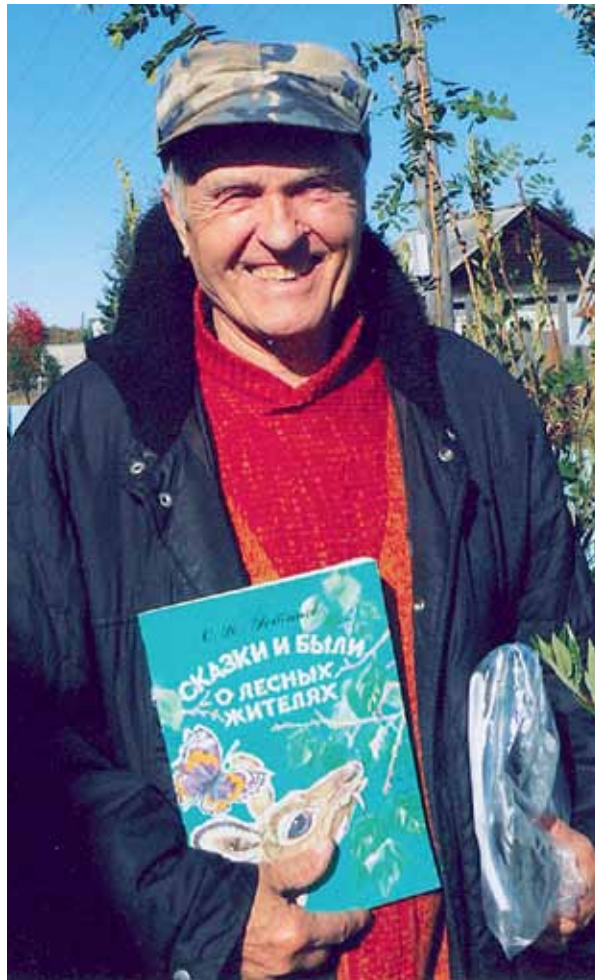
О. К. Гусев, который в охотничьих вопросах был громадным авторитетом, однажды

На одной из встреч с юными читателями

Всегда готов!

Улыбка, как и книги о природе - визитная карточка Семена Устинова

написал: *«Устинов с полным основанием мог бы сказать о себе: любовь к природе сделала меня охотником, а охота обострила любовь ко всему живому».*

«Все началось со школьного сочинения»

Откуда у людей вдруг появляется писательский зуд, не знает никто. Живет себе человек, и вдруг оказывается, что он умеет не просто связывать на бумаге слова друг с другом, а

делает это изящно и со знанием того дела, о котором берется писать.

Как пришел к писательству Устинов? *«Общаться с природой я начал практически с самого рождения. Школьником любил убежать в лес, на речку. Помню, что уже тогда благодаря общению с природой у меня постоянно было приподнятое настроение. В шестом классе я написал сочинение «Осень в лесу» — о том, как летели журавли. На мое удивление, сочинение было отправлено на конкурс в Улан-Удэ и заняло первое место...»*

Но началось все с любви маленького

Семена к книгам. В детстве он постоянно посещал школьную библиотеку и читал, читал. Особый интерес вызвали описания путешествий, природы, жизни диких зверей. Зачитывался Пришвиным, Бианки, а когда стал постарше — Арсеньевым, Козловым, трудами академика Обручева. Не чурался и обычной литературы, например его любимым поэтом навсегда остался А. С. Пушкин. Будучи семейным человеком, он вместе с женой долгими зимними вечерами любит перечитывать стихи великого поэта.

Когда сам стал классиком литературы о природе, с кем его только не сравнивали! Называли то таежным Пришвиным, то иркутским Песковым, то сибирским Арсеньевым. Подобные сравнения любому писателю лестны. Но Устинов, бесконечно уважая других писателей, никогда не стремился никому подражать.

Семен Климович в своих книгах и очерках повествует о родной природе и о великой миссии заповедников, с восторгом рассказывает о тех землях, которые не без основания считает своей малой родиной и в которые влюблен всю свою жизнь. Он помогает другим увидеть в обыденном мире нечто интересное, старается донести до читателей, что сохранение первозданной природы очень важно для человечества.

В книгах Устинова удачно сочетаются талант ученого с писательским даром. Поэтичный слог его научных трудов продиктован трепетным отношением к природе Восточной Сибири, а публицистика, научно-популярные и даже художественные сочинения в своей основе всегда научны. О том, что

качество книг и работ Устинова признано на самом высоком уровне, свидетельствует тот факт, что некоторые из них были опубликованы в Японии, США, странах Скандинавии, Швейцарии. Его книги печатают даже шрифтом Брайля!

Очень важно, что своими книгами Устинов не только образовывает и просвещает, но и учит исходя из своего богатого и уже частью востребованного опыта. Учит ненавязчиво и терпеливо. Например, в его книге «Визит к Берендею» есть специальная глава «Этика таежного похода». В ней автор описывает навыки поведения в тайге — простые и понятные, но о них почему-то забывают многие из тех, кто в наше время все чаще вторгается в жизнь природы.

Романтик

Известный советский поэт Михаил Светлов, отвечая на вопрос, что означает слово «романтика», однажды сформулировал: *«Романтика — это когда человек стоит на земле, но поднимается на цыпочки, чтобы дальше и выше видеть».* Герой нашего повествования, как мне кажется, всю свою жизнь находится в описанном поэтом положении, поэтому видит гораздо больше и яснее, чем остальные.

Всю свою жизнь Семен Климович благоговевает перед тем, что его каждодневно окружает. В предисловии к одной из своих книг Семен Климович писал: *«Благодарю моих бессменных спутников в походах по просторам Берендеева царства: шум ветра в*

кронах, журчание ручьев и речек, плывущие облака, звездное небо и мерцание огонька у моих бесконечных ночевок». Разве может так написать человек, не способный в каждом проявлении жизни видеть нечто возвышенное и неземное?

Вот какую характеристику, не лишенную романтизма, дал Устинову друг и соратник О. К. Гусев: *«Его философия природы нравственно возвышена, его экологическая этика полна естества и правды. Он охотовед, охотник, непревзойденный следопыт и, когда надо и где можно, удачливый добытчик. Он же — один из самых известных и уважаемых в Сибири деятелей заповедного дела. Он полон любви и уважения к тайге, горам, ко всему, что живет и произрастает на его родной земле. С. К. Устинов — верный ученик таких отцов экологической этики, как Генри Торо и Олдо Леопольд, — великих природоохранителей и знаменитых охотников».*

Семену Климовичу по своей хлопотной профессии довелось от души поколесить не только по родной стране. В разные годы жизни он побывал в Аргентине, Уругвае, США, Венгрии, Болгарии. Все эти поездки были связаны с какими-то событиями. И все же самой яркой и драгоценной природой он всегда считал и считает свою, сибирско-байкальскую, и никогда даже и не сравнивал ее с чужими природными диковинами.

Семен Климович придает романтике исключительное значение, быть может, даже не подозревая этого. Как проникнуться возвышенным слогом, если не быть подлинным романтиком? Разве может написать красиво человек, не пронизанный сиянием звезд?!

Гражданская позиция

Устинова вряд ли можно отнести к разряду тех писателей-публицистов, которые, как говорится, «глаголом жгут сердца людей». Он человек не воинственный и, демонстрируя другим свое отношение к природе, как бы мирно предлагает принять его позицию или отойти в сторонку. Но бывают ситуации, когда вежливость преступна, когда терпеть нельзя, когда для дела полезнее ввязываться в бой. И в таких случаях наш герой сразу же обнажал свою гражданскую позицию.

Вот что писал в «Восточно-Сибирской правде» журналист О. Быков: *«Вспоминается непростая ситуация, когда столкнулись две силы — природоохранная и сугубо потребительская, можно сказать, хищническая. Под разными предлогами предпринимались отчаянные попытки пересмотреть границы заповедника. Положение усугублялось тем, что за отторжение земель высказывались некоторые чиновники областного масштаба. В борьбу Семен Устинов втянул и меня, в итоге в «Восточно-Сибирской правде» появилась острая, написанная совместно с Устиновым статья «В осаде... заповедник». Страсти со временем поутихли, попытки отхватить под охотугодья внушительную часть заповедника прекратились. Я бы назвал это гражданским подвигом: несмотря на угрозы, Устинов не сломался, и в этом он весь — неподкупный, принципиальный, убежденный в своей правоте».*

Как любому нормальному человеку, Устинову больно видеть тайгу, задыха-

Какие наши годы!

ющуюся от газовых атак, опустошаемую лесозаготовителями, ежегодно горящую и словно замирающую в ожидании очередных грядущих бед. Ему дико видеть сегодняшних «добытчиков», на джипах загоняющих беззащитного зверя или губящих все живое в реках сетями и электрическими устройствами. *«Они думают, что природа бездонна — черпай, хватай. Мне кажется, это падение на уровне общества. Это стремление к разрушительству начало развиваться в нас еще в советский период и сейчас только усиливается».*

В октябре 2006 года, во время очередного телевизионного общения Президента России В. В. Путина с населением страны, Устинову

Семейный портрет Устиновых

На творческом вечере

удалось задать свой вопрос главе государства. Он касался не житейских проблем типа плохой работы коммунальных служб или даже обнищания населения, а оскудения природы. Впрочем, приведем этот диалог в сокращенном виде:

Устинов Семен Климович: *«Я по роду своей деятельности очень часто и помногу бываю в тайге и в наших лесах, и я вижу, как быстро тают запасы хвойного леса. Если посмотреть на железную дорогу, то можно увидеть, сколько эшелонов, груженных этим лесом, идет на продажу. Этими богатствами мы распоряжаемся неграмотно. Есть ли у правительства план, проект, решение, чтобы исправить*

положение? Мы знаем, что это беда всей России».

Путин Владимир Владимирович: «Семен Климович, полностью и абсолютно с вами согласен. Еще пять-шесть лет назад ставил перед правительством задачу изменить ситуацию в отрасли. Беспокоит также еще и то, что леса-то вырубаются прежде всего в пограничной зоне и там, где есть хорошие коммуникации, дороги, чтобы этот лес выносить. И, конечно, очень жаль, что вырубается ценные хвойные породы.

Чтобы изменить ситуацию, нужно поднимать экспортные пошлины на вывоз кругляка. И правительство должно принять решения по обеспечению завоза технологического оборудования для переработки леса на территории Российской Федерации.

Я воспользуюсь вашим вопросом, чтобы послать сигнал и тем, кто работает в этой отрасли, занимается бизнесом в этой области».

«Самое ценное — он пишет для детей!»

Начал писать очерк о Семене Климовиче и вдруг нечаянно открыл его как детского писателя! Родился-то он 1 сентября, в День знаний, а при таком совпадении свой писательский дар прятать от детей никак нельзя!

Детские книги Семена Климовича — вне конкуренции, потому что из них дети смогут не только узнать, скажем, о животных, которые живут совсем рядом в тайге, но и понять, как к ним нужно относиться. В предисловии к своей книге «Эколог Леший и его соседи» Устинов писал, как подобает настоящему педагогу: «Лозунги и прочие призывы типа «Любите природу!» ничего желаемого дать не могут. Любовь к живому, к природе — чувство тонкое, сложное, и заклинаниями тут не поможешь. Нужна непрекращающаяся воспитательная работа начиная с малого, самого восприимчивого возраста. Чтобы полюбить животное, о нем надо читать, наблюдать за ним, почувствовать к нему расположение, пожить с ним вместе в его среде, знать о его трудностях и заботах, увидеть его повадки, которые обеспечивают животному возможность жить в наших трудных, а зимой еще и жестоких условиях.

Знание особенностей жизни животных в душе детской, восприимчивой не может не вызвать сопереживания, участия, доброй жалости. Не отсюда ли и начинается любовь к живому?! Школьники хорошо начитаны о львах, жирафах, крокодилах — животных заморских стран, но о жителях нашего Прибайкалья, например, не менее знаменитых соболе и кабарге, многие и не слышали».

Устинов не только пишет для детей, но и занимается с ними. Встречается, учит их любить природу, ценить и беречь все живое. Важная часть работы эколога, считает Семен Климович, это именно общение с детьми. Дети, конечно, доверчивы, но истину чувствуют тонко. Потому на встречах с таежным писателем, затаив дыхание, слушают Семена Климовича. А потом задают вопросы: «Как вы так близко узнали животных?», «Страшно было в лесу?», «Какой зверь вас удивил?» и много других.

По словам художницы Елены Хомколовой, которая оформляла ряд книг Устинова, работа над его детскими книгами доставила ей массу положительных эмоций и от общения с Семеном Климовичем, и от обращения к любимой теме, а также от сознания того, что детская книга без лишних лозунгов закладывает основы природоохранного понимания и повышает уровень экологической сознательности детей.

Семен Климович — рассказчик такого уровня, что впору поставить его в один ряд с классическими чтецами, для которых устный рассказ — это профессия. Когда Устинов повествует о тайге и ее обитателях, его глаза

загораются, и в нем просыпается полусказочная первозданность. Но, надо отдать ему должное, своих читателей и слушателей совсем в сказку он не опускает, потому что даже детские рассказы обязательно должны основываться на научной точности и достоверности. В детской природоохранной литературе ничего лишнего придумать нельзя, как нельзя и изменить сюжеты, множество веков назад придуманные природой.

Хочешь иметь друзей — будь другом!

Трудно писать о чужих дружбах, но делать это иногда нужно — потомству в пример! Не зря в народе говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Понятное дело, дружбами не принято козырять, и, тем не менее, заметим, что дружить Семен Климович умеет отменно, потому что в нем в избытке базового для дружбы качества — доброты, которую он щедро, бескорыстно расплескивает вокруг себя.

Один из ярких примеров настоящей мужской, но трогательной и бережной дружбы — взаимоотношения Семена Климовича Устинова и Олега Кирилловича Гусева, того самого человека, который в далеком 1956 году направил судьбу молодого специалиста-охотоведа в заповедное русло. Начавшейся тогда настоящей мужской дружбе этих двух неординарных любителей природы и уникальных ее знатоков суждено было продлиться 56 лет, до самой кончины знаменитого редактора охотничьего журнала в мае

2012 года, на 83-м году жизни. Дружить им, как говорится, сам Бог велел, поскольку этих людей объединяли очень многие похожие жизненные вехи. Оба в начале своей трудовой деятельности служили в Баргузинском заповеднике. Оба — дипломированные охотоведы. Оба влюблены в Байкал и, чтобы хоть как-то помочь легендарному озеру, вошли в Байкальскую комиссию Всесоюзного общества охраны природы, а Олег Кириллович даже возглавлял ее. Оба имели отношение к учреждению Байкало-Ленского заповедника, в котором до сих пор трудится Семен Климович. Оба — природоохранные писатели, часть своего писательского пыла направившие на описание природы Байкала и Прибайкалья.

Другая особая дружба Устинова, со знаменитым писателем Василием Михайловичем Песковым, родилась на литературном поприще. Первое знакомство с Песковым, как вспоминает Семен Климович, вполне можно назвать шапочным: в 1964–1966 годах Устинов учился в аспирантуре на кафедре зоологии позвоночных Московской ветеринарной научной академии, там они с Песковым иногда виделись в коридорах, здоровались, но не более того.

«В 1987 году я написал книгу «Год и вся жизнь медведя», — рассказывает Семен Устинов. — Тогда-то мне и позвонил Василий Михайлович. Это было неожиданно. Он попросил прислать ему один экземпляр почитать, и я с радостью это сделал». Так и началась дружба Семена Устинова с легендарным журналистом. Василий Песков в ответ отправил свою книгу «Птицы на проводах».

В 1999 году Семен Устинов, который к тому времени стал начальником отдела экологического просвещения Байкало-Ленского заповедника, отправил свои материалы на всероссийский конкурс, проводимый эколого-просветительским центром «Заповедники», где выбиралась лучшая публикация на заповедные темы. Каково же было удивление сибирского эколога, когда он узнал, что председателем жюри этого конкурса является В. М. Песков! Работа Устинова заняла почетное второе место из 1300 других работ со всех уголков страны.

«Василий тогда искренне порадовался за меня. Вообще он был человеком открытым, отзывчивым. Всегда готов был прийти на помощь». Так и дружили две легенды — журналист, автор сотен очерков и десятков книг, телеведущий и путешественник Василий Песков и знаток Байкала и Прибайкальского региона, таежный романтик, знатный просветитель и «звериный» писатель Семен Устинов. Василий Песков ушел из жизни на 84-м году жизни, в августе 2013 года.

А вот что пишет об Устинове в своем небольшом очерке под название «Слово о друге» О. В. Быков, работающий в «Восточно-Сибирской правде»: *«С Семеном Устиновым нас связывает многолетняя дружба. В мае 1988 года он, только что назначенный заместителем директора по науке Байкало-Ленского заповедника, предложил принять участие в работе по выявлению численности популяции медведя и копытных на участке «Берег бурых медведей». Целый месяц таежных троп, изнуритель-*

ных маршрутов, удивительных наблюдений и счастливых минут у костра. Для меня этот месяц стал настоящим боевым крещением.

Мне неоднократно доводилось бывать с Устиновым в условиях, приближенных к экстремальным. Свидетельствую: надежнее друга трудно себе представить. Рядом с ним чувствуешь себя сильнее и увереннее. И добрее. Невольно проникаешься его благоговейным отношением к окружающему миру, к лесному населению, ко всему тому, что называется матушкой-природой. При этом он удивительно скромный — нигде и никогда он не «якает», не старается быть на виду. Он как сама природа, о которой пишет со знанием дела и любовью, — естественный и надежный».

Бывали в жизни Семена Климовича и примеры дружбы по типу «учитель — ученик». В конце 1980-х годов студентка ИГУ Софья Бунтовская, будущий биолог, попросилась в Байкало-Ленский заповедник на практику. В это время начальником научного отдела в заповеднике был Устинов, и именно его книги в детстве подкупили девочку своим неподдельным состраданием таежным зверям, особым пониманием дикой природы. В 1990 году, по окончании вуза, Софья стала сотрудницей научного отдела заповедника. Под влиянием книг Семена Климовича ей уже давно хотелось писать для детей. Но оказалось, что «ставить нужные слова в нужном порядке» совсем не легче, чем одолеть сложный маршрут! Устинов, который в свое время помог ей проторить собственную естествоиспытательскую тропу, стал и

литературным крестным молодой писательницы. В журнале «Сибирячок» рядом с рассказами лешего Кеши Семена Климовича Устинова появились «Таежкины истории» Софьи Бунтовской.

Вероятно, друзей у Устинова могло быть огромное количество, поскольку при любом новом знакомстве он настроен дружелюбно. Дружелюбие — то есть дружба и любовь в одном флаконе. Некоторая толика доброжелательности Семена Климовича, высказанная вслух и на бумаге, досталась и мне — за работу редактором в заповедных газетах. И я несказанно горд, что знаком с этим замечательным, ярким, бесконечно талантливым

человеком и что одну из моих книжных полок украшают книги Устинова с его дарственными надписями.

В случае с Семеном Климовичем известное английское выражение «Если хочешь иметь друзей — сам будь другом» реализуется как нельзя полностью.

Золотой характер

Просматривая оказавшиеся в моем архиве десятка два фотографий, на которых один или в группе изображен Устинов. На всех снимках его лицо украшает неизменная улыбка. Мне кажется, что он улыбается даже во сне. Это очень характерно для Устинова — радоваться каждому мгновению жизни!

Как говорил один из лучших друзей Семена Климовича Олег Гусев, *«в русском словаре есть одно вместительнейшее слово, способное всеобъемлюще охарактеризовать личность человека. Слово это — «порядочность». Мы говорим: «Он человек порядочный», — и этим все сказано. Семен Климович — человек абсолютно порядочный, говоря словами Л. Н. Толстого, «порядочный до мозга костей».*

Устинов, на мой взгляд, идеальный образец русского национального характера, еще не искаженного теми «загогулинами», через которые прошла Россия в XX веке: благородная доброжелательность в общении с людьми, скромность, много уважения как к прошлому, так и к настоящему, отзывчивость на все светлое и доброе, великодушие, любовь к природе и Родине».

Семен Климович долгие годы жил в Иркутске вместе с женою Нэлли Германовой и детьми — сыном Андреем и дочерью Натальей. В начале нового тысячелетия он вместе с супругой перебрался в небольшой поселок Утулик (Слюдянский район). Рассказывают, что их дом, из которого можно выйти прямо к берегу легендарного озера, абсолютно гармонично вписался в прибрежный заболоченный лесок.

Его жена Нэлли Германовна — кандидат сельскохозяйственных наук, участник двух крупных научных экспедиций в район экватора на рыбной базе «Ленинградская слава», соавтор изобретения адаптогена, используемого для роста и развития растений, животных и человека, автор ряда известных научных публикаций и книжки для детей.

Эта прекрасная семейная пара, которая почти пять первых семейных лет провела в тайге, проводя исследования, отметила уже шестидесятилетие (!) совместной жизни. День за днем, год за годом — так и наполнялась копилка семейной любви, взаимоважания и опыта. Семен Климович по этому поводу говорит: *«Дети выросли, теперь мы вдвоем, и хочется все делать вместе. Приобретенный опыт подсказывает: надо сохранять доброту отношений, меньше брюзжать, не нагнетать обстановку. Больше внимания уделять детям, внукам, помогать им в том, что они выбрали сами, а не навязывать свое». Ему вторит Нэлли Германовна: «Удивляюсь, что столько лет прошло, а я и не заметила. Столько видано, столько прочувствовано вместе! Главный совет: что бы ни было — жить дружно!»*

Хорошему человеку доброе звание не помешает

Семен Климович Устинов за званиями и наградами не гнался. Только так выходило, что год от года очередные организации, имеющие отношение к природе (да и не только они), познакомившись поближе с нашим героем, спешили отметить его каким-нибудь знаком отличия. Тот факт, что у нашего героя немало званий и наград, означает только одно: он в своей жизни немало сделал, и этому соответствует его официальное признание.

Звания, присвоенные Устинову, далеко не шуточные. Например, за выдающийся вклад в охрану природы он был удостоен звания «Заслуженный эколог России». За развитие теории и практики охоты ему было присуждено звание «Заслуженный работник охотничьего хозяйства России».

Есть у него и ряд наград, которыми принято украшать грудь: медаль «Ветеран труда», «Большая медаль Советского комитета мира», ведомственные почетные знаки «За охрану природы России» и «За заслуги в заповедном деле», знак «Золотой бурндук» эколого-просветительского центра «Заповедники»,

Есть и ряд почетных должностей, которыми в разное время был «нагружен» наш герой: почетный член Всероссийского общества охраны природы, член Совета по природопользованию Сибирского отделения Академии наук, член Байкальской комиссии Всероссийского общества охраны природы, почетный член Иркутской областной

организации охотников и рыболовов, член Американского общества териологов. Одно время Устинов был председателем ассоциации «Спасем экологию и мир», созданной в рамках областного комитета защиты мира.

По творческой линии Семен Климович Устинов также не забыт. Он лауреат премии «Интеллигент провинции» имени Марка Сергеева, премии им. Ф. Р. Штильмарка, литературной премии им. В. Шукшина.

С наградами и званиями или без таковых — он одинаково востребован на высоком уровне, всегда и везде. Устинов гордится тем, что его слово весомо и интересно другим, и совсем не случайно он стал постоянным автором многих средств массовой информации, за сотрудничество с которыми в последние годы отвечает в Байкало-Ленском заповеднике. Длительное время Семен Климович входил в редколлегии популярных региональных журналов «Байкальская экологическая волна» и «Сибирячок».

Обобщая уже прожитое

Каждый из нас в каком-то возрасте берется подводить итог тому, что прожито и нажито. Правда, далеко не каждый способен найти в себе то самое главное, что следует обнажать перед другими. И пусть жизнь Устинова по-прежнему кипит и пенится, мы попробуем обобщить все, о чем только что рассказали.

«О Семене Климовиче можно с любовью и восхищением говорить много. Я про себя называю его заповедным человеком — не только потому, что он работает в

заповеднике, но прежде всего потому, что таких людей следует чтить и оберегать как-то по-особому: их мало, а они нужны, очень нужны», — этими словами Валентина Распутина открывается библиографический сборник С. К. Устинова.

Распутину как бы вторит редактор литературно-художественного журнала «Сибирь» А. К. Лаптев, характеризуя нашего героя: «Это необыкновенно скромный человек! Он никогда ничего не требует лично для себя. Довольствуется малым и думает исключительно о других. Совсем не случайно он стал экологом. А кто такой эколог? Это оберегатель природы. В книгах его — свет надежды на то, что когда-нибудь гармония все же наступит в этом мире».

Семен Климович никогда не страдал наивностью и всегда прекрасно понимал, как тяжело природе в современных реалиях. Однако даже теперь, когда ему уже за 80 лет, он продолжает заражать окружающих неистребимым оптимизмом и восхищать их своей любовью к природе и всему живому: «Мы мечтаем о том времени, и оно обязательно придет, когда люди, живущие в близлежащих к особо охраняемым территориям поселениях, будут гордиться таким соседством, поскольку уже сейчас заметны признаки зарождающегося в этом престижа. Люди будут радоваться тому, что в их краях располагается нетронутая территория, где красивы, дики, первозданны ландшафты, закрытые лесами, полными различных зверей, птиц и цветов под голубым небом на берегах хрустально

чистых вод». С этой мечтой Семен Климович живет и трудится во имя природы. И, видимо, одним из самых главных его жизненных достижений следует считать его уникальное умение делиться с другими людьми своей любовью к природе и сопричастностью к ее проблемам. А ведь проблема, в сущности одна: как научиться человечеству жить таким образом, чтобы, не обделяя себя, сохранить первозданную природу для потомков?

Поддерживая статус семьи долгожителей, Семен Климович свою «норму» по прожитым годам выполняет с честью, но при этом отпущенное время не теряет даром. И, как у каждого уважающего себя долгожителя, у него наверняка готов завет потомкам, а то и несколько. В интервью одному из детских журналов на вопрос о том, что он может пожелать подрастающему поколению, Устинов ответил: «Ребята, приходит ваше время. Вам возглавлять охрану природы. Не нужно до конца использовать то, чем мы живем...»

А на одной из встреч со своими многочисленными читателями, вспоминая о своей нелегкой, но безумно интересной и до предела насыщенной впечатлениями жизни, он сказал: «Я благодарен судьбе, звенящей струной которой была заповедность».

Евгений Богданов

— ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ РУССКОГО СЕВЕРА —

Елена Шатковская

В российской заповедной системе имя директора Кенозерского национального парка Елены Флегонтовны Шатковской у всех на слуху, причем исключительно в хвалебном контексте. И дело не только в том, что она руководит одной из самых заметных и состоявшихся территорий, которая полностью оправдывает название «национальный парк». Природа сконцентрировала в Шатковской такой набор деловых и человеческих качеств, что не заметить и не оценить ее саму и результаты ее деятельности просто невозможно.

«Старшее» поозерье как мир северорусских былин

В заведование Елене Флегонтовне достался удивительный край! Когда попадаешь в Кенозерский национальный парк (КНП), кажется, что здесь время остановилось, а мир древних славянских былин чудом перенесся в современность. Природное и культурное наследие настолько грандиозны, а их гармония при этом так деликатна, что захватывает дух, и впору онеметь от восторга.

Озерных краешков, именуемых поозерье-

Справа мой прадед Антонов Егор Алексеевич с бабушкой Елизаветой (сидит)

ями, в России немало. Кенозерский национальный парк объединяет 251 озеро общей площадью 20,1 тыс. га, которые занимают почти 15% всей территории парка! В сочетании с многочисленными объектами наследия предков именно Кенозерье вполне может претендовать на роль старшего из всех заповеданных российских поозерий!

КНП буквально напичкан шедеврами деревянного зодчества и культуры наших предков; здесь целые деревни представляют собою объекты наследия мирового уровня. По сравнению с другими, более освоенными российскими регионами или теми из них, которые крепко зацепили войны и другие потрясения, Кенозерью удалось сохранить свое наследие в хорошем состоянии.

Объектами особой ценности здесь являются 24 культурно-ландшафтных комплекса. На территории парка сохранилось 11 церквей и колоколен из существовавших ранее 18, 39 часовен из 65, более 30 старинных поклонных крестов и 45 святых рощ. В парке хранится одна из самых крупных в России коллекция «небес» (расписных потолочных перекрытий храмов), состоящая из 17 комплексов.

Приозерные живописные деревни вкуче с сакральными местами — часовнями, святыми рощами, поклонными крестами и почитаемыми камнями, — напроць связали вековые промежутки с озерами, окруженными холмами и лесами. Два сектора парка упираются в знаковые объекты, символизирующие разные эпохи Руси. У границ Каргопольско-

го сектора красуется древний Каргополь, возникший на год раньше Москвы, а символом Плесецкого сектора стал один из наших космодромов.

«Мы представляем вам семь чудес Кенозерья — самые удивительные и загадочные достопримечательности, созданные людьми и природой в этих местах...» — вводная фраза из рекламного буклета парка. Да все Кенозерье — единое, никоим образом не делимое чудо!

Великое Кенозеро

Те, кто бывал в Кенозерье, знают, что здесь третий тост во время неизбежных застолий принято произносить во славу этой территории. Во время тоста не возбраняется отметить, что именно Кенозерский национальный парк — лучший в мире, и не лишне закрепить это утверждение исполнением местного неофициального гимна, припев в котором гласит: «Кенозерье с детства мне знакомо, / И знаком тот карбас на волне, / Если уезжаю я из дома, / Озеро и чайки сняты мне».

Весь коллектив Кенозерского НП верит в определение «лучший» как в абсолютную истину. Но сама по себе территория не станет быть лучшей — для этого нужна первая скрипка. Несомненно, настрой коллектива КНП и местных жителей создает, прежде всего, Елена Флегонтовна Шатковская, которая убеждает и всех гостей Кенозерья влюбиться в свой парк, прочувствовать неповторимую красоту Русского Севера.

«Меньше всего я думаю, что наш парк —

Маленькая Лена с мамой и папой

самый лучший в мире. Вернее, я вообще об этом не думаю. Да, иногда мне приходится говорить, что наш парк — один из лучших в стране, однако мы ни с кем не соревнуемся!

У меня в парке есть любимые места, их перечень менялся по мере узнавания, погружения, моего душевного состояния и настроения.

Кенозеро — великое, загадочное, столько повидавшее на своем веку, с закулисьем островов и плесов — моя любовь с первого взгляда. Люблю нежилую деревню Кривцово на берегу Кенозера, в которой у нас есть старинный гостевой дом, и когда чувствую себя уставшей, когда очень хочется одиночества, всегда мечтаю там переночевать.

Практически осязаемая и оглушающая тишина, роса на траве, утренний розовый туман, настолько плотный, что, кажется, его можно потрогать руками, — только там.

Любовь раз и навсегда — Порженский погост. С ним у меня особые, личные, почти человеческие отношения. Там и радостно, и грустно, там разрывается сердце. Порженский погост вправляет мне мозги, к нему я

Разбег будущему руководителю довелось брать на Соловках

иду или еду, как на суд, — там отчетливо понимаешь, что есть истинное, а что — суета сует.

Обожаю Масельгу, Масельгское озеро — в нем живая вода, и с ней можно разговаривать. Из 251 озера парка плавать люблю именно в нем. На его берегу так приятно посидеть у костра, попеть песни с близкими друзьями и коллегами. Это такое земное счастье! Есть близкий круг людей, которые никогда не подставят, не предадут, не ударят в спину, пойдут за тобой в огонь и воду. С ними я люблю ходить на Наглимозеро (Кенозеро в миниатюре) и там не спеша на лодочке заплывать на крохотный Ионин островок (мои мужики прозвали его Еленин), разжечь костер, и мечтать, и вспоминать под уху из

налима и жареную ряпушку, как все начиналось. Это запоминается на всю жизнь».

Проникновенно, с неподдельной любовью говорит Елена Флегонтовна о потаенных уголках «своего» Кенозерья. Уже одно это объясняет позицию сотрудников КНП и его руководителя относительно собственной лучшести. Наверное, иначе и быть не может, потому что Шатковская и ее многие ближайшие помощники — не варяжской, а особой, поморской породы!

Поморские корни и северорусское восприятие мира

Не подлежит обсуждению тот факт, что на Русском Севере живут совершенно другие наши соотечественники, отличные, скажем, от москвичей, смолян или волжан. Северянам достались нелегкие условия существования. Суровые внешние обстоятельства заставляли сплачиваться, чтобы совместно преодолевать невзгоды. В такой атмосфере не было места корысти, зависти, недоброжелательству. Выбеленная водою и ветрами природа передала свою ничем не замутненную чистоту душам поморов, что не могло не сказаться на их культуре. И если уж где-то по-настоящему пахнет Русью, так это именно здесь, на Русском Севере.

«То, что это моя земля, я поняла с возрастом. Здесь история моей семьи, могилы моих предков, здесь мой дом, я кровно связана с Русским Севером, я проросла в эту землю и потому вряд ли смогу жить в другом

месте. Восхищаюсь буйством южных красок, люблю море, впечатляют горы, норвежские фьорды, но щемящее чувство нежности, грусти, печали, тихой радости я испытываю только здесь. О значении Севера в истории и культуре России точно и емко сказал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это то, что он самый русский. Он не только душевно русский — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные».

Жизнь на Севере всегда была свободной. Все, что делал северный человек, он делал собственными руками и талантом. И при всей тяжести и суровости жизни он замечал, чувствовал и создавал красоту. До XVIII века Архангельский край оставался единственным окном в Европу, воспринимая технический прогресс Запада, но при этом свято соблюдая законы и заветы предков, здесь доминирующей была крестьянская культура. Это другая ментальность, это свобода на генетическом уровне. Кенозерье является воплощением Русского Севера, поэтому я знаю, ЧТО я защищаю».

К сожалению, невеселая советская действительность лишила многие русские семьи понятия «родовитость», уничтожила родословные знания, принудила быть

Вдыхая аромат соловецких трав...

«единой исторической общностью — советским народом» и на семейном уровне заставляла людей стать «Иванами, не помнящими родства». Шатковской повезло. У нее есть, кого вспомнить и кем гордиться, — именно на родственном уровне.

«Мои дошкольные годы были безоблачными и счастливыми. В школе — октябренок, пионерка, затем секретарь комсомольской организации школы.

У меня не было дедушек: папа остался сиротой, будучи еще совсем маленьким, а мамин папа погиб во время Отечественной войны. Летом меня отправляли в деревню под Архангельском, к бабушке Мане, папиной тете. Как-то я застала ее крестящейся перед иконой и стала доказывать, что Бога

На белом пароходике с Евгением Богдановым

С министром Сергеем Донским и губернатором Архангельской области Игорем Орловым, 2016 г.

нет, и казалась себе такой умной, прямо со страниц учебников по научному коммунизму. А она смотрела на меня прозрачными глазами и молчала. До сих пор стыдно. И еще у меня была бабушка Лиза — мамина мама, я любила у нее жить, мне там все было позволено! Бабушка жила в двухэтажном деревянном доме в центре Архангельска, он был куплен моим дедом, дом давно снесли. На первом этаже жили раскулаченные родители бабушки. Я еще застала своего прадеда Егора Алексеевича Антонова. Остались старинные фотографии: красивые благородные лица, озаренные каким-то внутренним светом, прямой взгляд, осанка, великолепный женский наряд из панбархата, золотые украшения с драгоценными камнями... Такими и были поморы — гордыми, красивыми, трудолюбивыми, с внутренним чувством собственного достоинства, особым укладом жизни. У моего прадеда по маминной линии был свой зверобойный промысел, он ходил по северным морям в скандинавские страны. Ну а прадед по папиной

линии служил в личной охране императрицы Александры Федоровны».

В богатой биографии Егора Алексеевича был и такой эпизод. После кораблекрушения и последующих за ним двухгодичных скандинавских мытарств он исполнил данный себе во время бедствия обет и два года отработал трудником в Соловецком монастыре. И так уж распорядилось Небо, что много позже именно Соловки стали первым серьезным жизненным этапом в судьбе нашей героини.

«У моих родителей была неплохая библиотека, к тому же я была частым посетителем городских библиотек. Сначала читала все подряд, потом предпочитала мемуарную литературу, книги по искусству, стихи. За чтение самиздата в доперестроечное время на меня был написан первый донос в КГБ. Спас отец, но он никогда мне об этом не говорил и никогда не упрекал.

В 6 лет, когда появились мои братик и сестричка — двойняшки, я сразу стала для родителей взрослой. Папа был строг ко мне, мы с ним не дружили в мои школьные годы, во

времена моей молодости у нас были странные отношения. Мне, маленькой девочке, не хватало его ласки и заботы в детстве, понимания — в старших классах, институте. Друзьями мы стали в моей взрослой жизни, когда я многое про него поняла и узнала, почему он был суров со мной. Папа возглавлял отдел правительственной связи в КГБ, он устанавливал правительственную связь и на космодроме Плесецк, и на Новой Земле. Он был настоящим русским офицером — бесконечно добрым и уважительным к людям, глубоко порядочным и честным, благородным, начитанным, красиво ухаживал за женщинами, знал российскую историю в мелочах. Будучи полковником КГБ, никогда он не пользовался привилегиями, никогда не участвовал в VIP-охотах, он в принципе не мог убить животное, как не мог пройти мимо раненой птицы, бездомных кошек и собак. Он ушел из жизни в 2007 году, вместе с ним ушло ощущение большой дружной семьи, с традициями, четким распределением обязанностей, общими печалью и радостями. Главным мужчиной в моей жизни был папа, всю жизнь пытаюсь быть на него похожей».

Строитель и реставратор

«Мой выбор будущей профессии был абсолютно случайным, я не знала, в какой институт поступать. В Москву или Ленинград не поехала, а в Архангельске в то время было три вуза. Про них говорили так: ума нет — иди в пед, стыда нет — иди в

мед, некуда идти — иди в АЛТИ. Профессия учителя меня не вдохновляла, медицинский был исключен сразу же, оставался АЛТИ — Архангельский лесотехнический институт. Выяснила, что самый большой конкурс на строительный факультет, туда и поступила. По окончании института в списке распределения выпускников под последним номером стояло Лешуконье — туда, на северо-запад Архангельской области, я и отправилась.

В ПМК (передвижной механизированной колонне) межколхозстроя я начала свою взрослую трудовую деятельность в качестве мастера-строителя. Именно в Лешуконье начала оформляться моя любовь к деревянному зодчеству, северной деревне, ее деликатным, по-житейски мудрым людям. В моем подчинении была бригада плотников и столяров-краснодеревщиков. Мои лешуконские мужики — замечательные люди, мастера, у которых руки с головой дружат, они многому меня научили. Никаких пересудов, интриг, склок — все готовы были помочь, подставить плечо, никогда не упрекали за промахи. Моя северная ментальность многое не принимает в других местах. Для меня любой населенный пункт — это не только архитектура и какие-то события, но и люди, которые там живут. И если мне среди этих людей неуютно, то и все остальное меркнет.

Однажды случайно попав на Соловки, я поняла: это мое, я хочу жить и работать только здесь! В октябре 1983 года отправилась на Соловки. Темень, холодный ветер, косо́й дождь, луч прожектора мечется

На границе, без конфликта

по валунной кладке крепости — страшно и неудобно. Стою и думаю: «Боже! Куда я попала! Это же тюрьма». Но гордость не позволяла вернуться обратно. Так началась моя соловецкая эпопея, оказавшая огромное влияние на дальнейшую жизнь. Не было бы в жизни Соловков, не было бы и такого парка».

В Соловецком музее-заповеднике Елена Флегонтовна прошла почти все ступени должностного роста, от младшего научного сотрудника до заместителя директора по охране и использованию памятников истории и культуры.

«Мои отношения с Соловками развивались непросто, я долго привыкала к острову. Сначала казалось, что не мне, а меня надо защищать от этих огромных монас-

тырских стен, они давили на меня. Затем, по мере узнавания, привыкания, мы стали на равных, а потом я воспринимала эти памятники как своих детей, за которых отвечаю. Они для меня были живыми, израненными, я их любила, знала каждый кирпичик».

Здесь продолжал выковываться ее характер — резкий, независимый, своенравный; заодно нарабатывался богатейший профессиональный опыт.

«Мне посчастливилось работать в одном из самых сильных музеев страны. И надо было постоянно учиться, чтобы соответствовать уровню этих уникальных специалистов-музейщиков. Повезло еще и с тем, что я застала советскую реставрационную школу — качественную, профессиональную,

научную. Это касается и проектных работ, и производства реставрационных работ».

Последний год я работала заместителем председателя Соловецкого райисполкома. В моем ведении было островное хозяйство с очистными сооружениями, стройками, старыми трубами канализации и водопровода. Начинала я свой рабочий день с посещения островной котельной, строящихся и ремонтируемых объектов, а заканчивала ночью написанием предложений в концепции, планы, программы развития Соловков. Но этот год был очень полезным для меня: я стала по-другому относиться к людям, их бытовым проблемам. Работая в музее, я считала, что ничего не может быть выше наследия, оно первично, все остальное неважно.

«...Соловки навсегда останутся в моем сердце. Все было по большому счету. Этот маленький клочок земли — место духовного подвига и человеческого созидания, место невыносимого человеческого страдания, скорби и боли. Жаль музей, роль которого низвели практически до придатка монастыря».

Архангельский феномен

Так совпало, что прекрасной охраняемой природной территории с самых первых дней ее образования достался не просто хороший — один из лучших руководителей системы. А ведь согласилась она занять эту должность далеко не сразу.

«Тогдашний губернатор Архангельской области П. Н. Балакшин предложил мне

возглавить создаваемый национальный парк. Почти год я сопротивлялась, до сих пор не знаю, что послужило толчком для принятия решения. Уезжая с Соловков, думала: конечно, буду работать в национальном парке с полной отдачей, но разве смогу полюбить Кенозерье так же, как Соловки, разве может что-нибудь сравниться с ними?! Допускала мысль вернуться обратно, и еще много лет у меня оставалась квартира на Соловках. Прошли годы, и Кенозерье стало мне бесконечно родным.

С собой в Кенозерье я привезла соловецкий опыт, без которого, думаю, мне в парке было бы нечего делать. Поначалу спрашивала себя: а может, восстановить культуру Кенозерья уже невозможно? Уйдут из жизни старушки, заставшие эту культуру, и закроется навсегда обложка этой золотой книги. Но в деревнях прошли праздники, и люди запели старинные песни, и это было праздничное ощущение радости, когда пели не от тоски, а оттого, что все наконец-то почувствовали себя вместе. Когда я услышала слова молодого кенозера: «А я-то думал, нас забыли», хотелось сказать ему и всем: «Нет, не забыли, потому что сами кенозеры не забыли заветы предков!» Надо только постараться, взяться всем миром и уберечь от поругания и разрушения малую толику русской культуры — Кенозерье, а там уж ниточка и потянется!»

Из тех, кто хоть немного разбирается в заповедных проблемах, далеко не я один считаю, что Елена Шатковская среди руководителей ООПТ является феноменом. Ее феноменальность не носит случайного,

Открытие выставки «Небеса ручной работы». Москва, 2010 г.

приблизительного или очень общего характера: в ее случае все как раз вполне конкретно и обоснованно. Человек на своем месте.

Во-первых, Шатковская не играет в понятия, не просто работает на охраняемой территории — для нее Кенозерский национальный парк есть сама жизнь, как до этого жизнью были Соловки. *«Мне кажется, что Кенозерье — это последний или единственный Дом Бога в России. Сюда нужно входить тихо, на цыпочках, как входят в Храм. Большинство, кто к нам едет, думаю, это понимают».*

Во-вторых, природа и человек в ее глубинном понимании спаяны в органическое единство. По ее мнению, убрать часовню из северной деревни и перенести ее куда-нибудь в Малые Карелы, где создан Музей деревянного русского зодчества, естественно и, следовательно, неправильно. Елена Флегонтовна с иронией называет этот музей кладбищем памятников, поскольку последние вырваны из природного контек-

та, и из-за подобного отнюдь не созидающего действия многие культурно-ландшафтные комплексы Русского Севера потеряли свою значимость и стали никчемными.

В-третьих, для нее нет чистого понятия охраны природы. Увы, существует такая модель: природоохранное дело не нужно смешивать с людскими нуждами, то есть с проблемами социума. Между тем именно из-за такого образа мыслей местные жители, во многих поколениях обитающие в близлежащих к ООПТ населенных пунктах или в тех деревеньках, что находятся на самой ООПТ, обречены на вымирание.

В обнимку с населением

КНП вступил в программу ЮНЕСКО «Человек и биосфера» в 2004 году. Однажды, во время очередной поездки в Кенозерье, я познакомился с эстонцем Тоомасом Коковкиным, одним из организаторов прибалтийской сети ООПТ. Он очень грамотно и доходчиво объяснил смысл этой международной программы: *«В течение тысячелетий человек учился познавать жестокую неизбежность сил природы и стремление к равновесию. Сегодня мудрость жизни обосновалась в городах, где лучше знают, как жить. Но в городе люди начинают забывать, что такое ветер, как движется рыба, почему живет тюлень, где кончается поле и начинаются волны. Мудрость проживания в природе начинает пропадать из людской памяти почти повсеместно. Исчезающие знания, которые человечество тысячелетиями накаплива-*

ло в экосистемах всех природных поясов, теперь приходится собирать, сохранять и использовать в обновляющемся мире. Так были созданы биосферные резерваты, основным содержанием которых является умение жить в своей домашней экологической системе и сохранять для последующих поколений связанную с природой культуру. Биосферные резерваты — это как ячейки памяти на фоне глобального забывания».

Чтобы не примкнуть к участникам упомянутого «глобального забывания», а также по многим другим причинам Шатковская не стала дожидаться статуса биосферного резервата, и под ее руководством парк начал работать на улучшение социально-экономической обстановки в регионе практически с момента своего создания.

«Национальные парки России, расположенные преимущественно в отдаленных и малоосвоенных районах российской глубинки, являются не только определяющим фактором сбережения уникального природного и культурного наследия, они — важнейший фактор развития территории и комплек-

Дочь Саша - заместитель и наследница всех талантов

С дочерью в Тунисе, 2005 г. Ну чисто шахиня!

сного решения местных проблем. Связь между необходимостью сохранения природного и культурного наследия и возможностью его использования в качестве ресурса развития территории очевидна».

С северным крестьянином и до распада СССР не особо церемонились. В ходе различных социальных экспериментов была существенно подорвана социально-экономическая база села, а культуре русской деревни была противопоставлена практика временных построек. Это привело к полному отстранению коренных жителей от принятия решений, влияющих на их судьбы. В довершение к этому в далеком 1991 году фоном для вновь создаваемого Кенозерского национального парка явился разваливающийся Советский Союз, а значит, закрывающиеся и без того немногочисленные местные предприятия: сплавная контора, леспромхозы, колхозные подразделения. Оказалось, что в селах мужикам свои семьи кормить стало просто нечем. И тогда национальный парк не отвернулся от населения, а взял на свой баланс (!) все сельхозпредприятия территории, сохранив для населения драго-

ценные рабочие места. Никто другой помочь обыкновенным сельским людям не смог и не захотел. А ведь это как раз те люди, которые олицетворяют великую Россию в тихом северном ее уголке, формируя здесь этнос и культуру нации, и которые никогда не отделяли судьбу своих деревень от своей собственной судьбы!

Но не только желание помочь выжить простым сельским людям двигало Еленой Флегонтовной и ее командой — было еще, по меньшей мере, три серьезных практических обстоятельства, заставивших немедленно повернуться лицом к населению.

У неработающего населения, озабоченного естественным желанием выжить, в сложившихся условиях, как правило, возникает большой соблазн вторгнуться на заповедную территорию. *«Крайне низкий уровень доходов местного населения провоцирует нарушения норм природопользования и противопоставляет интересы местного населения и национального парка».*

Раз национальный парк заботится о сохранении и возрождении тех ценностей, что составляют гордость населения, почему это население должно стоять в стороне? *«Местное население есть главное действующее лицо в охране наследия, именно оно является реальным носителем традиционной народной культуры, ее творцом и хранителем и поэтому фактически выполняет госзаказ на сохранение и интерпретацию наследия. Мы это осознали вовремя и смогли вовлечь население в управление территорией, в деятельность парка. У нас есть глубокое понимание того, что устойчивость территории, ее стабильность возможна только в случае*

сохранения человека — носителя культуры природопользования, традиционных промыслов и ремесел, создавшего материальную и духовную культуру края».

Постепенно процесс охраны и реставрации памятников в КНП плавно и органично вошел в жизнь местного населения. Мало того что жители деревень были определены хранителями памятников, так ведь и основными действующими лицами в процессе реставрации стали те же жители!

Национальный парк — регионообразующее учреждение, поэтому нужно было сориентировать местных жителей заниматься тем, что, с одной стороны, помогало бы им выжить, а с другой стороны, способствовало бы развитию инфраструктуры национального парка для обслуживания посетителей.

«Стратегия парка фокусируется на необходимости пропагандировать предпринимательство, поддерживая появление и развитие малого экологически ориентированного бизнеса преимущественно в сфере обслуживания посетителей как условия устойчивого развития особо охраняемой природной территории и практического вовлечения местного сообщества в решение задач сохранения особо ценных природных и культурных объектов».

Таким образом, один из главных принципов комплексной деятельности Кенозерского НП — все делать при участии местных жителей и в максимальной степени для них же. Глава администрации муниципального образования «Плесецкий район» однажды прокомментировал это таким образом: «Наше нынешнее взаимодействие поможет

нам приподняться еще на одну ступень. Пусть процветает парк — нам жить вместе!»

Опыт взаимодействия людей, которые охраняют природное и культурное наследие, и местных жителей, равнодушных к судьбе своей малой родины, заслуживает пристального всероссийского внимания и достойного тиражирования.

Возрождение вопреки тенденциям

Российские национальные парки в 1990-х годах подчинялись Рослесхозу. Его руководство в ту пору слабо представляло себе, для чего понадобилось создавать новый тип природоохранных учреждений и в какое русло желательно направлять их деятельность. Потому и результаты их работы оценивались то по количеству посетителей, то по количеству составленных инспекторами охраны протоколов, а то и вовсе по количеству построенных полевых туалетов. Каждый национальный парк в этих условиях тихонько выстраивал собственную стратегию развития, понимая, что от новшеств федерального начальства, воспитанное на советских бюрократических принципах, не придет в восторг. Когда Шатковская, на тот момент единственная женщина — директор национального парка, на фоне природоохранной деятельности занялась сельским хозяйством и часовнями, руководство федеральной службы было в некотором шоке.

«На первом этапе нас, в лучшем случае, воспринимали как образцово-показательные лесхозы. И потому наша деятельность по

сохранению культурного наследия вызывала наверху недоумение и никак не поддерживалась. Тем более никто не понимал, зачем нам 570 голов крупного рогатого скота. Но в 1990-е годы в стране все быстро менялось, и стратегию развития тогда определяли вызовы нового времени. Оказалось, что мы действовали в нужном направлении.

Мы работали на опережение, сами этого не осознавая. Мы создавали общественные советы и рабочие места, оказывали поддержку местным жителям, пытались сделать их союзниками, когда еще не было даже понятия «устойчивое жизнеобеспечение местного населения». Мы выкупали старинные крестьянские дома, не имея средств на их реставрацию, но догадываясь о том, что так мы сможем сохранить исторический облик деревень. Мы занимались сельским хозяйством, чтобы избежать массовой безработицы, не понимая, что эта деятельность спасает главный компонент культурных ландшафтов — открытые пространства, хотя про ландшафты в стране никто еще не говорил. Наша казавшаяся всем безумной затея создания сельхозпредприятия в структуре парка позволила предотвратить приватизацию сельхозземель, потому что все жители свои земельные и имущественные права передали парку. Мы взяли на баланс памятники архитектуры и стали заниматься их реставрацией, не осознавая еще, что действуем исходя из мировой тенденции единства природного и культурного наследия.

Качественный состав объектов культурного наследия КНП не имеет аналогов, и в этом огромная заслуга местного населения, которое

в годы активной и повсеместной борьбы с «опиумом для народа» не позволило уничтожить большинство памятников архитектуры. *«Нам потребовалось 10 лет, чтобы привлечь внимание Министерства культуры РФ к проблеме сохранения культурного наследия Кенозерья. Только в 2001 году было возобновлено финансирование реставрации памятников Кенозерья из федерального бюджета. С памятниками регионального значения (а у нас их большинство) ситуация еще хуже — денег в областном бюджете нет. Все это следствие того, что природное и культурное наследие находятся в сфере интересов разных ведомств. Межведомственная разобщенность и бюрократические барьеры не способствуют сохранению культурного наследия — мы словно пасынки в обоих министерствах».*

В министерствах, конечно, догадываются, что упомянутое разобщение абсурдно и губительно для наследия. Однако, прикрываясь красивыми декларациями о возможных перспективах, в реальности никто не хочет брать на себя лишний объем работ.

Незыблемый авторитет при внутренней свободе

На заповедном поприще Елене Флегонтовне удалось поднять пласт немислимой тяжести, довести до конца трудное, почти безнадежное, как казалось поначалу, дело и при этом не просто сохранить лицо, но и стать одним из самых уважаемых представителей профессии. Авторитет высочайшего уровня у нее сочета-

ется с абсолютной внутренней свободой, с независимой линией поведения. Она никогда не отягощала себя конъюнктурными излишествами, оставаясь собою в любых, даже самых сложных обстоятельствах.

Недюжинный организаторский талант обнаружился в этой женщине, которая сумела подчинить своим идеям возрождения края не только местное население, но и тех самых многочисленных чиновников, что перемещаются по служебной лестнице вверх-вниз, «отбывая срок» на каждой из ее ступеней. Не знаю, обращал ли кто-нибудь до меня внимание на аббревиатуру, составленную из начальных букв ее фамилии-имени-отчества, но она более чем впечатляюща: Шатковская Елена Флегонтовна — ШЕФ! При таком раскладе заглавных букв кем же ей быть в этой жизни, как не руководителем?

«По определению, работа занимает значительную часть жизни, и, очевидно, большинству хочется, чтобы она была, как минимум, интересной. Но я уважаю и тех, кто не рассуждает о призвании и высоком предназначении, а честно и профессионально трудится на своих местах. Работа в такой тонкой сфере, как сохранение наследия, вероятно, предполагает наличие каких-то особых человеческих, интеллектуальных и гражданских качеств, то есть особую душевную организацию. И для кого-то она действительно становится и смыслом, и образом жизни. Такие люди есть и в музейной сфере, и в образовании, и в науке. Они нужны, эти романтики-энтузиасты. Они неудобные, имеют свое мнение и отстаивают его, спорят, не любят компромиссов. Но без них невозможно.

По заснеженному Кенозерью

«Что касается меня, то в последние годы я свою работу воспринимаю как спасение».

В национальном парке ее называют Шахиной. И, знаете, в этом почетном прозвище, далеком от русских традиций, что-то есть! Она авторитарна в своей власти без самодурства, исключительно в интересах дела — без этого в ее «Кенозерском шахстве» ничего путного не получилось бы, и она не смогла бы перебороть косность, инертность и безверие местного населения, а эти качества в разной степени прописаны советским безвременьем буквально в каждом нашем соотечественнике соответствующего возраста.

«Если у лидера одна цель — быть ярче других, то это уже диагноз. Лидер для яркости — это, скорее, политик. Я не политик, поэтому мне нет необходимости «кидать лозунги». Смею надеяться, что я — гражданин моей Родины, которую очень люблю (не путать с государством), а потому очень сильно переживаю за все, что в ней происходит. И еще не родился тот лидер, за идеи которого я хотела бы умереть на баррикадах. Я никогда не состояла ни в какой партии, несмотря на настоятельные предложения, никогда не была и не хотела быть депутатом.

Наверное, лидер — это человек, способ-

По окончании совещания директоров национальных парков страны в Каргополе. 2007 г.

ный принимать решения и отвечать за них, не предавать людей и свои идеалы, не обращая внимания ни на какую политическую конъюнктуру, задавать высокую планку не только по отношению к сотрудникам, но, прежде всего, к самому себе, уметь говорить нет, а это очень непросто. Я не говорю о компетентности, профессионализме, других необходимых способностях — это все подразумевается само собой.

Сегодня руководитель — самая незащищенная и уязвимая категория работников. Их могут уволить без объяснения причин. И увольняют, причем успешных и эффектив-

ных. Может, дело в том что серость не терпит ярких личностей. Как у Стругацких: «Умные нам не надобны. Надобны верные». Строптивой я была с раннего детства, все самые ответственные решения в своей жизни принимала сама, даже если они шли вразрез с общественным мнением, мнением родителей. Не люблю публичности, не люблю «разрезать ленточки» и ничего никому про себя не доказываю. Я давно уже все доказала, прежде всего самой себе. Поэтому я просто работаю, мне повезло, что я люблю свою работу. «Делай что должно, и будь что будет».

«...Наконец, она просто красавица!»

Женщине чрезвычайно сложно быть привлекательной всегда и для многих, тем более оставаться таковой даже в тех ситуациях, когда совсем не до этого. Но женская привлекательность имеет множество оттенков, и тем более замечательно, когда женщина умело все эти оттенки использует.

Если бы пришлось выбирать, к кому из героинь русских сказок ближе Елена Шатковская — к Елене Прекрасной или к Елене Премудрой, то лично я запутался бы, потому что и так, и эдак будет правильно. Она, безо всякого сомнения, умница, каких поискать, но при этом она и «просто красавица», на которую с удовольствием, хотя часто и украдкой, засматриваются многие представители противоположного пола. Красивой женщине, особенно руководителю, трудно, потому что эта красота выстраивает для нее дополнительные рамки. Какой-то мудрец сказал: «Находясь наверху, нельзя позволять себе порывистых движений». Женщина, находящаяся наверху, тем более если она привлекательна, может позволить себе еще меньше. Жить с осознанием этого трудно, но можно. Живет же Елена Флегонтовна, а мы на нее любимся и отмечаем, как прекрасно она умеет сочетать действительное и желаемое!

«Ситуация, когда женщина является руководителем, сейчас уже не воспринимается ни обществом, ни властью как нечто необычное. А вот в те годы, когда я работала на Соловках, молодые женщины-руководители были скорее исключением из правил. Мне

часто приходилось бывать в разных столичных кабинетах, да и на Соловки приезжали высокопоставленные чиновники-мужчины, и некоторые с изумлением на меня смотрели или пытались войти в роль покровителей, видимо, не воспринимали, как равную себе. Мне приходилось доказывать, что, несмотря на то что я молодая женщина, как минимум, не глупее их. Были в общении с некоторыми высокими руководителями случаи, до омерзения неприятные для меня. Но я научилась выстраивать стены.

Мне нравится мужское общество, нравятся умные, сильные, харизматичные мужчины, умеющие вдохновлять, радовать, позволяющие чувствовать себя женщиной. Кстати, при выборе мужчины его умение красиво работать (неважно кем) для меня всегда имело немаловажное значение. У женщин, как мне кажется, больше развита интуиция, они более терпеливы, внимательны к мелочам, сострадательны к людям.

Конечно, когда национальные парки функционировали в системе Рослесхоза, я долгое время оставалась единственной женщиной-директором. Сейчас нас много, и я рада этому обстоятельству. Для дела совершенно не важно, женщина ты или мужчина, — главное, быть профессионалом в широком смысле этого слова».

«Живя, всю жизнь не уставай учиться!»

Некоторые из нас, к сожалению, недооценивают влияние людского общения на

наши судьбы, и совершенно зря. Люди, которые не умеют прислушиваться к другим, вряд ли имеют право надеяться на то, что когда-то выслушают их. Но слушать мало — нужно хотеть учиться у других. Нормальный человек учится всю жизнь и не стыдится этого. Так не только декларирует, но и делает Елена Флегонтовна. Далее в этой главе будет только ее прямая речь: она так хорошо рассказала о своих учителях, что мои комментарии будут лишними.

«Я радуюсь успехам коллег, радуюсь, если наш опыт кому-то оказывается полезным, пользуюсь любой возможностью учиться тому, что у других получается лучше. Я вообще люблю и, надеюсь, умею учиться, видеть и слушать.»

Мне фантастически повезло на встречи, на людей. Все, кто встретился на моем пути, в той или иной степени стали моими учителями, независимо от должности и звания — это были и простые рабочие, и академики.

Одна из самых запомнившихся встреч — с академиком Д. С. Лихачевым — состоялась на Соловках. Снимался фильм «Я вспоминаю» о пребывании Дмитрия Сергеевича, осужденного за контрреволюционную деятельность, в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Без капли чванливости, спокойно и несуетливо он рассказывал, как случайно уцелел в этой адской мясорубке. Наверное, великие люди так себя и ведут — скромно, достойно, уважительно к чужой работе. Меня поразила его манера разговаривать с людьми, слушать и слышать их, очень тактично не соглашаться с оппонен-

тами, вздумчиво и аргументировано доказывать свою точку зрения. Для меня Дмитрий Сергеевич Лихачев — национальный нравственный стержень.

Мои университеты — это кенозерские бабушки. Мне повезло, что я застала это поколение незначительных людей, которые олицетворяют собою мою Россию! Никакие знания, опыт прежних работ, книги не оказали такого влияния на мое мировоззрение, как они — земные хранители Территории. На Соловках я думала, что поняла про себя все, но я ошибалась. Это случилось здесь, в Кенозерье.

Моя любимая бабушка Анна Федоровна Силуянова из д. Семеново двух дней не дожила до 10-летнего юбилея парка. Ей был 91 год. Она хранила часовню Флора и Лавра, знала, что везде — в лесу, в озере, в доме, в бане — есть свои хозяйева, и порядок, заведенный ими, надо соблюдать. Она была не просто старейшим сотрудником парка, а его Президентом. Статная, радушная и гостеприимная, редкой сердечной теплоты и доброты, знавшая каждую иконку, каждый заветный платочек в своей часовне, она с первых минут очаровывала всех, кому довелось общаться с нею. Мы были очень близки, между нами была незримая связь, я чувствовала, когда она молилась за меня. Однажды без всяких видимых причин я не смогла утром подняться, и оказалось, что именно в этот день она слегла. Я точно знаю, что она и сейчас остается моим ангелом-хранителем.

Недалеко от моего дома в Вершинино жила Анна Николаевна Губина. Вся

такая ладненькая, хорошенькая, маленькая, похожая на Дюймовочку, она любила жизнь во всех ее проявлениях, всегда была душой любой компании. И даже когда себя плохо чувствовала, жаловалась на здоровье, плакала от тяжелых потерь родных людей, вспоминала тяжкие моменты своей жизни — все это было без злобы и обиды. И в какой-то момент в глазах появлялся задорный огонек, и с присущим ей невероятным чувством юмора вспоминала что-то веселое: «...Натуру-то подберу и в огород выползу». До последнего дня хлопотала по хозяйству, варила варенье, пекла рыбники, ждала весны. Весна пришла и в 2013 году, а Анны Николаевны не стало. Ей было 86 лет.

Понимаешь умом, что не бывает вечной жизни, а сердце все равно рвется на части и к горлу подкатывает комок — в этой бесконечно ненужной и совсем не важной суете опять недолюбили, недоговорили, не успели узнать что-то очень важное и сокровенное.

Уходит целая эпоха удивительно совестливых людей, они остались в большинстве своем вдовами в свои самые молодые годы, вынесли на своих хрупких девичьих плечах тяжелые работы на оборонных работах, лесозаготовках, голод и холод в военное лихолетье, тяготы послевоенного времени. Откуда в них, несмотря ни на что, был этот живительный свет, эта глубинная мудрость, как они вывели эту формулу гармонии с собой и миром?! А у меня так и нет этой гармонии. Езжу к ним на могилки, рассказываю про житье-бытье, а они молча слушают. Теперь я точно знаю, что без их тихой молитвы мне было бы не выстоять. С

их уходом Территория для меня скукожилась, из нее уходит Душа, без которой работа становится просто работой.

Свои герои у меня тоже есть. Это люди, помогающие старикам и больным детям, спасающие бездомных животных. Они поддерживают мою веру в человеческую доброту. Многие коллеги, знакомые, друзья откликаются на просьбы волонтеров, кураторов благотворительных фондов о помощи обездоленным старичкам и инвалидам, больным малышам, спасении познавших голод, холод и жестокость животных. Это же так просто — помочь, пусть самой маленькой денежкой, это надо не им, а, в первую очередь, себе, чтобы чувствовать себя человеком. Я не знаю, кто это сказал, но очень правильно сказал: «Пока человек чувствует боль — он жив. Пока человек чувствует чужую боль — он человек». Низкий поклон им, скромным, равнодушным людям, взвалившим на свои плечи такую тяжелую ношу. Спасибо им за шанс на любовь, дом, заботу. И я часто думаю о том, что хотела бы посвятить остаток своей жизни такому служению, но когда представляю, через что им приходится проходить, понимаю, что у меня нет и десятой доли такой самоотверженности, они значительно сильнее меня. И если и есть с кого брать пример — это с них».

Идеалы должны быть исключительно светлыми!

Ближе к концу этого очерка можно было бы перечислить многочисленные знаки

С другом Тamarой Михайловной Гудима

С Анной Александровной Семеновой, 2009 г.

Пусть желание сбудется! 2013 г.

признания Шатковской обществом. Но, скорее всего, этим очерк был бы и испорчен, поскольку разговоры о наградах и прочей мишуре Елену Флегонтовну раздражают до крайности. *«Мне гораздо важнее любых государственных наград и одобрительно-го похлопывания по плечу высокого начальника, если мою работу одобряют простые люди, и силы мне придавали слова моих кенозерских бабушек: «Да что ж ты на себя взвалила-то, доченька!»*

На мой вопрос, счастлива ли наша героиня по жизни, она вначале крепко задумалась, а потом, как обычно, предложила в ответ целое философское исследование.

«Я не знаю определения счастья. Бывают минуты радости, но сказать, что я счастлива, не могу, потому что живем в меркантильное подлое время, потому что слишком много несправедливости, лицемерия и жестокосердия, потому что торжествует мранобесие и невежество. Откуда-то повылезали примитивные моралисты, православные активисты, поборники нравственности, ряженые казаки, навязывающие нам свое убогое представление о любви к Родине.

Меня накрывают приступы отчаяния от беспомощности и бессилия что-либо изменить. Что-то надломилось внутри. Стало душно и очень тревожно. Порой мне хочется забиться, спрятаться, укрыться от всего этого в свой маленький мирок, но я его, наверное, еще не создала и не понимаю, какие очертания он должен приобрести. Я научилась уходить во внутреннюю эмиграцию, охранять свое личное простран-

тво, а из него потихоньку уходят любимые люди, как ушла недавно моя самая близкая подруга. Хотелось бы не ставить точку, а оставить многоточие, но не получается.

По большому счету, мне грех жаловаться. Небо или Бог почему-то или зачем-то выделили меня, одарив такими бесценными подарками: Соловки и Кенозерье. Жива моя мамочка. У меня есть любимая единственная сестричка. В моем доме поселилось очаровательное существо с кожаным носиком и кожаными пяточками, которое мне дарит ни с чем несравнимую радость — песик Чарли. Меня любили самые лучшие мужчины. Я бесконечно обожаю моего внука Егорушку и внучку Ульянушку. Моя гордость — мои взрослые дети-двойняшки, умные, порядочные и красивые, с мощным внутренним стержнем. Сашенька, чуткая, заботливая дочь, стала моей опорой на работе, пройдя путь от специалиста до заместителя директора по развитию. Восхищаюсь своим сыном Ильей, который безо всякой моей помощи за короткое время профессионально вырос. Начав свою трудовую деятельность мастером горных работ, он переехал в Москву, создал производственное подразделение в фирме и вывел ее на такой уровень, что, несмотря на кризис, на конкуренцию, ему удается получать подряды на буровые и взрывные работы во многих регионах страны.

Наверное, я стала мудрее, избирательнее в том, с кем общаться, и круг моих друзей сейчас очень ограничен. Я могу позволить себе говорить, что думаю, не строить иллюзий, чтобы не разочаровываться.

Меня все меньше интересует, что думают обо мне другие. Мой самый главный судья — моя совесть. Я научилась прощать и, к сожалению, меньше мечтать. Но и этого разве мало? Вот уже много лет всплывают в памяти стихи Сильвы Капитулян: «Я слабой была, но я сильной была. /Я зла не творила, а каялась долго./Небрежно, небрежно жизнь прожила — /Подобно ребенку, царице подобно».

Я понимаю, что моя профессиональная карьера подходит к завершению. Во всяком случае, впереди у меня осталось гораздо меньше времени, чем позади. А я еще должна успеть доделать, как минимум, два важных дела: завершить реставрацию многострадального ансамбля-«тройника» Почозерского храмового комплекса и довести до логического завершения подготовку документов, необходимых для включения культурного ландшафта «Заповеданное Кенозерье» в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Нереализованные мечты, конечно, есть. Но, как бы ни сложилась моя дальнейшая жизнь, сколь долго она бы ни продолжалась, мое сердце и моя душа навсегда останутся там, в Кенозерье, под всегда разным и всегда прекрасным небом».

Шатковской, несмотря на наличие нереализованных идей, воплотить в жизнь удалось чрезвычайно много. Уже за то, что она организовала спасение и выживание одного из самых интересных уголков Северной России, она заслуживает огромной благодарности!

Именно об этом совсем недавно вели речь министр природных ресурсов и экологии РФ

Сергей Донской и губернатор Архангельской области Игорь Орлов, посетившие Кенозерье в связи с торжественным открытием после реставрации и освящением Порженского погоста XVIII века.

Сергей Донской отметил, что деятельность Кенозерского парка по сохранению наследия и использованию его в качестве ресурса развития территории воистину уникальна, и этот опыт должен стать ориентиром для других национальных парков, подведомственных Минприроды России. Министр дал Кенозерью такую особо торжественную характеристику: «*Это не алмаз в короне заповедной системы России, это и есть корона заповедной системы, украшенная россыпью многих драгоценных камней*».

Его дополнил Игорь Орлов, который сказал, что решить сложные и масштабные задачи сохранения наследия, возродить традиции культуры и народных промыслов, привлечь к деятельности местное население во многом удалось благодаря таланту руководителя парка Елены Шатковской.

*«...Окраины полнятся слухом,
что весь кенозерский народ,
славянским пронизанный духом,
с природой живет не вразброд,
что люд здесь — истории в ногу —
традиции помнит вовек,
и лишь христианскому Богу
тут молится всяк человек.*

*Здесь люди живут без истерик,
здесь злобу таить не с руки,
здесь странник находит свой берег,
надрывам чужим вопреки.*

*В гармонии лес с человеком,
покоен и зверь здесь, и птах —
Русь душу хранит век за веком
в подобных сакральных местах».*

Эти строфы — отрывок из песенного посвящения смолян в честь 25-летия Кенозерского национального парка. Все так. Кенозерье — это, безусловно, одно из самых ярких сакральных мест России, и именно здесь хранится ее душа. Ну а гарантом спокойствия и сохранности этой души сегодня стала Елена Флегонтовна Шатковская.

«Помню, как однажды поздней осенью я шла на катере по Кенозеру и вдруг, буквально на несколько секунд, ощутила никогда не ведомое мне ранее сильное чувство свободы — не свободы от кого-то или чего-то, а свободы на другом уровне. Я как будто оказалась высоко над землей, и на короткое время установилось единение со светлым небом, я летела, и мне хотелось кричать от восторга «Я свободна!» Никогда я не испытывала такого восторженного ощущения. Наверное, это и было настоящим счастьем».

Евгений Богданов

— ОТ КЮБЗОВСКОЙ ЛЫЖНИ ДО АФРИКАНСКОЙ САВАННЫ —

Всеволод Степаницкий

Несколько историй из жизни и деятельности заместителя директора Департамента государственной политики и регулирования в сфере охраны окружающей среды Минприроды России, Заслуженного эколога Российской Федерации В. Б. Степаницкого, рассказанных им самим

За ним просто невозможно угнаться. Он всегда впереди на несколько шагов — знает все необходимое, все обдумал, имеет план и стратегию. У него феноменальная память и эрудиция, он внимателен к мелочам, а в его чертогах разума есть любимые комнатки, которые он старательно оберегает и куда допускает немногих. Он артистичен и импозантен, его хитро-ироничной манере невозможно подражать. Его афоризмы точны, а иногда и беспощадны.

Он мудр. Наверное, это — самое главное. Без этого качества в заповедной системе России, которой Всеволод Борисович Степаницкий — «великий и ужасный ВБС» — руководит уже почти 30 лет, он давно потерял бы рассудок. Менялись названия мест работы, менялись начальники, менялись названия его собственной должности... Но ни разу за все это время ни у кого из посвященных не оставалось ни малейшего сомнения в том, кто именно держит руку на главном

пульсе этого невероятного формирования — системы больших и малых участков земли, на которых природа находится под особой охраной.

И он добр. Иначе... Даже страшно представить себе, что было бы иначе.

«С детства любил всяких зверьков! Класа с пятого я стал читать журнал «Юный натуралист». А так как все знали, что в Московском зоопарке есть какой-то интересный кружок (как выяснилось — КЮБЗ, кружок юных биологов зоопарка), то в пятом классе я именно в КЮБЗ и двинул. На первый выезд в лес с кружком я поехал в шестом классе, в Полушкино. Старшим выездом у нас был Володя Ларин — до недавнего времени он был директором Путоранского заповедника. Помню и посещение Лосинового острова в 1972 году, тогда там еще не было никакого национального парка,

Всеволод Степаницкий - сотрудник Магаданского заповедника, 1983 г.

и там я впервые в жизни увидел лося в природе!

Моей первой поездкой в заповедник было посещение Беловежской пущи в январе 1973 года. Гигантские, невероятные впечатления! В первую очередь — от обилия увиденных в дикой природе зверей. Олени, кабаны, зубры! В Беловежской пуще зимой не очень много снега, на ветвях — зеленая омела, легкий мороз — словом, европейская зима. Это первые, остро врезавшиеся в душу воспоминания.

В КЮБЗ появились наставники и друзья. Друзья — на всю жизнь. Наиболее близок я был с Сергеем Ивницким, это и сейчас так. Из нашего поколения я бы отметил еще Евгения Шварца, Леонида Сони́на, Надежду Черенкову. Со всеми ними я был и в экспедиции КЮБЗ летом 1973 года в Кавказском заповеднике (наш палаточный лагерь стоял в 2 км от Гузерипля).

В мое время в КЮБЗ учили биологии уже не столь блистательно, как раньше, — увы. Но кружок давал ярко выраженную мотивацию, навыки самостоятельности и, плюс к тому, развивал лидерские качества в силу своей мощной традиции детского самоуправления, заложенной еще в 1924 году. Ну и, конечно, навыки полевых исследований, экспедиционной жизни, очень пригодившиеся в дальнейшей работе.

Мои первые самостоятельные исследования в КЮБЗ были посвящены наблюдениям в Московском зоопарке за пумами, затем — за гориллами. А в кружковой экспедиции в Кавказский заповедник моим объектом стали мышевидные грызуны. Потом, уже

Экспедиция в верховьях реки Оринока, Венесуэла, 2006 г.

будучи студентом, я несколько лет работал в зоологических экспедициях, в том числе занимаясь экологическими исследованиями грызунов.

А интерес к орнитологии мне привили друзья по 57-й московской школе, они, правда, были не кюбзовцами, а вооповцами, то есть представителями другого кружкового клана. Я был во втором выпуске знаменитого биокласса 57-й школы. Старше нас был только выпуск, где учились Евгений Григорьев (он сейчас директор Приокско-Террасного заповедника), Мика Тарковский (известный писатель Михаил Тарковский), Леонид Сонин, Сергей Глаголев. А следующий выпуск был наш. Из тех, кто потом избрал

природоохранную стезю, со мной в классе учились Алексей Вайсман и Сергей Ганусевич, а вообще биологами в нашем выпуске стали почти все.

КЮБЗ на меня оказал определяющее влияние. Все, кем я стал, — это только благодаря ему. Кружок дал мне мотивацию, и я твердо вознамерился стать биологом, отсюда и выбор вуза. А дальше, опять-таки глядя на примеры более старших кюбзовцев, я еще в институте втянулся в природоохранное дело, в моей жизни появилась ДОП — студенческая Дружина охраны природы — и пошло-поехало»...

Так кюбзовская лыжня и биокласс столичной спецшколы привели Всеволода Степа-

ницкого в стены Московского государственного педагогического института, на географический факультет, отделение географии и биологии. Природоохранной работой он начал заниматься с первого же курса института — в ДОП МГПИ. Перед Степанициким не стояло выбора: научная работа или практическая деятельность. Это были две стороны одного и того же дела.

«Меня никто не агитировал, еще с занятий в КЮБЗ я знал, куда идти, — в дружину. Я тогда ездил в научные, зоологические экспедиции, но в основном мою студенческую жизнь наполняла работа в ДОП. Движение студенческих дружин охраны природы в Советском Союзе было мощной школой природоохранных кадров. ДОП стали и родоначальниками современного общественного природоохранного движения. В недрах студенческих дружин впоследствии зародился Социально-экологический союз, из которого вышли многие другие природоохранные формирования.

В наши времена общественные инспектора по охране природы обладали большими полномочиями. И вся доповская борьба с браконьерством строилась на этом. Общественные инспектора из ДОП имели реальные права: они могли поехать в лес и изъять у браконьера ружье, составить на него протокол и привезти это ружье в охотинспекцию в Москве.

Это, кстати, вызывало огромное количество комических случаев: по иронии судьбы, Госохотинспекция располагалась тогда на улице Фрунзе, прямо возле метро «Библиотека Ленина», точнехонько напро-

тив Кремля. А рядом еще и Минобороны — то есть место под особым контролем КГБ. А студенты-доповцы возили туда изъятые стволы на метро, причем от метро к Госохотинспекции шли пешком. Я тоже это проделывал.

Выходишь, значит, из метро, идешь по улице Фрунзе с каким-то длинным свертком. Подходит к тебе человек в штатском, показывает удостоверение и спрашивает: «А что у вас там, молодой человек?» Ожидает при этом услышать какой-нибудь безобидный ответ: удочки или что-то типа того. А слышит: «Три ствола!» В наши дни человек не успел бы понять, как оказался в наручниках. А меня сотрудник органов тогда лично проводил до дверей охотинспекции, а оттуда выскочил старший госохотинспектор Ю. М. Печников с возгласом: «Это наши лучшие охотинспектора!» Но бывало, впрочем, что кого-то и забирали, отвозили в участок, а потом привозили обратно.

По усредненным профессиональным меркам, доповские инспектора подготовлены были ого-го! Слабой стороной оперативной работы дружины был частый расчет на численное преимущество, а не на силу духа инспектора. Уже работая в органах рыбоохраны, я попадал в ситуации, когда именно моральное превосходство инспекторов над превосходящей физической силой позволяло делать свое дело. Инспектор-профи виртуозно давит «клиента» психологически, но это получается не с ходу — такому учат как части работы.

Когда я стал работать в рыбинспекции,

Национальный парк Амбосели, Кения, на фоне Килиманджаро

Южно-Камчатский заказник

хорошо понял, что это такое — профессиональная лига. Мне посчастливилось работать с опытнейшими наставниками-профессионалами. Профессиональный инспектор действует не столько по правилам, сколько по опыту и интуиции, проявляя недюжинные качества психолога-практика. Здесь существует масса нюансов: насколько быть искренним в диалоге с нарушителем, использовать ли мат (а с его помощью, как известно, в России не только ругаются, но и разговаривают) и многое, многое другое. Например, в рыбоохране лишний раз предъявлять нарушителю инспекторское удостоверение было как-то не принято.

Австралия, 2009 г.

С Юрием Дарманом в национальном парке «Зов тигра»

Всем своим поведением и внешним видом госинспектор и так не оставлял у браконьера сомнения в том, кто перед ним стоит! При всем при этом, конечно, пригодился и опыт ДОП, где действуют строго по правилам. Полученный в студенческой дружине начальный уровень подготовки был просто бесценным!»

Студенческие дружины охраны природы, объединившиеся в мощное молодежное общественное природоохранное движение в период 1970–1980-х годов, были своего рода профессиональным сообществом, скрепленным студенческой дружбой. Многие выпускники ДОП, закончив вузы, впослед-

твии составили настоящий костяк искренних мотивированных специалистов в области охраны природы. «У природы везде должны быть свои люди» — этот шуточный студенческий лозунг был шуткой лишь отчасти. И сейчас, для кого-то — тридцать, а для кого-то — и больше лет спустя, многие доповцы продолжают свое дело. Немало их работает и на особо охраняемых природных территориях.

Вот и Всеволод Степаницкий, закончив МГПИ, уехал работать научным сотрудником в Магаданский заповедник.

«У нас в институте распределение было обязательным, и при этом — только в школу учителем. Я был единственным с курса, кто выбил себе свободный диплом. Я за него сражался, разругался с деканом, но победил. Кстати, вторым человеком, кому удалось избежать принудительного распределения, был мой однокурсник Михаил Стишов, который уехал в заповедник «Остров Врангеля», а с Врангеля, как и с Дона, выдачи нет.

У меня была большая мечта — поехать на Север. Магаданский заповедник в то время был совсем молодым, только что созданным. И Владимир Кревер, который работал тогда в ЦНИЛ Главохоте, рекомендовал меня его директору. Я уехал в заповедник и проработал там год. В формировании моего мировоззрения эта работа сыграла гигантскую роль. Я имел возможность наглядно сравнить постулаты о том, как должно выглядеть советское заповедное дело, с тем, как оно выглядело на практике. А выглядело оно по-разному, и в Магаданском заповеднике — так зачастую и просто отвратительно.

Магаданский — заповедник с потрясающей природой, богатейшим ландшафтным и биологическим разнообразием. Я думаю, это один из самых ярких и самых ценных заповедников страны. Там я долгое время жил в поле, там я увидел своего первого медведя с расстояния меньше метра. Правда, через кусок плексигласа, заменявшего стекло в окне зимовья. Медведь пришел ночью и заглянул ко мне в окошко. Это было круто!..

Впечатления об общении с дикой природой в Магаданском заповеднике у меня потрясающие. Но я видел и все остальное: что директор не интересуется ни природой, ни заповедным делом, а важна для него только собственная мелкая выгода; что заму по науке наплевать и на заповедник, и на науку; что среди работников охраны процветает масштабное браконьерство, порой приобретающее признаки организованной преступности... Видеть все это было довольно тошно. Да и семейные обстоятельства — невозможность привезти из Москвы семью, потому что не было жилья — вынудили меня вернуться в столицу.

Позже Магаданский заповедник сотрясали громкие скандалы с неоднократной сменой руководства (я, кстати, с коллегами из заповедника связи не терял и, как мог, поддерживал их в борьбе за справедливость и заповедные ценности, и в итоге эта борьба увенчалась успехом). В общем, определенное крушение иллюзий у меня именно тогда и произошло. Ну, а по возвращении в Москву я уже четко понял,

Национальный парк Мерчисон Фоллс, Уганда

На Мадагаскаре, 2012 г.

что хотел бы заниматься не зоологией, а практической охраной природы.

Работа в Магаданском заповеднике стала первым откровением, оставившим незабываемый опыт. А дальше началась работа в органах рыбоохраны, куда В. Б. Степаницкого позвали люди, хорошо знавшие его по инспекторским рейдам студенческих дружин.

«Я поступил на работу в органы рыбоохраны, где проработал шесть лет. Это был огромный полезный опыт, причем не только лично для меня, но и для заповедного дела. Когда в 1991 году мы начали реформу службы охраны заповедников, то очень многое переняли из практики органов рыбоох-

С Игорем Шпиленком и Еленой Гулгоновой в Кроноцком заповеднике

С сыном Игорем, 2010 г.

раны. Уровень структурной организации службы охраны заповедников, ее правового и методического обеспечения тогда был крайне низок. Именно из практики работы службы рыбоохраны мы взяли всю номенклатуру: государственный инспектор, участковый госинспектор, старший госинспектор и так далее. Оттуда же мы взяли и практику составления протоколов, их образцы, систему отчетности, различную документацию и массу другого.

Рыбоохрана была тогда союзным органом под эгидой Главрыбвода, там было немало специалистов, разрабатывавших соответствующую документа-

цию. По сравнению с ней Госохотнадзор был изначально более «природоохранным», там работали очень мотивированные выпускники охотоведческих вузов, люди, которые любят и знают природу. Рыбоохрана была более формализована, бюрократизирована, но вот организационные моменты в ней были проработаны намного лучше, чем в системе Госохотнадзора, и я максимально стремился внедрить ее наработки в заповедную систему».

В Советском Союзе не было специального органа власти, отвечавшего за охрану окружающей среды. В 1988 году вышло постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О коренной перестройке дела охраны природы в стране». В соответствии с этим постановлением был создан союзно-республиканский Государственный комитет СССР по охране природы. По тем временам это было революционное решение — все природоохранники восприняли его именно так. Многие хотели попасть в госкомитет на работу, и среди них — В. Б. Степаницкий.

Но это было непросто: сотрудников в центральный аппарат Госкомприроды СССР не очень-то брали без рекомендаций. Не взяли и Степаницкого — ни в отдел заповедников, ни в отдел охраны животного мира. Но...

«При Госкомприроде СССР в 1989 году был создан Общественный совет. Его председателем стал видный ученый, член-корреспондент АН СССР Алексей Владимирович Яблоков. В Общественном совете должен был быть ответственный секретарь, практически освобожденный. Яблоков

хотел сам подобрать эту кандидатуру и поставил перед Святославом Забелиным, который тогда был одним из бесспорных лидеров российского общественного природоохранного движения, задачу найти такого специалиста. Он, во-первых, должен быть «наш» человек, во-вторых, должен иметь склонность ко всякого рода бумаготворчеству. И, наконец, обязательное требование (дань тогдашним реалиям) — он должен быть членом КПСС. И свет-Забелин сказал: есть такой человек! Так в апреле 1989 года я влился в ряды работников центрального аппарата союзного природоохранного ведомства.

А дальше... Я перешел в Главное управление заповедного дела Госкомприроды СССР из Общественного совета в мае 1990 года. А оттуда в 1991 году — уже в отдел заповедников Госкомприроды РСФСР, вместе с Натальей Данилиной, с которой до этого мы тоже работали вместе в главке.

Отделом заповедников тогда руководил знаменитый Анатолий Михайлович Шалыбков. Ему было «велено» (так уж получилось) взять меня плюс еще одного человека, на которого я укажу. Я указал на Наталью Романовну. И начался, наверное, самый плодотворный и творческий этап моей работы. Мы получили невероятный по тем (да и по любым) временам карт-бланш на самостоятельную работу. Мы начали писать разные проекты, документы, и просто горели этим. Что я только ни делал! Совершенствовал нормативную базу, проверял заповедники, писал методические разработки и многое, многое

Орловское полесье, 2010 г.

Остров Вайгач, 2016 г.

другое. А в октябре 1991 года было создано управление, которым меня и поставили руководить. А тут — развал Союза, к нам начали переходить сотрудники из союзного главка, в результате компания получилась большая, третья и работоспособная!»

Это время было действительно периодом великого поворота — как в истории страны, так и в истории ее заповедного дела. Большая ошибка — считать, что время незаметно течет мимо территорий заповедников. Наоборот — их история очень ярко отражает веяния времени.

«У меня нет ностальгии по старой заповедной системе. Старая заповедная

Заповедник «Брянский лес» с Игорем Шпиленком

Антарктида, 2016 г.

система СССР была именно такой, какой и могла быть. Позволю себе напомнить, что в советские времена заповедники дважды громили, что называется, в асфальт закатывали. Но в 1970–1980-х годах система заповедников была устойчивой, как и вся страна. Я считаю, что мы и сейчас должны использовать все, что в ней было позитивного.

В начале 1990-х годов у всех в стране, и у нас тоже, были огромные надежды на развитие, была эйфория, все строили грандиозные планы. А уже 1992 год, когда ко всем, и к заповедникам тоже, пришла страшная нищета, стал ушатом холод-

ной воды. Но оставалось надеяться, что жизнь наладится. Она и начала налаживаться через некоторое время. Года так с 1998 нищета стала спадать, да и в рамках развернутого в 1997 году большого проекта ГЭФ «Сохранение биоразнообразия» системе заповедников была оказана существенная материальная помощь.

Отдельно хочется вспомнить то время, когда министром охраны природы СССР стал биолог, профессор Николай Николаевич Воронцов — человек совершенно особого интеллекта и порядочности. Он и создал Главное управление заповедного дела. Хотя само оно за год и восемь месяцев своего существования не успело сделать ничего грандиозного, оттуда вышли кадры, многие годы отдавшие потом заповедной сфере: Михаил Федотов, Владимир Пициллёв, Андрей Волков, Алексей Вайсман, а также мы с Натальей Данилиной... И самое главное — был создан прецедент существования такого управления. Ему на смену пришло управление, работавшее в российском ведомстве до 2000 года. В этом — огромная заслуга Николая Николаевича Воронцова».

Один из ключевых актов, на основе которого формируется индивидуальное положение о каждом заповеднике в стране, — Положение о государственных природных заповедниках в Российской Федерации. Это своего рода конституция заповедной России, разработанная В. Б. Степаницим и его коллегами в 1991 году. А затем, в 1995 году, в заповедном мире произошло историческое событие: был принят Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях».

«На тот момент это был великолепный, революционный закон! При его подготовке мы пользовались полной свободой действий, отсутствовало какое бы то ни было давление, потому закон таким и получился (и выхолащивали его уже позже, начиная с 2006 года).

Если копнуть историю, то мы вспомним, что в СССР и в РСФСР специального закона об ООПТ не было. Существовал закон «Об охране природы в РСФСР» образца 1960 года. Там была фраза о том, что территории заповедников «навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительских целях». Но это положение никак не мешало время от времени откусывать от заповедников куски. Также существовали положения о заповедниках, в которых правовые отношения были отрегулированы отнюдь не лучшим образом.

Положение о государственных природных заповедниках в Российской Федерации, которое мы выдали на гора в 1991 году, действует до сих пор. Именно в этом документе детально расписан режим заповедников (в законе этого не сделано). Кроме того, именно этот документ лег в основу формирования службы охраны в заповедниках.

Ну и, наконец, в 1995-м был принят закон об ООПТ — историческое явление. В нем были, конечно, какие-то системные ляпы, в первую очередь касавшиеся не заповедников, а национальных парков и ООПТ других категорий. Но с тех пор в закон был внесен ряд изменений, в том числе и очень серьез-

ных. Были среди них и правильные, но были и крайне негативные. А ряд изменений, которые жизненно необходимы, не внесены в закон до сих пор.

Безусловно отрицательную роль сыграла поправка 2006 года, внесенная под сочинскую Олимпиаду. В законе было прописано, что на территории национальных парков можно строить спортивные объекты с сопутствующей инфраструктурой. В реальной жизни речь шла о горнолыжных комплексах. Я считаю, что это системная ошибка, в том числе допущенная и экологической общественностью.

Этот вопрос обсуждался, чтобы узаконить изменение границы Сочинского национального парка. «Зеленые» развернули кампанию в защиту неприкосновенности границ ООПТ. С ними согласились, границы не тронули, но взамен была внесена поправка, которая давала возможность возводить в национальных парках горнолыжные комплексы. Вообще это нонсенс, цивилизованные страны отказываются от горнолыжного строительства в национальных парках. Сейчас в Думе уже два года готовится ко второму чтению наш законопроект, где предусмотрен запрет строительства горнолыжных комплексов во всех национальных парках, кроме конкретно названных в законе — Сочинского и «Приэльбрусье».

Это была первая негативная правка в закон. Вторая была внесена в конце 2011 года и была связана с так называемыми биосферными полигонами. И этой поправки тоже не было бы, если бы не история с Сочи.

У нас есть Кавказский биосферный заповедник. По закону, к биосферным заповедникам могут быть присоединены биосферные полигоны, на которых режим более мягкий. В стране всего четыре таких биосферных полигона, и один из них — это плато Лагонаки в Кавказском заповеднике. Лагонаки признали очень перспективным для развития горнолыжных курортов. А закон не позволяет изменить границу заповедника и отрезать Лагонаки. Все наперебой закричали: «Не отдадим!!!» Не отдали. Но вместо этого на биосферные полигоны распространили режим нацпарков. Теперь, по закону, на территории биосферных полигонов земля может предоставляться в аренду для строительства спортивных сооружений.

Эту поправку тогда никто не посчитал катастрофой. Но если бы ее не внесли, то в этом году не появилось бы (и не было бы принято) еще одно изменение. Бизнес-структуры, которые рвутся осваивать ценные участки Кавказского заповедника, пролоббировали поправку о том, что биосферный полигон может быть выделен в границах любого биосферного заповедника. Не присоединен к нему, а выделен на его территории.

Это крайне негативная лоббистская поправка. Помимо того что она направлена на хозяйственную эксплуатацию нетронутой, девственной части Кавказского заповедника, она создает прецедент, позволяющий менять режим природопользования и в других заповедниках. А кроме того, эта поправка абсолютно дискредитирует саму идеологию биосферного резервата ЮНЕСКО — идею гармоничного сосуществования природы

На российско-китайской рабочей группе, 2015 г., Китай

и человека и все, что наработано в рамках программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера».

Государство ясно дало понять, что оно не знает, зачем нужны заповедники в том виде, в котором они существуют сегодня. Можно до бесконечности сетовать на это, можно традиционно ругать власть. А можно по крупице отстаивать позиции, вести диалог, убеждать в своей правоте, апеллировать к мировому сообществу, находить союзников в собственном Отечестве — можно много чего еще делать. Прежде всего, профессионально делать свою работу, считает В. Б. Степаницкий. И наверстывать упущенное там, где его упустили уже очень давно. Понять ошибку — значит, сделать важнейший шаг к ее исправлению. Хотя такие шаги обычно даются нелегко.

«У российской системы ООПТ нет должной поддержки в государстве и обществе в целом, и это очень болезненная проблема. Дело ведь не только в том, что в стране бардак, коррупция, бюрократия и прочее. А в Кении — не коррупция? А в ЮАР с ее расовыми конфликтами? А при этом какое там отношение государства к национальным паркам! Со стороны тех слоев, которые определяют жизнь общества — среднего класса и национальной элиты, отношение к паркам самое уважительное, в том числе и как к гордости страны, ее символу. А у нас — нет. И это трагедия всей отечественной заповедной системы. Я считаю, что она идет от неверно выбранной парадигмы. Изначально считать, что заповедники должны использоваться только для охраны (от людей) и изучения природы, допускать в них только посвященных было ошибкой, и мы сейчас пожинаем ее плоды.

Весь мир пошел по другому пути, и весь мир при этом нашел определенную гармонию между возможностью ограниченного использования этой территории и ее охраной. Мы же долгие годы считали, что это не нужно: у нас особый путь, у нас лучшая в мире система ООПТ... А кто вам сказал, что она лучшая? Она самая большая по площади, потому что Россия не Люксембург. Но печальная история с разгромами заповедников уже в СССР должна была вызвать у природоохранного сообщества сомнения и размышления. Государству уже тогда никто не предложил внятной концепции, объяснения, зачем заповедники нужны обществу, и государство сделало свой вывод: если понимания важности заповедни-

ков нет, значит, таких территорий должно быть меньше.

Отсутствие социальной поддержки особенно остро ощущается прямо сейчас, в наше время. И дело даже не в том, что сильные мира сего пролоббировали в закон поправки, о которых уже шла речь. А как относятся к заповедникам слабые мира сего? В последние годы ощущается огромное противодействие созданию новых заповедников и национальных парков именно снизу, на уровне муниципалитетов, на уровне объединенных групп граждан. Все эти истории имеют одну суть и причину. Вот, например, национальный парк «Придеснянский» на Брянщине — его создание фактически сорвалось под давлением жителей региона. Конечно, многими из них манипулируют, но любое манипулирование работает до известного предела. И такие примеры можно продолжать.

А история с финансированием заповедников? В том же Минфине с заметным раздражением реагируют на любые попытки увеличить финансирование ООПТ, и если бы начиная с 2010 года первые лица государства не посещали заповедники, никаких дополнительных средств федеральной системе ООПТ в последние годы не выделялось бы вообще (как не будет их в следующем году, хотя он и объявлен Годом ООПТ). В Минфине считают, что эта работа — какая-то далеко не приоритетная блажь. И такое отношение — системнейшая беда!

То, что мы делали с середины 1990-х годов, когда спохватились и начали разворачивать эколого-просветительское направле-

На совещании руководителей ООПТ, Владивосток, 2015 г.

С директором Службы национальных парков США и коллегами, Гавайи, 2016 г.

С губернатором Хакасии

ние, было уже запоздалыми мерами. В 1993 году мы с группой директоров заповедников и национальных парков впервые посетили США. Американские коллеги говорили мне, что важность системного экопросвещения для изменения отношения к национальным паркам в обществе в их стране поняли тоже

не сразу. А когда поняли и начали действовать, то на достижение осязаемого результата у них ушло около 30 лет!

Международный опыт показывает, что системы особо охраняемых природных территорий востребованы в государствах с различными формами правления, с различным уровнем развития экономики и демократии. Устойчивость национальных систем ООПТ обеспечивается, когда власть понимает их ценность для страны.

Например, в ЮАР на смену апартеиду пришла власть черного большинства. Те, кто работал в национальных парках, очень боялись, что к этим территориям будут относиться как к прихоти богатых белых. Но этого удалось избежать, и весьма показательно, что на 100-летие национального парка «Крюгер» для участия в торжествах приехал лично президент Нельсон Мандела».

Для В. Б. Степаницкого не составляет особого труда практически с ходу назвать пять главных побед и пять основных поражений заповедного дела за время его работы. Причем если о победах он говорит коротко и точно, то о поражениях — очень детально. Видно, что анализ неудач — это важная почва для выработки правильных ходов, построения стратегии, ведущей к успеху.

«Пять наших главных побед:

- Принятие в 1991 году на уровне правительства Положения о заповедниках;
- Принятие в 1995 году Федерального закона «Об ООПТ»;
- Создание новых ООПТ, расширение их сети начиная с 1991 года;
- Формирование службы охраны ООПТ на

современном структурно-правовом уровне;

- Рывок в сфере экологического просвещения и связанного с ним настоящего познавательного туризма.

Пять наших основных поражений

- Несмотря на все наши старания, нам так и не удалось создать в стране более или менее обособленный специализированный государственный орган, управляющий федеральной системой ООПТ, что-то типа федерального агентства. А без подобного органа мы никогда не обеспечим приемлемое управление этой системой. Это главное поражение.

- После реформы 2001 года даже в структуре министерства не удалось создать самостоятельного департамента, управляющего ООПТ. Когда вопросами ООПТ занята горстка людей в многопрофильном департаменте, который озабочен и охраной атмосферного воздуха, и оборотом отходов, и граблями, и кораблями, это неэффективно и неправильно. С 2001 года по сей день такую структуру создать не удалось. То есть то, что когда-то сделал Н. Н. Воронцов и продолжил В. И. Данилов-Данильян, потеряно.

- Принятие трех упомянутых взаимосвязанных поправок в закон об ООПТ: о разрешении строительства спортивных сооружений в национальных парках, разрешении строительства спортивных сооружений на биосферных полигонах, вычлениении биосферных природных биосферных заповедников.

- В целом за эти 25 лет мы сформировали крайне недостаточную базу поддержки. Несмотря на ряд явных успехов на этом поприще, в целом налицо крупное поражение.

Маленький пример: мы не сумели даже протащить решение об учреждении в стране официального Дня работников ООПТ. У нас нет профессионального праздника, все попытки пробить соответствующий указ президента или решение правительства утонули в бюрократическом болоте. Указ президента об объявлении 2017 года Годом ООПТ, воспринятый с таким энтузиазмом, фактически нивелирован вышедшим через несколько месяцев указом об объявлении того же 2017 года Годом экологии. Это ли не показательно?

- И, наконец, у нас существуют огромные внутренние разборки в экспертном, профессиональном природоохранном сообществе, которое совсем не отличается монолитностью. Его члены сводят счеты между собой, ищут соринку в чужом глазу и не замечают бревна в своем, выступают с радикальными идеями, не имеющими отношения к реальной жизни, не желают слушать и понимать альтернативное мнение, не способны к компромиссам. Мы так славно воюем друг с другом и так плохо кооперируемся для отстаивания общих интересов в сфере заповедного дела».

Когда задаешь Степаницкому традиционный вопрос о планах, он лукаво отшучивается, что не строит их больше, чем на три дня. А когда шутливо интересуешься его мечтой, Всеволод Борисович вдруг становится серьезным. Африка... Степаницкий часто возвращается в разговорах к теме Африки. Она покорила его раз и навсегда, и он готов делиться массой историй, главными героями которых будут дикие животные Черного континента. Его

сбывшейся детской мечты. Степаницкий был на всех континентах и во всех частях земного шара, но именно Африка — та земля, куда он готов приезжать снова и снова.

«Я был в 10 странах Африки. Поездка в Африку была моей детской мечтой, и в 1998 году эта мечта сбылась: в рамках проекта ГЭФ мы с группой руководителей заповедников получили возможность познакомиться с системой национальных парков ЮАР. И я был счастлив! Дикие животные Африки — это совершенно завораживающее, потрясающее зрелище. Увидев его, даже те, кто никогда раньше об этом не задумывался, начинают хорошо понимать, в чем сила охраны дикой природы. И помимо этого, меня тогда просто потряс зашкаливающий уровень профессионализма тех, кто работает в системе Службы национальных парков ЮАР. У нас, к сожалению, таких людей мало. Нам таких профи еще ковать и ковать...»

В этом году я был в Антарктике и тоже был потрясен — это позитивный пример того, как развитые страны договорились и вместо промышленного освоения региона обеспечивают его охрану в интересах науки и экологического туризма. Удивительное биоразнообразие доступно для ограниченного щадящего показа, причем этот показ организован очень разумно. Именно такой туризм надо развивать и на наших особо охраняемых природных территориях.

Диких зверей и птиц мне никогда не надоест наблюдать снова и снова. Пожалуй, я видел уже очень многих. Но готов смотреть по новому кругу!»

Екатерина Головина

— ХОЗЯЙКА ДРЕВНЕЙ РОЩИ —

Юлия Ерофеева

Когда-то на месте Лабиринтовой балки Хостинской тисо-самшитовой рощи было дно океана, но позже тектонические силы разорвали горные породы. Узкий каменный коридор, названный Лабиринтом, глубоко прорезал каменные пласты. Зигзагообразная щель — результат землетрясения, произошедшего в незапамятные времена.

Здесь, в природном коридоре из серых и белых известняков, Юлию Андреевну Ерофееву особенно восхищает могущество природы: «Лабиринт — мой любимый уголок рощи, — говорит она. — Пройдитесь по нему, прислушайтесь к себе и почувствуете, что тут совсем другая природная энергетика, чем в лесу».

В один из снегопадных дней, будучи по делам в Адлере, Юлия Ерофеева, руководитель коллектива тисо-самшитовой рощи

Хостинского отдела Кавказского заповедника, часто звонила в рощу, беспокоилась: «Как там, много снега?» Деревья, они ведь тоже живые: мерзнут от холода, страдают от жары и, как человек, могут сломаться. Но как стойко и терпеливо служат они нам многие миллионы лет! Тис ягодный — дерево мелового периода, современник динозавров, ну а самшит колхидский и другие реликтовые растения пришли к нам из третичного периода. Эти виды занимают большую часть тисо-самшитовой рощи.

Не все знают об огромном исцеляющем воздействии этого древнего леса, хотя тому есть просто чудесные примеры. «Один из посетителей, шахтер по профессии, страдавший профессиональным заболеванием, поделился с нами своей радостью: после регулярных прогулок и пробежек по тропе рощи за два курортных

Юлия Ерофеева - старший госинспектор Хостинского отдела

сезона его легкие очистились», — рассказывает Юлия Андреевна.

В роще ежегодно бывают тысячи человек, и в книге отзывов много слов восхищения уникальным уголком флоры и фауны и чудесным отдыхом на природе. Иначе и быть не может, ведь воздух здесь насыщен аэроионами, фитонцидами и бальзамическими веществами, а кислорода один гектар леса регенерирует 180–220 килограммов в год и поглощает до 280 килограммов углекислоты. Вот и считайте, сколько получается всего, если площадь рощи — более трехсот гектаров.

«За годы моей работы количество посетителей рощи в год менялось, — вспоминает Юлия Андреевна. — Иногда оно доходило до 300 тысяч человек. Когда-то на заседаниях ученого совета заповедника рассматривались вопросы о том, что такое большое количество посетите-

лей влияет на растительность: мы наблюдали изреживание самшитовых древостоев, меньше становилось лишайников и мхов. В последнее время поток туристов снизился. Сейчас рощу посещает около 30 тысяч человек в год, и она стала оживать, восстанавливаться. Древний колхидский лес меняет свой облик. В нем появляются деревья чуждых пород — пальмы, катальпы, дикий персик, алыча, дикие яблони. Липу активно сменяют граб и ольха».

Мы все должны быть благодарны академику, лесоведу и экологу, профессору Владимиру Николаевичу Сукачеву. Это он, побывав в 1929 году на Черноморском побережье Кавказа, обратил внимание на уникальные реликтовые леса в долине реки Хосты и сделал все возможное, чтобы этот участок древнего колхидского леса стал частью Кавказского заповедника.

В 2016 году заповедной роще исполнилось 85 лет. 30 июля 1931 года согласно постановлению СНК РСФСР тисо-самшитовая роща, расположенная на восточном склоне Ахунского горного массива, в 2,5 км от берега Черного моря, в Хостинском районе города Сочи, стала заповедной.

Эта роща — своеобразный живой музей, в котором сохранилась реликтовая растительность, она осталась в почти неизменном виде еще с доисторических времен (около 30 млн лет назад). На 302 гектарах — и романтические Белые скалы, и тысячелетние тисы, и многовековые деревья реликтового самшита, стволы которого покрыты изумрудным мхом, и живописное ущелье реки Хосты, и многое, многое другое. Здесь растет около 400 видов растений и 70 видов деревьев и кустарников, включая 12 вечнозеленых видов.

Лесной массив, состоящий из 150 гектаров самшита колхидского и 148 гектаров тиса ягодного, произрастающих здесь редких цветущих субтропических растений, уникален. В роще можно увидеть деревья тиса ягодного, достигшие более двух тысяч лет. Причина долголетия этого дерева — до сих пор загадка для ученых.

Здесь много растений-эндемиков, здесь обитают животные-эндемики и животные-реликты, многие из которых занесены в список МСОП и Красную книгу России. В роще более 150 видов позвоночных животных, из них 27 видов млекопитающих, 100 видов птиц, 15 видов пресмыкающихся, в реке обитает 7 видов земноводных, 12 видов рыб. В роще встречаются почти все виды млекопитающих и птиц, свойственные лесам Западного Кавказа. 20 процентов видов встречаются только здесь, 33 вида — редкие исчезающие растения: листовые папоротники, например сколопендрий обыкновенный, лилейное растение соломонова печать, кустарники — сумах, клекачка, дикий жасмин, цветы — орхидеи, дикие хризантемы.

Уникальны и геологические памятники: классический разрез верхнемеловых известняков датского яруса с локальными скоплениями окаменевших морских ежей; тектоническая система трещин, расширенных скальным оползнем. Массив пронизан карстовыми лабиринтами со свойственными им водотоками.

На территории рощи сохранились развалины древней крепости VIII–X веков. Считается, что она была сооружена черкесами как сторожевой пост, контролировавший тропу вдоль реки Хосты. На отвесной скале, омываемой с трех сторон рекой, сохранились лишь остатки

Юлия Ерофеева и сотрудники составляют план лесотехнических работ в роще

стен высотой 7–8 метров и полуразрушенные угловые башни.

Юлия Андреевна Ерофеева работает в заповедной роще сорок три года. От того безоблачного времени, когда отец маленькой Юли, возвращаясь с работы на плантации пробкового дуба отправлял дочь вперед на лошади, у нее осталось воспоминание о теплом летнем вечере, мягкой гриве лошади под руками, ее радостном легком ржании, когда она останавливалась перед калиткой дома. Раздавался ласковый голос матери: «Вот и наша Юля приехала!» Позже девочка стала помощницей по дому, по хозяйству. Жили они в селе Верхняя Николаевка. Работая в своем саду и на плантации пробкового дуба, Юля и прочла первые увлекательные страницы в Книге Природы.

«Наверное, оттуда и мой выбор профес-

сии», — говорит Юлия Андреевна. Хотя поиски призвания были не очень легкими, жить и работать она решила в родных местах — здесь жили близкие, здесь у Юлии было много друзей: в школьные годы она посещала хоровой и драматический коллективы художественной самодеятельности.

Лесохозяйственный факультет Новочеркасского инженерно-мелиоративного института она окончила заочно в 1981 году, когда уже работала в Хостинской тисо-самшитовой роще. А трудиться в заповеднике начала с 1973 года техником-лесоводом. Сейчас Юлия Андреевна Ерофеева — старший госинспектор, руководитель коллектива Хостинского отдела. В тисо-самшитовой роще небольшой коллектив, хоть площадь охраняемой территории — более трехсот гектаров. У Ерофеевой хорошие помощники: здесь старшим госинспектором трудится ее сын Александр Ерофеев, а госинспектором — невестка Наталья.

Хотя должностные оклады в коллективе небольшие, но важно, что его руководитель в каждой ситуации принимает правильное решение, проявляет требовательность, организует людей. Госинспекторы под руководством Ерофеевой делают все необходимое для надежной охраны уникального рекреационного объекта.

Особая забота сотрудников — браконьеры. В заповедной роще от них чаще всего страдают вечнозеленые насаждения.

«В первую очередь, страдает иглица. Самшит, тис, но больше всего, конечно, кавказская иглица, — рассказывает Юлия Андреевна. — Ее в больших количествах собирают на букеты и для оформления траурных венков, а еще на

метелки, которыми подметают улицы города.

Надо сказать, что, по наблюдениям инспекторов нашего отдела, в последнее время таких нарушений стало меньше. Люди понимают, что территория охраняется, и лишний раз думают, стоит ли идти сюда с такими целями. Но я надеюсь, что на снижение нарушений влияет не только оперативная работа госинспекторов, но и наши профилактические мероприятия. Мы встречаемся с населением, вывешиваем предупреждающие аншлаги.

Кроме браконьерства, есть и еще одна проблема, наиболее острая для южных лесов, — пожары. Особенно осенью. Несколько дней сухой погоды достаточно, чтобы упавшая на сухую листву спичка или сигарета вызвала пожар. Поэтому мы призываем всех быть осторожными и беречь хрупкую природу тисо-самшитовой рощи».

Юлии Андреевне оказал доверие коллектив заповедника: уже много лет она является председателем комитета профсоюза. Многим она помогла в освоении профессии, в жизни, поддержала в трудную минуту, но заботится о людях она не по обязанности, а по велению души. Юлии Андреевне дано умение сочетать напряженную работу в коллективе Хостинского отдела с решением насущных проблем заповедника.

В последнее время в тисо-самшитовой роще произошли изменения, важные не только для ее сотрудников. После того как Сочи был выбран местом проведения зимних Олимпийских игр 2014 года, на основании постановления Правительства РФ роща была внесена в Программу строительства олимпийских объектов и развития города Сочи как горноклиматического курорта. В рамках проекта был построен современный визит-центр,

Юлия Ерофеева проводит экскурсию для участников совещания МПР

В роще она знает каждое растение

Сотни раз прошла она по этим тропинкам

проведена реконструкция Малого экскурсионного кольца «Загадочный мир колхидского леса», восстановлен маршрут Большого кольца. В 2014 году открыт еще один эколого-туристический маршрут — «В глубь веков».

Эколого-туристические маршруты рощи дают возможность соприкоснуться с доисторическим лесом, увидеть обилие вечнозеленых видов папоротников, орхидей, грибов, мхов, редких и исчезающих растений. Роща круглый год открыта для гостей. Посетители приходят сюда с интересом и любовью, и лес делится с ними своей энергией и красотой.

«После посещения тисо-самшитовой рощи, где сам воздух наполнен таинственностью и напоминает о тысячелетней истории, понимаешь, что есть вечные ценности, которые нельзя принести в жертву новому строительству. И то, что на территории Российской Федерации существует такой объект, — здорово! А люди, занимающиеся сохранением этого природного богатства, — подвижники и большие молодцы», — эту запись оставил в книге отзывов один из посетителей.

Роща — прекрасное место для того, чтобы проводить здесь учебные экскурсии, школьные уроки, экологические акции и мероприятия. Это самый близкий к Сочи участок Кавказского заповедника, включенного в Список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. В Сочи реализуется Программа экологизации общего образования, и воспитать экологически грамотных людей можно, только теснее объединив усилия работников народного образования и сотрудников особо охраняемых природных территорий.

Во время международной природоохранной акции «Марш парков» школьники активно

Юлия Ерофеева, старший госинспектор

помогают сотрудникам рощи в уборке территории, вывешивают скворечники. Есть у рощи и постоянные помощники — члены кружка «Юный эколог» Хостинской общеобразовательной школы № 3.

«Мы всегда рады видеть на нашей экологической тропе школьников и дошкольников. Полюбив природу с детского возраста, ребята не причинят ей вреда никогда», — говорит Юлия Андреевна.

По инициативе эколого-просветительского отдела заповедника в роще установлена Скамья здоровья. Доброе дело постарались сделать все вместе: работники рощи нашли высоко в горах кряж ясеня и изготовили из него прекрасную

скамью, ребята из школы № 25 украсили спинку скамьи резьбой, дети из экологического театра подготовили театрализованное представление на торжественном открытии объекта. Художник и музыкант Александр Гордеев выступил с концертом на глиняных флейтах-окаринах, изготовленных им собственноручно. Скамья установлена в изумительно красивом месте, возле огромного замшелого пня. Здесь можно отдохнуть, наполниться добрыми чувствами и ощутить воздействие целебных сил природы.

Все начинается с детства, и всем нам сообщать надо искать пути к тому, чтобы, прежде всего, наши дети любили и берегли природу, Тогда и вести себя они будут соответствующим образом. А роща будет всегда рада гостям, ведь ее посещение благотворно и для тех, кто хочет отдохнуть на природе, и для тех, кто изучает природу и экологию.

Помимо вдохновения, роща дает пищу для научных исследований и открытий. Так, легендарный талантливый ученый биолог П. Лазук благодаря многолетним наблюдениям в роще установил, что ствол самшита прирастает на 1 мм в год. Будущий доктор биологических наук Б. Туниев изучал здесь герпетофауну, начинающий орнитолог, ставший кандидатом биологических наук, П. Тильба, инвентаризируя орнитофауну, приходил в рощу в предзвездные часы, чтобы слушать голоса птиц.

Хостинская тисо-самшитовая роща всегда была и остается научной лабораторией для ученых, привлекает она и студентов — будущих биологов и зоологов. В 2003 году здесь была установлена вторая в России автоматическая метеорологическая станция американского производства. Компьютер считывает данные

Юлия Ерофеева получает награду от Главы города Сочи Анатолия Николаевича Пахомова

На открытии Музея природы в Хостинской тисо-самшитовой роще - директор заповедника Сергей Швелев и старший госинспектор Юлия Ерофеева

Юлия Ерофеева в кабинете бывает не часто

не только о температуре воздуха, направлении ветра, но и о влажности почвы, листьев, медицинском типе погоды — всего 11 параметров.

Каждое утро над этой единственной в мире рощей будет восходить солнце. Оно разгонит тени в ущелье, позолотит воды горной реки Хосты, бросит яркие блики на листву вековых деревьев. Придите к ним с надеждой и любовью, и они поделятся с вами своей энергетикой, целебная сила которой еще мало изучена. Но бесспорно, что деревья и травы, цветы и птицы и все другие братья наши меньшие помогут жить радостнее и дольше.

«Хостинская роща — храм природы, и работники делают все для того, чтобы это волшебное место без ущерба для него могли посетить жители и гости Сочи. Мы работаем для того, чтобы сохранить уникальную рощу для потомков, чтобы и через 100 лет люди, пришедшие сюда, увидели эту красоту», — говорит Юлия Андреевна Ерофеева.

Огромный труд, напряженные дни и, порой, беспокойные ночи — все это ее любимая работа. За многолетний и добросовестный труд Юлия Андреевна Ерофеева награждена знаками «За заслуги в заповедном деле» и «Отличник охраны природы», почетными грамотами и благодарностями Министерства природных ресурсов и экологии, различных организаций и ведомств. А в 2014 году она была удостоена знака «Почетный работник охраны природы».

«Когда мне было пятнадцать лет, я пришла сюда со своим восьмым классом, Помню, что меня до мурашек на коже поразил лес, я восхищалась его величием и красотой. Недавно я пошла по тропе, взяв за руку свою внучку. И снова ощутила то же самое чувство».

Ольга Турищева

— ЧЕЛОВЕК, ЛЮБЯЩИЙ ЖИЗНЬ —

Николай Миргородский

*Дом, в котором я жил,
Дом, в котором живу, —
Оба дома такие родные,
Жизнь всегда я любил
И сегодня люблю,
Хотя волосы стали седые.*

Пятьдесят из своих 75 лет, с августа 1966 года, Николай Алексеевич Миргородский работает в Кавказском заповеднике. Был помощником лесничего Северного отдела, затем лесничим объединенного Юго-Восточного и Восточного отделов, лесничим Восточного отдела. Сейчас Николай Алексеевич, старший госин-

спектор Восточного отдела, передает свой опыт молодым госинспекторам. В 2014 году, в связи с 90-летием заповедной системы, за большой личный вклад в развитие заповедного дела награжден Почетной грамотой Министерства природных ресурсов Российской Федерации.

Самые напризные месяцы в предгорьях Главного Кавказского хребта — февраль и март. Сегодня солнце, а на завтра — дождь, снежная крупа. Но какие бы фокусы ни выкидывала погода, весна чувствуется во всем: в ярком цветении цикламенов, появлении потомства у зверей, перелете птиц. В Восточном отделе охраны заповедника первой

зацветает Алычовая поляна, остаток древних черкесских садов, все яснее по утрам горная гряда с вершиной Шахан.

И сейчас весной, как и в молодые годы, когда Николай Алексеевич Миргородский совершает дальние, порой в сотни километров, переходы, восхождения. Лес и горы манят, зовут. Горы прекрасны. Хотя бы тем, что здесь, в этих мрачноватых дебрях, среди этих скал, на этой неизведанной тропе чувствуешь себя мужчиной.

Не так давно Восточный отдел заповедника, где он более тридцати шести лет проработал лесничим, укрупнен за счет территории Юго-Восточного отдела. Возглавил его Виктор Николаевич Булгаков, а старший госинспектор Николай Алексеевич назначен его заместителем. Богатый опыт Миргородского, инженера-лесотехника по образованию, в охране заповедника очень необходим.

Миргородский из числа тех людей, о каких говорил его первый директор, Христофор Георгиевич Шапошников: «Кого любишь, того и охранять будешь». Не без гордости говорит Николай Алексеевич о том, что зверей в лесах их Восточного отдела больше, чем в других.

Коренастый, с вьющимися волосами и голубыми глазами, Миргородский и внешне похож на тех русских богатырей, что стояли в старину на заставах. Чтобы охранять лес, надо иметь, помимо знаний о растениях и животных, силу, выносливость и много других качеств. Во время службы в армии Николай Алексеевич был призером соревнований по тяжелой атлетике в полку. О борьбе с браконьерами говорит мало — не любит хвастовства. А ведь всякое случалось за десятилетия работы.

Жалеет животных. «Животное перенесло трудную зиму, оно худое, слабое. И его убить?»

Миргородскому приходилось и оленят выпаивать молоком, а потом отправлять в другие заповедники — было такое задание. Вспоминает, что все вместе клички им давали — и на вертолет. Помогали жена Валентина и дочь Таня. Принимал участие Николай Алексеевич и в работе зубропитомника, который находился возле кордона Умпырь. Там зубров выращивали, приучали к вольной жизни.

«Эти огромные животные, никакого зверя не боящиеся, забредали и в огороды, к людям привыкли, сразу на вольные хлеба уходить не хотели», — рассказывает Николай Алексеевич, Вспоминаются годы, когда численность зубров со 137 голов в 1957 году выросла до 1300 в 1986 году. Был период, когда в заповеднике воцарилось настоящее беззаконие, и браконьеры уничтожили почти весь прирост этих копытных. К 2002 году зубров осталось 140. Пришедший на должность директора С. Г. Шевелев восстановил строгую дисциплину в коллективе, и если бы он не был требовательным к руководителям отделов, ко всем сотрудникам, последствия были бы плачевными. Сейчас численность животных растет, их уже около 1000 голов, и большая их часть обитает на территории Восточного отдела заповедника. Давно уже нет зубропарков — зубры ныне вольные, дикие звери, гордые и могучие хозяева горных лесов и лугов. То, что зубр стал символом Кавказского заповедника, — заслуга ветеранов, в том числе и Миргородского.

Помимо большой, напряженной работы по охране и защите десятков тысяч гекта-

Николай Миргородский, Восточный отдел Кавказского заповедника

ров заповедного леса и его обитателей, он сделал все, что было в его силах, для улучшения быта работников заповедника и их семей в лесу. Под руководством Николая Алексеевича и при его непосредственном участии на всех кордонах Восточного отдела в прошлые годы были построены жилье, мосты: «Мы имеем транспорт не только в Псебае, но и на кордонах, в помощь госинспекторам появились трактора, новые средства связи. Остается работать с любовью к нашей прекрасной заповедной природе».

Родился Николай Алексеевич в станице Ново-Кубанской в 1941-м, первом году Великой Отечественной войны. Отец, Алексей Матвеевич, ушел на фронт, когда его сыну было всего пять месяцев. Возвратился с победой в 1945-м, с двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны, медалями, брал Берлин. Можно только представить, что пережила с пятью детьми на руках на оккупированной немцами Кубани его жена, Харитина Владимировна. Малыш запомнил, как немец играл с ним, подбрасы-

Николай Миргородский за рабочим столом

вая вверх, а потом дал шоколадку. Посчастливилось остаться в живых.

Дети войны — особенные, приучены к самостоятельности самой жизнью. Николай стал рано помогать отцу, работавшему в леспромхозе, бывал на делянках, перевозил на лодке рабочих через реку Кубань. А в школу мальчишка ходил за пять километров через лес и, думается, ближе к сердцу, чем другие, воспринимал красоту деревьев, цветов и бабочек, внимательнее присматривался к жизни птиц.

«Чего греха таить, — говорит Миргородский, — собирал я тогда коллекцию птичьих яиц. До орла пытался добраться, но хозяин защитил гнездо».

Многочисленные истории с отцовским ружьем закончились тем, что отец вынужден был научить сына сборке и разборке, стрельбе.

Поскольку не только отец, но и дядя Василий Матвеевич был лесотехником, перед Николаем вырисовывалась прямая дорога к профессии, но после школы он пошел работать... в духовой оркестр. Правда, ненадолго. Лес позвал.

Николай Миргородский получает награду от Администрации Краснодарского края

В Майкопском лесном техникуме, куда Николай поступил, все ему давалось легко, потому что многое он уже знал по практике на отцовских делянках. Но заканчивать техникум пришлось уже после службы в армии. Вспоминая об армейских буднях в Дрездене, который с боями брал его отец, Николай рассказал о возведении Берлинской стены, которую уже другому поколению пришлось разбирать.

Позже Миргородский заочно закончил лесохозяйственный факультет Новочеркасского инженерно-мелиоративного института.

Пожалуй, в природе Николай Алексеевич видит больше постоянства, чем в человеческом сообществе. По словам Николая Алексеевича, «эта великая и, казалось бы, бесстрастная природа — первая помощница человека в лучшие и в худшие времена. Она — народное богатство и целительница душ. Если считать ее только кладовой и уносить все, что можно взять сейчас, здорово ошибешься».

Николай Алексеевич учился у старших по возрасту лесничих: Николая Ивановича Митрофанова, Филиппа Васильевича Ковале-

ва (к сожалению, их уже нет в живых), а также у Валентина Ивановича Уварова. «Их опыт помогал в разные годы в различных, порой сложных ситуациях», — заключает собеседник.

Нелегка и опасна профессия лесничего. Имена погибших при исполнении служебных обязанностей, как, например, Алексея Харитоновича Пилипенко, начертаны не только на памятниках, но остаются и в сердцах.

К сожалению, пока нет песни о часовых леса, где бы нашлось место возвышенным словам об их женах, которые, несмотря на частые разлуки, всегда стойко переносят все, что выпало на их долю, — как жена Николая Алексеевича Миргородского, Валентина Федоровна, с которой они сорок лет были вместе. Эти люди — подвижники. Медик по профессии, Валентина Федоровна часто спасала людей в суровых условиях лесной жизни. Несколько лет назад Валентины Федоровны не стало. Светлая о ней память.

Слова и цифры отчетов Восточного отдела заповедника по различным направлениям деятельности не могут, конечно, рассказать о замечательных людях, охраняющих лес. Во многом благодаря госинспекторам охраны, таким как Николай Алексеевич Миргородский, существует и развивается заповедник.

Территория Восточного отдела имеет сложный горный рельеф. Здесь расположена самая высокая вершина заповедника и Краснодарского края — гора Цахвоа, достигающая 3346 м. Нужно очень сильно любить заповедник и его суровые горы с такими трудными перевалами и обледенелыми тропами над бездонными пропастями, синее-синее небо над этими горами, и непролазные леса на их

крутых боках, и широко распахнутые навстречу солнцу высокогорные луга, и все живое, что есть в этих горах, лесах, лугах, нужно беззаветно все это любить, чтобы бескорыстно посвятить свою жизнь заповеднику.

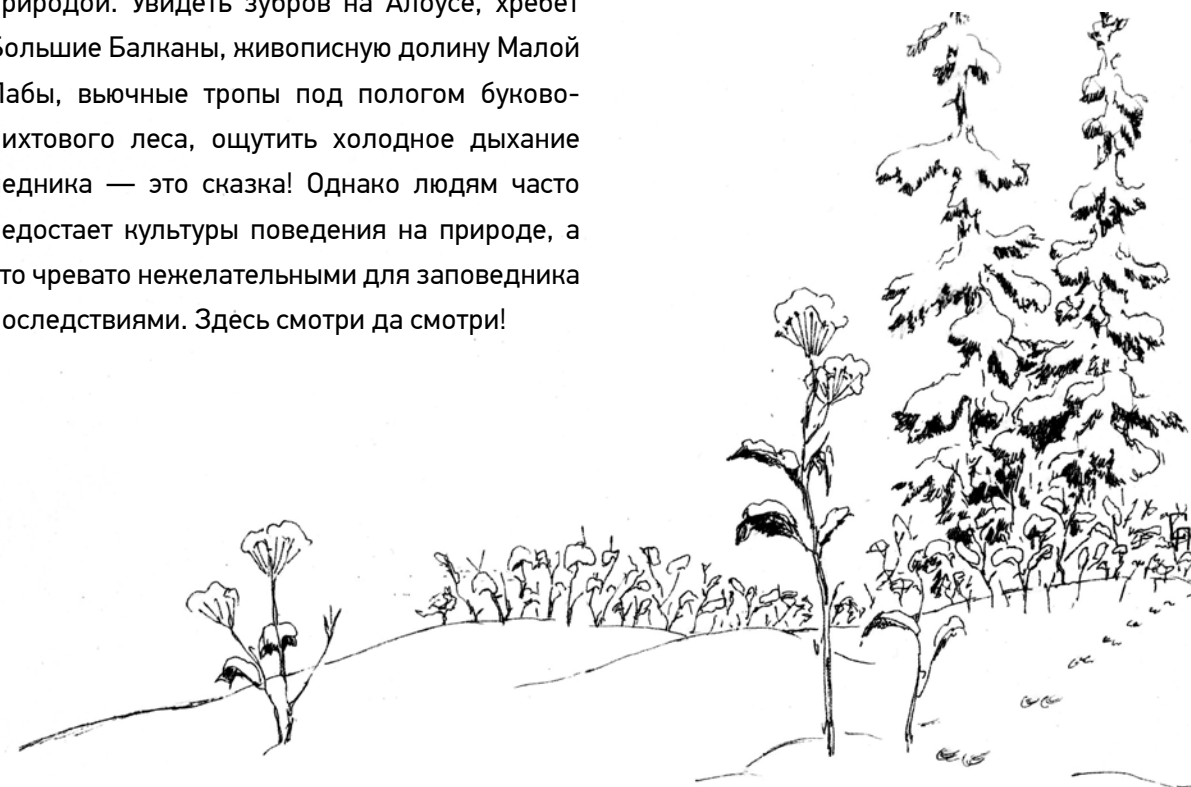
Сколько доброго сделал наш герой для растительного и животного мира заповедника! Эта любовь к живому проявилась и в отношении Николая Алексеевича к лошадям Березке и Майору, отличным помощникам лесничего. Они, безотказные участники производственного процесса, были бесконечно рады награде хозяина — кусочку сахара из его кармана.

С противоречивыми чувствами вспоминает Николай Алексеевич Миргородский о том времени, когда через кордоны их отдела проходило два всесоюзных туристских маршрута. Приятно, что тысячи людей видели красивейшие заповедные места, соприкасались с дикой природой. Увидеть зубров на Алоусе, хребет Большие Балканы, живописную долину Малой Лабы, выючные тропы под пологом букво-пихтового леса, ощутить холодное дыхание ледника — это сказка! Однако людям часто недостает культуры поведения на природе, а это чревато нежелательными для заповедника последствиями. Здесь смотри да смотри!

Николай Алексеевич трудится в конторе Восточного отдела в поселке Псебай. Он проводит сеансы радиосвязи с кордонами, инструктаж туристов, работает с документами, занимается эколого-просветительской деятельностью. Его опыт необходим для развития познавательного туризма в Кавказском заповеднике. Здесь надо знать и любить природу, а Миргородский, как и его коллеги, десятки лет отдавшие делу охраны заповедника, могут сказать о себе словами Михаила Юрьевича Лермонтова: «Как сладкую песню Отчизны моей, люблю я Кавказ».

«Благодаря великой матушке-природе и людям, которые меня окружают, я полон сил и энергии. Надеюсь еще потрудиться на благо заповедника».

Николай Ескин

Люди заповедные

*100-летию создания первого российского
заповедника посвящается*

— СБОРНИК ОЧЕРКОВ —

Автор-составитель сборника

Евгений Богданов

Авторы:

Евгений Богданов, Екатерина Головина, Николай Ескин, Ольга Турищева

Редакция сборника:

Яна Малиновская и Наталья Буторина

Издатели выражают особую благодарность
за предоставленные материалы
Евгению Веселовскому и Сергею Сокольскому.

Художник

Сергей Подольский

Дизайн обложки *Алена Небусова*

Фотографии предоставлены авторами публикаций.

ФГБУ «Кавказский государственный природный биосферный заповедник», Сочи, 2016
Автор идеи и организатор подготовки сборника к печати АНО ЭкоЦентр «Заповедники», Москва

Типография «Оптима» г. Сочи, ул. Советская, 40, 6 этаж. Тел.: 264-69-17.

